

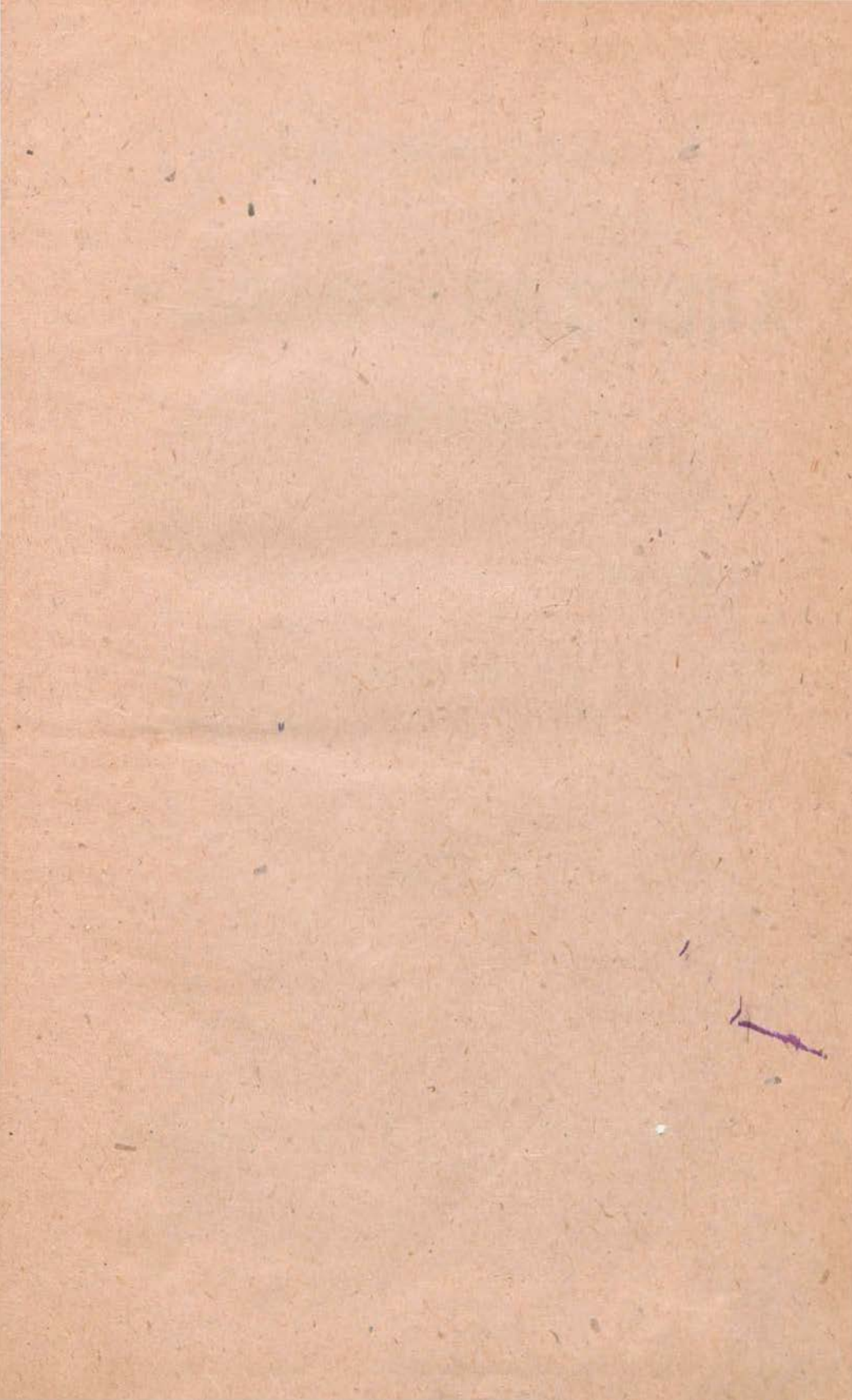
ВИРЕНИУС

ХАРАКТЕРИСТИКА
УЧАЩАГОСЯ

S $\frac{78}{226}$

S 78
226

Госуд. Книжный фонд

211
370

С 78
226

Докторъ мед. А. С. Виреніусъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАЩАГОСЯ.

ТѢЛОСЛОЖЕНІЕ, ТЕМПЕРАМЕНТЪ И ХАРАКТЕРЪ
ВЪ ПОРУ
ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

и 37
502

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія **Б. М. Вольфа**, Разъѣзжая, 15.
1904.

21626

Дозволено ценз. С.-Петербургъ, 8 Апрѣля 1904 г.

2010513974

S 78
226

Въ цѣляхъ изслѣдованія отношеній между тѣлесной и духовной природой учащагося безусловно необходимо наиболѣе отчетливое ознакомленіе съ тѣлосложеніемъ ребенка, съ темпераментомъ и характеромъ послѣдняго, т. е. съ подробностями анатомическими, фізіологическими и психологическими его природы. Слѣдовательно изслѣдованіе такое оказывается возможнымъ при посредствѣ по крайней мѣрѣ двухъ специалистовъ: врача и педагога.

Въ школѣ врачъ и педагогъ стояли, до послѣдняго времени, въ отношеніяхъ прямо враждебныхъ, поэтому о дружной совмѣстной ихъ работѣ на пользу воспитанія дѣтей нечего было и думать! Оба специалиста работали порознь, не спѣваясь, не согласуясь, не зная, можно—сказать, другъ друга. Понятно, что при такихъ условіяхъ настоящія медико-педагогическія изслѣдованія были немыслимы.

Въ наукѣ издавна уже накоплялись данныя для изслѣдованія тѣлосложенія, темперамента и характера ребенка, и издавна же наступала и пора къ совмѣстному ихъ изученію со стороны врачей и педагоговъ, однако въ самое послѣднее только время мы становимся свидѣтелями дружной работы этихъ специалистовъ въ описываемомъ направленіи, да и то главнымъ образомъ въ видѣ теоретическихъ, кабинетныхъ лабораторныхъ изслѣдованій, но далеко не находящихся доступа въ самое школу, въ самую жизнь учащихся.

Врачи учебныхъ заведеній вообще мало обращаютъ вниманія на всестороннее изученіе личности учащихся, ограничиваясь обыкновенно опредѣленіемъ нѣкоторыхъ подробностей ихъ тѣлесной организаціи, состоянія здоровья и болѣзненности. Такая узость программы изслѣдованія объясняется, съ одной стороны, недоступностью для врачей деталей умственной и нравственной обстановки учащихся, а, съ другой, и неподготовленностью по части психологіи и педагогики, каковыя науки оказываются безусловно необходимыми въ дѣлѣ изученія тѣлесной и духовной природы учащихся.

Проводя большую часть жизни среди учащихся, мы имѣли случай наблюдать и изучать ихъ въ самыхъ разнообразныхъ

условіяхъ ихъ обстановки, и накоплять данныя по части тѣлесной, нравственной и умственной ихъ жизни. Не находя ни въ литературѣ, ни въ школѣ готовой программы къ установленію надлежащаго медико-педагогическаго изслѣдованія, мы сначала ограничивались наблюденіями существенныхъ подробностей тѣлосложенія и темперамента учащихся, и только между прочимъ, мимоходомъ знакомились съ ихъ характеромъ, съ психологическими и педагогическими условіями ихъ жизни.

Наблюденія наши привели насъ въ теченіе многихъ лѣтъ къ установленію опредѣленныхъ плана и программы изслѣдованія, а, главное, дали возможность ближе ознакомиться съ отношеніями тѣлесной и духовной природы ребенка, далеко еще недостаточно выясненными въ педологіи.

Наблюдая учащагося съ тѣлесной стороны или, точнѣе, со стороны анатомической, мы пришли мало-по-малу къ убѣжденію, что имѣется четыре главныхъ типа тѣлосложенія, соотвѣтственно четыремъ основнымъ тканямъ тѣла человѣческаго.

На мысль о разновидностяхъ тѣлосложенія навелъ насъ впервые—сколько можемъ припомнить—трактатъ о томъ ветеринарнаго врача Шютца *), доказывавшаго, что старинное понятіе „темпераментъ“ должно быть замѣнено словомъ „тѣлодвиженіе“ или „конституція“, такъ какъ функціональныя отношенія, приписываемыя темпераментамъ, объясняются прямо строеніемъ и распредѣленіемъ въ тѣлѣ тканей, т. е. анатомическими, а не фізіологическими условіями организаціи животнаго тѣла.

Ранѣе Шютца проф. Лейдигъ, а за нимъ Клодъ-Бернаръ говорили о четырехъ основныхъ тканяхъ тѣла, въ 1883-мъ же году наиболѣе обстоятельно писалъ о нихъ проф. Гейтцманъ (въ Нью-Йоркѣ **), какового описанія справедливо можно было бы держаться и по настоящее время.

Что касается темпераментовъ, то, по общепринятому обычаю, приходилось довольствоваться теоріею Гиппократъ, допускаяшею четыре темперамента: сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій, и построенною на основаніи преобладанія въ тѣлѣ человѣческомъ крови или лимфы, или желчи желтой и черной. Несмотря однако на неосновательность такого гуморально-патологическаго взгляда, самое описаніе темпераментовъ нельзя не признать въ высшей степени талантливимъ и отвѣчающимъ истинѣ, за вы-

*) Schütz. Die Lehre von der Constitution vom cellular-pathologischen Standpunkte. Berlin. 1872.

**) Heitzmann. Mikroskopische Morphologie des Thierkörpers im gesunden und kranken Zustande. Wien. 1883.

ключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ деталей и сомнительнаго флегматическаго темперамента, носящаго болѣе патологическій, чѣмъ физиологическій характеръ. Наши личныя наблюденія не подтверждали наличности этого „флегматическаго“ темперамента на дѣтяхъ (вср. и на взрослыхъ), но привели насъ къ заключенію о необходимости допустить вмѣсто него типъ темперамента, хотя и близко подходящій къ флегматическому по гиппократовскимъ признакамъ, но въ значительно смягченной ихъ формѣ и далеко не въ столь законченномъ видѣ, въ какомъ рисовались они у Гипократа для лицъ взрослыхъ. Такъ называемый „флегматикъ“ являлся, по нашимъ наблюденіямъ, не столько вялымъ, неповоротливымъ, индолентнымъ существомъ, сколько субъектомъ недоразвитымъ, незаконченнымъ, состоящимъ какъ бы въ зачаточномъ состояніи физиологической своей жизни. Намъ кажется, что темпераментъ этотъ лучше всего можно было бы назвать „индифферентнымъ“.

Четверное дѣленіе (тетрахотомія) типовъ тѣлосложенія и темперамента слѣдуетъ признать безусловно справедливымъ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ; таковое же дѣленіе подходитъ и къ характеру и къ основнымъ умственнымъ способностямъ учащагося. Принципъ четверного дѣленія психическихъ процессовъ превосходно провелъ покойный профессоръ Н. Гротъ въ сочиненіяхъ своихъ „Къ вопросу о реформѣ логики“ и „Психологія чувствованій“, хотя специалисты по психологіи и логикѣ какъ-то обошли теорію Грота полнымъ, по нашему мнѣнію, незаслуженнымъ молчаніемъ. Во всякомъ случаѣ, четверное дѣленіе типовъ тѣлосложенія, темперамента, характера и основныхъ умственныхъ способностей учащагося такъ подходило къ наблюдаемымъ нами на дѣтяхъ фактамъ и явленіемъ ихъ тѣлесной и духовной жизни, и такъ облегчало наши изслѣдованія, что мы, хотя бы даже и до поры до времени, до выясненія вопроса, давно рѣшили держаться этого дѣленія въ нашей медико-педагогической практикѣ.

Основные четыре умственные способности, особенно важныя въ педагогическомъ отношеніи, а именно: способность памяти, способность интересоваться (увлекаться) предметомъ занятій, способность вниманія и способность пониманія, слушать, наравнѣ съ тѣлосложеніемъ, темпераментомъ и характеромъ, къ опредѣленію и оцѣнкѣ личности учащагося, и могутъ даже однѣ, сами по себѣ достаточно характеризовать эту личность, по крайней мѣрѣ для учителя, класснаго преподавателя, какъ это мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности, но не могутъ удовлетворить педагога, для котораго одинаково важны, наряду съ умственными способностями, и характеръ, и темпераментъ, и тѣлосложеніе учащагося.

Психика человѣка взрослого обнимаетъ всѣ только-что

упомянутыя умственныя способности, которыя, гармонически сочетаясь, участвуютъ, каждая болѣе или менѣе энергично, въ умственной его жизни; субъекты же юные, незаконченные въ своемъ развитіи, овладѣваютъ этими способностями постепенно, мало-по-малу, задерживаясь на каждой изъ нихъ въ опредѣленные періоды, въ опредѣленные возрасты. Начальная пора психической жизни (періодъ дѣтства) ограничивается главнымъ образомъ работою памяти, слѣдующая пора (отрочества), когда развивается эмоціональная дѣятельность, отличается проявленіемъ интереса, третья пора (юношества), сильная мышечною дѣятельностью, характеризуется энергіею вниманія, и четвертая пора (возмужалости) усиленною работою мышленія, пониманіемъ. Такимъ образомъ, всѣ описываемыя четыре способности находятъ въ жизни каждаго время и мѣсто для своего обнаруженія и процвѣтанія, прежде чѣмъ достигнуть полнаго совершенства и возможности дѣйствовать заодно, сообща въ одномъ и томъ же индивидуумѣ.

Всѣ четыре умственныя способности дѣйствуютъ собственно параллельно четыремъ типамъ тѣлосложенія, темперамента и характера, и большею частью соотвѣтствуютъ имъ по ступенямъ развитія у отдѣльныхъ субъектовъ. Такъ, память, напримѣръ, предпочтительно свойственна клѣтчатковому тѣлосложенію, интересъ эпителіальному и т. д.; по отношенію къ темпераментамъ и характерамъ наблюдается подобное же соотвѣтствіе: память болѣе сродна флегматическому темпераменту и индифферентному характеру, интересъ сангвиническому темпераменту и эмоціональному характеру и т. д. Выходитъ такимъ образомъ, что типы умственныхъ способностей строго параллельны съ ними, въ обнаруженія на томъ или другомъ индивидуумѣ. Знакомство съ любымъ отдѣльнымъ типомъ умственныхъ способностей дополняетъ, облегчаетъ ознакомленіе съ параллельнымъ типомъ тѣлосложенія, темперамента и характера, знакомство же со всѣми ими въ совокупности успѣшно содѣйствуетъ болѣе или менѣе полному изученію личности индивидуума вообще.

Внимательно наблюдая за юнымъ существомъ, мы мало-по-малу приходимъ къ тому, что все въ немъ совершается въ строгой постепенности и послѣдовательности. Какъ типы тѣлосложенія, темперамента и характера, такъ и типы умственныхъ способностей, растутъ и развиваются одни за другими, всякое же уклоненіе, напримѣръ, перескакиваніе черезъ типъ или сразу установленіе не по порядку болѣе высокаго, вмѣсто низшаго типа, представляетъ явленіе ненормальное, нежелательное, даже опасное. Такъ называемыя Wunderkinder (чудо-дѣти) тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ дѣтей, что типы тѣлосложенія, темперамента, ха-

рактера и умственныхъ способностей упреждаютъ у нихъ возрастныя отношенія, что въ нихъ обнаруживаются и дѣйствуютъ не свойственные природѣ ихъ возраста, менѣе совершенные, низшіе типы, но, наоборотъ, типы болѣе совершенные, высшіе. И, при томъ, не только несвоевременное преобладаніе той или другой ткани или системы въ тѣлѣ нарушаетъ ходъ роста и развитія индивидуума, но даже крайнее развитіе или недоразвитіе одного какого-либо органа можетъ извратить жизнедѣятельность субъекта. Макроцефалы или микроцефалы, т. е. дѣти съ большой или малой головой (resp. большимъ или малымъ мозгомъ), представляють печальное явленіе несоотвѣтственнаго хода развитія тѣлесной и психической жизни индивидуума. Величина верхнихъ или нижнихъ конечностей, обуславливая величину ихъ силы и энергіи, имѣетъ слѣдствіемъ измѣненіе ихъ дѣятельности, а тѣмъ самымъ влияетъ на работоспособность, на профессиональныя отношенія субъекта.

Вообще, въ каждомъ индивидуумѣ соблюдается болѣе или менѣе строгая постепенность и послѣдовательность роста и развитія тѣлесныхъ и духовныхъ свойствъ, и, несмотря на одновременное, большее или меньшее, своеобразное прогрессированіе всѣхъ ихъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи, для каждаго изъ нихъ бываетъ, какъ пора наибольшаго, предпочтительнаго роста и развитія, такъ и пора меньшаго, задержаннаго роста и развитія, и даже застоя (ингресса), если не регресса.

Однимъ словомъ, наблюденія наши говорятъ, какъ въ пользу четверного дѣленія типовъ тѣлосложенія, темперамента, характера и основныхъ умственныхъ способностей учащагося, такъ и въ пользу постепеннаго и послѣдовательнаго ихъ роста и развитія въ нормальномъ человѣческомъ существѣ вообще.

Болѣе подробное и обстоятельное выясненіе вопроса и составляетъ цѣль настоящаго разсужденія.

Іюль 1903 г.

Авторъ.

Характеристической чертой каждого специалиста считается обыкновенно односторонность, узость вззръній. Выраженіе „дальше носа своего не видитъ“ вполнѣ примѣнимо къ большинству специалистовъ. Правда, по отношенію къ нѣкоторымъ профессіямъ это оказывается еще терпимымъ, но къ такимъ, какъ медицинская или педагогическая, прямо недозволительно. Такъ, педагогъ и врачъ смотрятъ, первый на учащагося, второй на пациента, какъ на объектовъ, подлежащихъ ихъ попеченію на извѣстный опредѣленный срокъ, а затѣмъ исчезающихъ для нихъ безслѣдно. Это рѣшительно несправедливо. Какъ врачъ долженъ поставить на видъ грядущія послѣдствія болѣзни и начертать будущій санитарный режимъ пациента, такъ и педагогъ долженъ, воспитывая ученика тѣлесно и умственно, преподавать ему правила поведенія, какъ слѣдовало бы ему держаться не только во время ученія, но и въ дальнѣйшіе годы жизни. Не только невѣжественный, но каждый культурный человѣкъ оказывается обыкновенно предоставленнымъ на произволъ всякихъ случайностей, неумѣлымъ, несвѣдущимъ въ самыхъ простыхъ, житейскихъ, равно и въ санитарныхъ дѣлахъ, и рискующимъ подвергаться всякимъ непріятностямъ, даже опасностямъ ежедневно, ежечасно. Учащемуся школа обязательно должна сообщить не только знанія общеобразовательныя, но и основныя свѣдѣнія по части нравственности и гигиены. Какъ извѣстныя дисциплинарныя правила усваиваются въ школѣ и удерживаются большинствомъ на всю жизнь, такъ точно и правила гигиены и тѣлеснаго воспитанія должны бы были въ школьные годы войти въ плоть и кровь каждого и оставаться руководящими до конца жизни. Однако на гигиену, какъ извѣстно, не обращается въ школѣ должнаго вниманія, и кончающіе курсъ даже въ высшихъ заведеніяхъ не имѣютъ понятія даже объ элементахъ этой важнѣйшей и существенно-необходимой науки. Послѣдствія такого незнанія оказываются самыя печальныя. Высоко-развита, научно-образованная личности не придаютъ никакого значенія сохраненію здоровья, допускаютъ всякія его нару-

шенія и только къ старости, когда уже всякая надежда на исправленіе утрачена, хватаются за мѣры медицинскія и гигиеническія, чтобъ продлить на нѣсколько лѣтъ жизнь, которая при иныхъ, разумныхъ условіяхъ могла бы спокойно длиться десятки лѣтъ. Въмѣсто того, чтобы дожить до 100 лѣтъ—предѣла человѣческой жизни, большинство людей крѣпкихъ отъ природы, но расшатанныхъ, благодаря пренебреженію къ правиламъ гигиены, едва достигаетъ 70—60 л., да и то въ состояніи полного переутомленія и самаго гнетущаго душевнаго настроенія. Въ 50 лѣтъ, когда человѣкъ доходитъ до наиплодотворной поры своей научн й и практической дѣятельности, когда онъ въ особенности нуженъ обществу и государству, и могъ бы стлично продолжать работу, онъ погибаетъ въ наказаніе за пренебреженіе къ самымъ простымъ указаніямъ гигиены, въ наказаніе за то, что не обращалъ надлежащаго вниманія къ пользованію чистымъ воздухомъ, къ разумному пищевому режиму, злоупотреблялъ вкусовыми веществами; не умѣлъ распределять работы и отдыха и пр. И винить такого человѣка нельзя: онъ за работой, увлекаясь и забывая все и вся, жертвовалъ собою обществу; трудъ доставлялъ ему нравственное, душевное удовлетвореніе, онъ и не думалъ о тѣлѣ: онъ воображалъ, что тѣло—презрѣнная плоть, о которой заботиться не стоитъ, о которой печется безъ него сама природа, а, пожалуй, его кухарка, его лакей, прачка, но о которой не обязанъ пецись онъ самъ. Собственной жизни опытъ измѣннически подтверждаетъ его соображенія. Отрокомъ, юношей онъ переносилъ безнаказанно все, всякія лишенія, всякія излишества, всякія безобразія. Почему же и теперь, ему возмужалому, закаленному, не сойдетъ все съ рукъ! Къ этому семья, школа, общество сообщили ему всѣ насущно-необходимыя свѣдѣнія, какая же нужда браться ему за новое ученіе, за здравоохраненіе, за профилактику, за теорію, когда то, чего онъ раньше на пріобрѣлъ, отлично давала и даетъ ему практика жизни... И т. д. и т. д. И вотъ въ 60, 55, 50 лѣтъ, когда онъ установился въ своей дѣятельности, когда онъ чувствуетъ себя въ силахъ создать что-либо цѣльное, законченное, прекрасное или полезное, смерть поражаетъ его въ самомъ разгарѣ труда. Вспомнятся невольно слова Вагнера: *und ehe man nur den halben Weg erreicht, muss wohl ein armer Teufel sterben.*

Сколько лишнихъ, бесполезныхъ вещей проходитъ въ школѣ, сколько времени тратится на зубреніе того, что чрезъ нѣсколько дней забывается навѣки, а пожертвовать 3 — 4 десятка часовъ на гигиену, ради здоровья тѣла и духа, ради избавленія отъ разныхъ недуговъ и ранней смерти—нельзя. Гигиена, по мнѣнію педагоговъ-метафизиковъ, предметъ утилитарный, а не образовательный. «Допустивъ гигиену въ

школу», говорят они, «пришлось бы, пожалуй, допустить и сапожное, и портняжное, и разныя другія ремесла». Видно, по мнѣнію педагоговъ, знать эти ремесла такъ же было бы важно для образованнаго человѣка, какъ умѣть сохранять свое здоровье! Но гигиена не ремесло. Ремесла можно не знать, но гигиену знать безусловно необходимо каждому: и ученику, и ремесленнику, и самому педагогу. Благодаря педагогамъ, благодаря школѣ, благодаря пренебреженію къ гигиенѣ, учащіеся не наживаютъ, а истрачиваютъ здоровье въ школѣ, выходятъ въ жизнь слабыми, нервными, плохими работниками. Школа, не сдѣлавъ ничего для ихъ здоровья, сдѣлала все, чтобы надорвать его, и къ этому, не озаботившись даже преподавать ту науку, которая могла бы исправить ея прегрѣшенія касательно санитарнаго состоянія ея абитуриентовъ.

Чтобы поставить въ учебныхъ заведеніяхъ санитарное дѣло какъ слѣдуетъ, необходимо педагогамъ и врачамъ взяться за него дружно. Необходимо установить дѣло изученія и изслѣдованія природы учащагося въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи; необходимы совмѣстныя наблюденія педагоговъ и врачей по части тѣлосложенія, темперамента, характера учащихся, и затѣмъ, параллельно съ этими наблюденіями, необходимо примѣненіе мѣръ борьбы со всѣми вредными вліяніями, угрожающими тѣлесной, нравственной и умственной жизни учащихся. Безъ дружной усердной работы педагоговъ и врачей не мыслимо раціональное воспитаніе, а безъ такого воспитанія невозможно и истинное умственное развитіе, и истинное образованіе.

Давно уже говорятъ объ индивидуализированіи воспитанія, и замѣчаютъ даже въ послѣднее время попытки къ проведенію его въ жизнь. Трудность его заключается не въ одной какой-либо, а во многихъ причинахъ: въ крайне многочисленномъ составѣ учащихся въ классахъ, въ недостаткѣ времени, въ неподготовленности учителей и воспитателей къ психологическимъ и фізіологическимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ, въ несочувствіи къ этимъ послѣднимъ и т. д. Однако рано или поздно придется взяться за это дѣло, и потому пора было бы заняться по крайней мѣрѣ выработкой плана изученія индивидуальности учащихся, т. е. ихъ тѣлосложенія, темперамента, характера, ихъ психики, пора была бы начертать хоть схему вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію, чтобы получить понятіе, насколько они поддаются власти и вѣдѣнію педагоговъ.

Насъ лично дѣло изученія индивидуальности учащихся интересовало уже издавна. Для школьнаго врача, имѣющаго задачею выясненіе отношеній тѣлеснаго здоровья къ умственной и нравственной жизни дѣтей, нѣтъ возможности обойтись безъ того комплекса фактовъ и явленій, который обо-

значается словомъ „характеристика“ или „индивидуальность“ учащагося. При антропометрическихъ и санитарныхъ изслѣдованіяхъ мы не могли избѣгнуть ознакомленія и съ психическими данными учащихся, и потому сама собою получалась у насъ картина цѣльной, полной ихъ индивидуальности. Къ этому, такъ какъ психологическіе факты и явленія, если и не обусловливаются анатоомофизиологическими причинами, то находятся съ ними въ самой тѣсной связи, обнаруживаются параллельно съ ними. Вотъ почему отъ школьнаго врача, при ознакомленіи съ тѣлесною жизнью дѣтей, не ускользаетъ и жизнь ихъ психическая; школьному врачу—можно даже сказать—представляется возможность скорѣе и легче, чѣмъ педагогу, изучать натуру учащагося во всей ея полнотѣ и цѣлостности.

Пользуясь данными, какъ физиологій и гигиены, такъ и психологій, мы наблюдали учащихся во всѣхъ подробностяхъ ихъ внѣшней и внутренней жизни, и пришли мало-по-малу къ убѣжденію, что анатомическая, физиологическая, психологическая и педагогическая (или умственная) основы организаціи человѣка, т. е. тѣлосложеніе, темпераментъ, характеръ и умственные способности учащагося, представляютъ четыре параллельныхъ ряда, каждый въ четыре категоріи или типа (четверное дѣленіе, тетрахомію). Типы основъ организаціи оказываются, съ одной стороны, строго послѣдовательными въ своемъ образованіи и развитіи, въ своемъ чередованіи или замѣщеніи одного другимъ, а съ другой стороны, строго соотвѣтствующими другъ другу по всѣмъ четыремъ основамъ, т. е. по порядку распредѣленія въ рядахъ. Такимъ образомъ личность или индивидуальность каждаго учащагося характеризуется особенностями того или другого типа всѣхъ четырехъ основъ его организаціи, т. е. физикопсихическая организація учащагося выражается опредѣленнымъ типомъ его тѣлосложенія, его темперамента, характера и умственныхъ способностей.

Въ силу наслѣдственности или воспитанія у нѣкоторыхъ субъектовъ обнаруживаются смѣшанные типы организаціи, смущающіе подчасъ малоопытнаго наблюдателя, однако и у нихъ упомянутый законъ согласованія типовъ основъ ея сохраняется неизмѣннымъ и, рано или поздно, подтверждается при внимательномъ изслѣдованіи или провѣркѣ.

Правда, предлагаемое нами распредѣленіе основъ организаціи учащагося представляетъ въ сущности характеръ схематическій, тѣмъ не менѣе распредѣленіе это постоянно находило подтвержденіе въ нашихъ наблюденіяхъ и крайне облегчало наши изслѣдованія. Во всякомъ же случаѣ мы держимся того мнѣнія, что лучше руководствоваться опредѣленною схематическою программой, нежели не имѣть никакой программы. Къ этому положеніе Навиля „observer,

supposer, vérifier“ (наблюдать, строить гипотезу и проверять ее) показываетъ, что любое изслѣдованіе должно проходить путь предположеній (гипотезы, схематическаго образа дѣйствій), строгихъ наблюденій и проверки, а затѣмъ уже разсчитывать на достиженіе строго-научнаго характера.

Мы всегда держались того мнѣнія, что трудъ психофизиологическаго изслѣдованія дѣтей должны нести педагоги, совмѣстно со школьными врачами, поэтому предлагаемое разсужденіе объ изслѣдованіи индивидуальности учащихся, исходящее отъ лица—специалиста по школьной гигиенѣ, долгіе годы интересовавшагося и работавшаго въ означенномъ направленіи, имѣетъ право на вниманіе со стороны не однихъ врачей, но и представителей педагогической профессіи.

Выраженіе „функція создаетъ органъ“ принадлежитъ Спенсеру, хотя по всѣмъ соображеніямъ едва-ли оно не было извѣстно уже сто, двѣсти лѣтъ тому назадъ, если не въ средніе вѣка, когда спокойно оперировали душою безъ тѣла, силою безъ вещества, функціями безъ органовъ. Имѣя въ виду органъ, немислимо представлять его безъ функціи, такъ точно, какъ имѣя въ виду функцію, немислимо допустить ее безъ органа. Органъ и функція, это—двѣ взаимодѣйствующія, возможныя только въ неразрывной связи, во взаимной зависимости, въ одинаковыхъ условіяхъ времени и мѣста.

По отношенію къ живому тѣлу, къ человѣческому организму статика его и динамика, анатомія и физиологія, слѣдовательно и органы его и функціи прямо неразъединимы—неразъединимы безъ ущерба для дѣла, безъ вреда для пониманія. Чтобы познать особенности органовъ, можно, конечно, пользоваться ознакомленіемъ съ ихъ функціями, однако цѣлесообразнѣе, надежнѣе изучить сначала подробности состава и строенія органовъ и затѣмъ уже обращаться къ изученію ихъ функцій.

Въ цѣляхъ изученія человѣка, его личности, необходимо не только изучать человѣческій организмъ, но и взаимоотношеніе его со средою, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, со всѣми подробностями тѣлесной, нравственной и умственной обстановки человѣка. Ни одно явленіе въ жизни человѣка не можетъ и не должно быть наблюдаемо и изслѣдуемо внѣ отношеній его къ явленіямъ окружающей среды, а между тѣмъ подобное разсматриваніе явленій встрѣчается на каждомъ шагѣ, особенно у узкихъ специалистовъ различныхъ областей знанія. Сосредоточеніе наблюденія и изслѣдованія на какомъ-либо единичномъ фактѣ или явленіи природы человѣка, правда, приводитъ къ выводамъ, которыми можно будетъ пользоваться опредѣленнымъ обра-

зомъ, но собственно въ цѣляхъ чисто научныхъ, теоретическихъ, что же касается цѣлей практическихъ, прикладныхъ, то къ выводамъ этимъ приходится большею частью относиться съ большою осторожностью.

Всѣ, только-что высказанныя соображенія приходятъ намъ на мысль весьма часто, въ особенности же, когда дѣло идетъ вообще о вопросахъ воспитанія или школьной гигиены, или же, въ частности, о вопросѣ тѣлесной и духовной природы учащагося. Такъ называемое индивидуализированіе учащагося, т. е. внимательное отношеніе ко всѣмъ сторонамъ, ко всѣмъ подробностямъ его жизни, возможно только подъ условіемъ изученія его индивидуальности; индивидуальность же выражается въ наслѣдственныхъ и приобретенныхъ свойствахъ природы, слѣдовательно въ данныхъ анатомическихъ, физиологическихъ, психологическихъ и гигиеническихъ индивидуума. Всѣ эти данныя необходимо изслѣдовать, изучать, и притомъ одновременно, въ неразрывной связи, чтобъ получить цѣльное, всестороннее, гармоническое понятіе объ индивидуумѣ; пренебреженіе же, упущеніе изъ виду любого даннаго, прямо должно идти во вредъ самому изученію. Этому не придають обыкновенно большого значенія: ограничиваются наблюденіями то по части психологіи ребенка, то по гигиенѣ, и потому обогащаются, правда, данными подчасъ цѣнными и полезными, но отрывочными, не достигающими цѣли строго научнаго, всесторонняго ознакомленія съ природою учащагося.

Для знакомства съ индивидуальностью ребенка обязательно слѣдуетъ изучать всѣ детали его тѣлосложенія, темперамента и характера, слѣдовательно анатомія, физиологія и психологія ребенка являются одинаково долею на помощь педагогамъ, школьнымъ врачамъ и родителямъ, интересующимся дѣломъ воспитанія и гигиеническаго ухода за ребенкомъ, особенно за ребенкомъ учащимся.

Учащійся, это—существо особое, специфическое. Условія его жизни таковы, что отнюдь не могутъ быть приравняемы или отождествляемы съ условіями жизни обыкновеннаго ребенка. Учащійся, это—ребенокъ, отрокъ или юноша профессиональный: его главное назначеніе—ученіе, слѣдовательно и условія его жизни, весь его режимъ рассчитанъ на потребности умственныхъ занятій. Вся его тѣлесная, нравственная и умственная обстановка должна отвѣчать успѣшности, наибольшей производительности его умственного труда. Мозгъ, нервная система учащагося пребываетъ въ особомъ, специфическомъ, напряженномъ состояніи; нервная энергія его организма дѣйствуетъ, растетъ на счетъ энергіи всѣхъ тканей и органовъ, и потому ставитъ особыя условія къ здоровью и жизнедѣятельности тѣла. Въ силу такой оригинальной, исключительной дѣятельности нервной системы,

такой, можно сказать, нервной неуравновѣшенности, организмъ учащагося непременно вынужденъ болѣе или менѣе терпѣть нарушеніе въ отправленіяхъ своихъ органовъ и постепенно приспосабливаться къ специфическимъ условіямъ своего профессиональнаго существованія. Необходимо считаться съ такими условіями и отвѣчать имъ, не вредя здоровью и дѣлу умственнаго труда; необходимо всѣ подробности жизни приравливать къ этимъ условіямъ. Такимъ образомъ становится понятнымъ, что изученіе всѣхъ деталей природы учащагося оказывается *conditio sine qua non* разумныхъ къ нему отношеній воспитателей.

Ребенокъ является на свѣтъ съ готовыми тканями и органами тѣла, съ готовымъ тѣлосложеніемъ; путемъ же упражненія, воспитанія остается только содѣйствовать ихъ росту и развитію, ихъ совершенствованію. Можно, помнѣнію А. Бэна, при посредствѣ воспитанія характера, измѣнять темпераментъ или, иначе говоря, путемъ педагогическихъ мѣръ мѣнять тѣлесную природу человѣка. Словомъ, упражненіе не создаетъ органъ, какъ думаетъ Спенсеръ, а развиваетъ, улучшаетъ, совершенствуетъ его, чѣмъ родителямъ, воспитателямъ слѣдуетъ и пользоваться въ цѣляхъ педагогическихъ. А все это, въ свою очередь, приводитъ насъ къ убѣжденію, что тѣлосложеніе (*constitutio*) ребенка, анатомическія условія тканей и органовъ его тѣла должны служить предметомъ изученія для педагога наряду съ темпераментомъ и характеромъ ребенка. Анатомія, фізіологія и психологія оказываются неизбѣжно необходимыми для ознакомленія съ сущностью индивидуальности ребенка и потому являются основными знаніями для каждаго педагога. Если къ этому прибавить, что педагогъ долженъ быть знакомъ хотя бы съ главнѣйшими недостатками и пороками дѣтей или такъ-называемою педагогическою патологіею, то такимъ образомъ получится тотъ комплексъ знаній, съ помощью которыхъ онъ можетъ болѣе или менѣе легко справляться съ наблюденіями надъ личностью ребенка и не страшиться дѣла индивидуализированія воспитанія.

Итакъ, чтобы ознакомиться съ природою, съ индивидуальностью учащагося, необходимо изслѣдовать, изучить его тѣлосложеніе, его темпераментъ и характеръ.

Не смотря на кажущуюся доступность этихъ трехъ понятій, на ихъ свободное обращеніе въ педагогическомъ и семейномъ обиходѣ, окончательный взглядъ на нихъ собственно далеко еще не установленъ и разнообразится въ умахъ не только профановъ, но и специалистовъ—педагоговъ и врачей.

Въ видахъ педагогическихъ, намъ кажется, цѣлесообразнѣе всего было бы придерживаться слѣдующаго толкованія этихъ трехъ понятій:

Тѣлосложеніе (constitutio) означаетъ все то, что касается индивидуальныхъ измѣненій въ составѣ и строеніи тѣла, въ количественномъ отношеніи органовъ, всего организма, т. е. каждаго элемента. Оно имѣетъ слѣдовательно отношеніе къ анатомическому устройству тѣла, представляетъ собственно признакъ статическій. Темпераментъ указываетъ на индивидуальныя измѣненія дѣятельности питанія и дѣятельности функціональной, измѣненія въ интенсивности отправленій живого вещества. Онъ представляетъ признакъ динамическій. Разница между дѣятельностью питанія и дѣятельностью функціональной та, что первая совершается непрерывно, безъ всякаго внѣшняго побужденія, тогда какъ послѣдняя не произвольна, но происходитъ всегда подъ вліяніемъ возбужденій.

И тѣлосложеніе, и темпераментъ даются отъ рожденія, видоизмѣняются подъ вліяніемъ возраста, болѣзней и гигиенической обстановки.

Кромѣ тѣлосложенія и темперамента, т. е. статической и динамической (или анатомической и фізіологической) основъ человѣческаго существа, дѣйствуетъ и основа психологическая извѣстная подъ именемъ „характеръ“. Тѣлосложеніе и темпераментъ даются наслѣдственно, отъ природы, характеръ же есть все то, что пріобрѣтается путемъ воспитанія.

Темпераментъ, по Викторову (см. его „Ученіе о личности“ стр. 11) представляетъ первичную реакцію личности, тогда какъ характеръ—реакцію вторичную. Первичная реакція можетъ реагировать свободно, въ смыслѣ ни чѣмъ не сдерживаемаго нервно-психическаго рефлекса, на основаніи прирожденныхъ свойствъ; но тотъ же самый рефлексъ можетъ задерживаться и видоизмѣняться разсудочной дѣятельностью умозаключающаго аппарата, дѣятельностью привычныхъ и накопившихся путемъ опыта представленій; словомъ, когда рефлексъ наталкивается на тормозы непрірожденныхъ, а пріобрѣтенныхъ свойствъ нервно-мозгового вещества: въ этомъ послѣднемъ случаѣ получится вторичная реакція личности, т. е. именно то, что на обыденномъ языкѣ носитъ названіе характера. Такимъ образомъ характеръ и темпераментъ являются какъ-бы антагонистами другъ другу. И дѣйствительно, когда говорятъ о такъ-называемомъ обузданіи характера у лицъ молодого возраста, рѣчь идетъ въ сущности объ обузданіи темперамента посредствомъ характера, который въ подобныхъ случаяхъ еще не сложился.

Разсмотримъ теперь подробности упомянутыхъ основныхъ элементовъ личности. Начнемъ съ тѣлосложенія.

Проф. Эльсбергъ говоритъ: у Вирхова высшій организмъ соотвѣтствуетъ государству, въ которомъ индивидуальныя граждане являются какъ клѣточки, изъ коихъ каждая обла- даетъ извѣстной морфологической и фізіологической авто-

номіей, хотя, въ то же время, зависитъ отъ другихъ и подчиняется законамъ цѣлаго. Въ настоящее же время мы сравниваемъ тѣло съ машиной, въ которой, правда, имѣются отдѣльныя части, но только всѣ соединенныя другъ съ другомъ, такъ что ни одна изъ нихъ не автономна, но всѣ онѣ соединяются для образованія индивида.

По мнѣнію проф. Гейтцмана, здоровое и крѣпкое тѣлосложеніе зависитъ отъ большаго количества живого вещества въ тѣлѣ, а плохое (напримѣръ бугорчатое или золотушное) тѣлосложеніе отъ относительно малаго его количества.

Въ живомъ тѣлѣ, по Гейтцману (равно какъ ранѣе и по Лейдигу), допускается четыре элементарныхъ ткани, которыя соединяются другъ съ другомъ и устроены по одному и тому же плану. Эти ткани: соединительная (клѣтчатка), эпителиальная, мышечная и нервная.

Отъ преобладанія въ количественномъ или качественномъ отношеніи той или другой изъ этихъ тканей (resp. отъ хорошаго или плохого количественнаго или качественного отношенія той или другой изъ нихъ) зависитъ особенность, оригинальность тѣлосложенія, его высокое или низкое значеніе въ анатомическомъ и физиологическомъ отношеніи.

Соединительная (связная) ткань или клѣтчатка составляетъ прочную опору для всѣхъ частей тѣла. Какой бы органъ мы ни взяли, остовъ его, связывающій и сдерживающій въ опредѣленномъ отношеніи всѣ существенные, дѣятельные элементы органа, непременно будетъ состоять изъ соединительной ткани.

По описанію проф. Гейтцмана, ткань эта представляетъ сѣтъ живого вещества (біоплассона), въ петлевидныхъ промежуткахъ которой содержится болѣе или менѣе плотное, азотистое (клея дающее) основное вещество, а въ самихъ петляхъ ея узловыя точки (пластиды) съ извѣстнымъ количествомъ жидкости или такъ-называемыя „тѣльца соединительной ткани“. Между всѣми тканями только соединительная ткань заключаетъ въ замкнутыхъ сосудахъ тѣ жидкости, которыя служатъ процессу питанія, какъ-то: кровь и лимфу. Растительная ея дѣятельность весьма энергична; она легко восстанавливается при заболѣваніяхъ и въ случаѣ пораненій; служитъ замѣстительницею другихъ тканей при потеряхъ вещества, при образованіи рубцовъ послѣ ранъ, для заживленія разбѣдиненныхъ частей и быстро является на сцену и разрастается на мѣстѣ органовъ, которые приходится удалять оперативнымъ путемъ.

Соединительная ткань не только оказывается опорой для тканей и органовъ: она покрываетъ суставныя поверхности костей (суставной хрящъ), облекаетъ все тѣло въ видѣ кожи, поддерживаетъ и охватываетъ мышцы и нервы, образуетъ для всѣхъ эпителиальныхъ органовъ сплошную покрывку и слу-

жить къ образованію и защитѣ кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ. Видоизмѣненіемъ соединительной ткани оказываются: упругая ткань, слизистая, волокнистая (фиброзная), хрящевая и костная. Последняя отличается тою особенностью, что, благодаря отложенію въ ней известковыхъ солей, превращается въ твердую, неупругую ткань.

Чтобы получить наглядное понятіе о соединительной ткани или клѣтчаткѣ, представьте продажную телятину, надутую воздухомъ ради придачи ей полноты и добротности. Надувается тутъ только клѣтчатка, остальные же части остаются неприкосновенными для прониканія воздухомъ: онѣ плотны и потому не раздаются.

Клѣтчатка служитъ отличнѣмъ резервуаромъ, въ случаѣ накопленія въ тѣлѣ жидкостей, будутъ ли онѣ получаться изъ пищи или изъ крови. При обильномъ употребленіи воды, чая, пива, молока и т. п. клѣтчатка болѣе или менѣе насыщается ими и, раздуваясь сама, придаетъ и тѣлу пухлый, одутловатый видъ.

Въ клѣтчаткѣ можетъ не только свободно скопляться та или другая жидкость, но и отлагаться жиръ. При ожирѣніи жиръ обыкновенно отлагается въ клѣтчаткѣ сообразно степени ея рыхлости, легкой раздуваемости: подъ кожей живота, въ сальникѣ, въ ткани грудей, въ промежуткахъ между мышцами, на ягодицахъ, на щекахъ.

Жизнеспособность жира крайне мала. Онъ лишентъ чувствительности, неспособенъ сокращаться, повидимому не подверженъ обмѣну вещества, отложившись однажды, онъ при отощаніи снова уносится кровью, исчезаетъ. Раны обильной жиромъ ткани плохо заживають. До извѣстной степени образованіе жира служитъ признакомъ здоровья, за извѣстными предѣлами оно тяготитъ человѣка, въ высокой же степени становится прямо болѣзнью, едва излѣчимою.

Соединительная ткань служитъ мѣстомъ отложенія жира обыкновенно у лицъ, пользующихся полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, обильнымъ питаніемъ, но недостаточнымъ движеніемъ. Въ годы усиленнаго роста, а именно: въ годы отрочества и юности, жира обыкновенно накопляется мало. По скудости жира отрокъ рѣзко отличается отъ ребенка и отъ юноши; дѣвушки, наклонныя большею частью къ ожирѣнію, и тѣ оказываются худенькими, субтильными въ періодъ отрочества. Въ дальнѣйшіе годы, въ годы возмужалости, женщина обнаруживаетъ, особенно при благоприятныхъ условіяхъ, большую наклонность къ отложенію жира, даже къ ожирѣнію, нежели мужчина. Накопленіе жира до извѣстныхъ предѣловъ составляетъ даже цѣнное условіе для женскаго тѣла: не говоря о томъ, что жиръ придаетъ красоту формамъ тѣла, онъ важенъ какъ запасъ питательнаго матеріала на случаи потерь соковъ, какія несетъ жен-

щина во время менструаціи, беременности, кормленія ребенка и т. д.

При условіяхъ плохого питанія, голоданія, усиленной работы, нравственнаго гнета и т. п. жиръ, наоборотъ, разрушается, исчезаетъ, и жировая ткань снова превращается въ студенеобразную или слизистую ткань.

Соединительная ткань, будучи тканью болѣе или менѣе инертной, недѣятельной, при обилии своемъ нарушаетъ дѣятельность другихъ тканей, по мѣрѣ же накопленія въ ней жира ослабляетъ весь организмъ и дѣлаетъ человѣка малоспособнымъ или почти неспособнымъ къ какой бы ни было работѣ.

Въ ряду всѣхъ тканей соединительная ткань стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ; преобладая надъ остальными, она понижаетъ цѣнность организма и, не принося пользы сама, уменьшаетъ жизнеспособность, жизнѣдѣтельность другихъ тканей. Она обыкновенно преобладаетъ въ составѣ тѣла въ первые мѣсяцы, въ первые годы жизни, въ пору наименѣе энергичной, менѣе совершенной жизни. Особенно беретъ она перевѣсъ надъ прочими тканями у дѣтей родителей, одержимыхъ той или другой общей изнурительной болѣзнью: сифилисомъ, золотухой, цынгой, бугорчатой болѣзнью, алкоголизмомъ.

Соединительная ткань, преобладая надъ другими тканями, характеризуетъ, вообще, болѣе или менѣе низкій уровень тѣлесной жизни человѣка и даже плохо рекомендуетъ видъ, расу людей, когда играетъ первостепенную роль. Она терпима развѣ только въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ нею другія ткани массивны, дѣятельны и не поддаются ея ослабляющему вліянію. Въ крѣпкомъ, сильномъ, здоровомъ тѣлѣ, при роскошной гигиенической обстановкѣ, обильная соединительная ткань остается, повидимому, безъ особеннаго вліянія на организмъ; она является для профановъ признакомъ общаго благосостоянія: придаетъ нѣжность, припухлость, извѣстную красоту тѣлу; считается подчасъ завиднымъ отличіемъ лицъ привилегированныхъ слоевъ общества. Однако, въ случаѣ пониженія общаго здоровья, подъ вліяніемъ нарушенія санитарнаго режима или того или другого заболѣванія, въ случаѣ ослабленія дѣятельности остальныхъ тканей обильная соединительная ткань даетъ себя знать депримирующимъ своимъ вліяніемъ на тѣло, на тѣлесное здоровье.

Люди клѣтчатковаго (соединительнотканнаго) тѣлосложенія отличаются не только плохой приспособляемостью къ разнообразнымъ вліяніямъ среды, но и недостаточной силою противодѣйствія къ вреднымъ ея агентамъ. Любая заразная болѣзнь дѣйствуетъ особенно губительно на лицъ описываемаго тѣлосложенія. Сифилисъ, напримѣръ,

находитъ самую благодарную въ немъ почву для своего развитія и грозитъ ему наиболѣе сильнымъ и экстензивнымъ разрушеніемъ. Алкоголизмъ оказывается, повидимому, специфически сроднымъ субъектамъ клѣтчатковаго тѣлосложенія; субъектовъ этихъ можно прямо назвать излюбленными жертвами алкоголизма.

Подъ вліяніемъ пониженной жизнеспособности лица клѣтчатковаго тѣлосложенія отличаются расположеніемъ къ возбуждающимъ веществамъ: спиртнымъ, наркотическимъ, прянымъ. Вообще лица эти живутъ и дѣйствуютъ обыкновенно подъ вліяніемъ повышеннаго внѣшняго раздраженія и возбужденія, они походятъ болѣе или менѣе на автоматъ, дѣйствующихъ по рефлексу, по инстинкту, по инерціи, и какъ бы лишенныхъ мимовольной энергіи. Какъ заведенная машина, они движутся и работаютъ до поры до времени, но, будучи нарушенными въ своей дѣятельности (напримѣръ, заболѣвъ или потерпѣвъ какимъ бы ни было образомъ), съ трудомъ приходятъ въ прежнее состояніе, медленно оправляются и восстанавливаются, несутъ большій или меньшій ущербъ въ своемъ здоровьи, въ своемъ существѣ.

При голоданіи и при отоцаніи послѣ изнурительныхъ, тяжкихъ болѣзней лица клѣтчатковаго тѣлосложенія, первое, терпятъ ущербъ на соединительной ткани, лишаются ея, а затѣмъ уже теряютъ вещество на другихъ тканяхъ. Соединительная ткань, какъ наименѣе важная, наименѣе жизненная, первая является жертвою органическихъ потерь въ тѣлѣ.

Какъ однако легко и скоро она разрушается и исчезаетъ, такъ легко и скоро, съ другой стороны, она растетъ и развивается, и даже является замѣстительницею другихъ тканей: на мѣстѣ потерянной какимъ-либо образомъ (оторванной, отрѣзанной, раздавленной) эпителиальной, мышечной или нервной ткани быстро образуется ткань соединительная. Правда, она не въ состояніи принять на себя отравленія любой изъ этихъ тканей, за то заполняетъ ихъ пробѣлы и устраняетъ такимъ образомъ неудобства, возникающія отъ ихъ отсутствія.

Въ силу указаннаго свойства соединительной ткани быстро разрастаться и восстанавливать потери на тканяхъ происходитъ то, что усиленный, увеличенный подъемъ роста въ юные годы, особенно въ періодъ полового развитія, совершается главнымъ образомъ насчетъ именно этой самой ткани. Прочія ткани не успѣваютъ, сравнительно съ нею, одинаково быстро возростать и развиваться, поэтому тѣло отрока, при быстромъ ростѣ, должно нести ущербъ въ питательномъ и функциональномъ отношеніи, должно слабѣть, истощаться и рисковать легкою заболѣваемостью при разнообразныхъ, неблагоприятныхъ условіяхъ внѣшней среды. Этимъ всѣмъ, равнымъ образомъ, объясняется и нежелательная, опасная сторона

такъ называемой болѣзни роста (*maladie de croissance*), наблюдаемая на юношахъ къ 13, 14, 15 годамъ жизни. При быстромъ ростѣ субъектовъ клѣтчатковаго тѣлосложенія (напримѣръ, при увеличеніи длины тѣла на 10 и болѣе сантиметровъ въ теченіе года) особенно отроковъ, плохо содержимыхъ, плохо питаемыхъ, всегда угрожаетъ опасность легкаго заболѣванія той или другой острой болѣзью и неблагоприятнаго исхода болѣзни. Вообще быстрый усиленный подъемъ роста проходить обыкновенно благополучно на отрокахъ, находящихся въ наилучшихъ гигиеническихъ условіяхъ жизни; на отрокахъ же бѣдныхъ, живущихъ въ плохой тѣлесной и нравственной обстановкѣ, представляетъ прямо, можно сказать опасное явленіе.

Лица клѣтчатковаго тѣлосложенія должны непременно вести по возможности болѣе энергичный образъ жизни и, во всякомъ случаѣ, избѣгать сидячаго времяпрепровожденія и медлительной, мѣшкотной работы; должны живѣе интересоваться и увлекаться избранной профессіей. Жизнь ихъ должно обставить такъ, чтобы вся ихъ тѣлесная энергія затрачивалась вполнѣ, чтобы дѣйствовали и упражнялись надлежащимъ образомъ ихъ мышцы и нервы, т. е. чтобы соединительная ихъ ткань бездѣйствовала или же, во всякомъ случаѣ, не находила поводовъ къ преобладанію въ организмѣ.

Вообще, разъ только имѣются признаки обилія этой ткани, и обиліе это отзывается на питаніи и функціональной дѣятельности организма, надо изыскивать мѣры и средства, какъ къ устраненію ея вліянія на послѣдній, такъ и къ укрѣпленію, закалivanію тканей мышечной и нервной, этихъ основныхъ, самыхъ жизненныхъ тканей тѣла.

Клѣтчатковое тѣлосложеніе присуще субъектамъ низкаго уровня тѣлеснаго развитія, мало годнымъ или совсѣмъ негоднымъ на борьбу за существованіе; группы общественныя, съ преобладаніемъ такихъ субъектовъ, обречены на жалкое существованіе, на вѣчное подчиненіе грубой силѣ, внезапному натиску, безцеремонному нахальству, словомъ, вѣчному тѣлесному и духовному рабству.

Въ юномъ тѣлѣ соединительная ткань мало-по малу сокращается, исчезаетъ, уступая мѣсто другимъ, болѣе жизненнымъ, болѣе дѣятельнымъ тканямъ и удерживаясь въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, если же обращаетъ на себя вниманіе, то въ субъектахъ, отличающихся избыточнымъ питаніемъ и большею частью избалованныхъ фортуной, не нуждающихся въ напряженной тѣлесной и умственной дѣятельности.

Можно было бы коснуться нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ подробностей жизни соединительной ткани, но, такъ какъ онѣ оказываются доступными для изложенія въ тѣсной связи съ другими тканями, то мы считаемъ болѣе подходящимъ

сказать о нихъ ниже, вслѣдъ за описаніемъ особенностей этихъ именно тканей.

Въ эпителиальной ткани сѣтъ биоплассона (живого вещества) весьма нѣжна, расположена обыкновенно ровными слоями съ промежуточнымъ склеивающимъ роговымъ веществомъ. Ткань эта покрываетъ поверхность и полости тѣла. Она одна служитъ аппаратомъ всасыванія и отдѣленія, равно образованія существенныхъ элементовъ воспроизведенія, именно сперматозоидъ (сѣмянныхъ нитей) и яйца. Въ описываемой ткани различаютъ два вида: эпителии и эндотелии. Эпителии находятся на наружной поверхности тѣла, на кожѣ и ея придаткахъ—волосахъ, ногтяхъ, въ сальныхъ и потовыхъ железахъ и грудной железнѣ, глазной чечевицѣ; далѣе, въ извѣстной подѣ именемъ пищеварительнаго тракта или пищевого канала системѣ и ея продолженіяхъ, въ слизистыхъ, слюнныхъ, пепсиновыхъ и кишечныхъ железахъ и печени; въ полостяхъ дыхательнаго аппарата и его развѣтвленіяхъ, въ слизистыхъ железахъ; наконецъ, въ полостяхъ и каналцахъ мочево-полового аппарата со всѣми продолженіями ихъ въ почки и половыя железы. Эндотелии, наоборотъ, ограничиваютъ и покрываютъ всѣ замкнутыя полости черепа и позвоночника и перепончатыхъ покрововъ центральной нервной системы; всѣ желудочки мозга и ихъ продолженіе въ спинномъ мозгѣ; полости груди, какъ плевральныя, такъ и перикардіальную; полость брюшины; всѣ суставныя полости и всѣ кровеносныя и лимфатическіе сосуды, со включеніемъ полостей сердца.

Каждое железистое образованіе оказывается эпителиальнаго свойства и каждое эпителиальное тѣльце можетъ быть названо железой, такъ какъ отдѣлительная дѣятельность обуславливается функціями специальныхъ эпителиевъ. Всѣ выдѣлительные процессы, считаемыя неприличными, совершаются подѣ вліяніемъ эпителиевъ; а равно ткань, образующая молоко и его дериваты, и сперматозоиды и яйца (ovula). Каждая железа имѣетъ обыкновенно протокъ, за исключеніемъ развѣ яичника, зобной и околопочечной железы. Каждая железа образуетъ и выдѣляетъ особое, специфическое вещество, кромѣ жидкости, пропотѣваемой изъ крови и способствующей отдѣленію этого вещества.

Эпителиальная ткань представляетъ ткань болѣе совершенную, болѣе дифференцированную, нежели соединительная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе жизненную. При разрушеніи она не возстановляется, а замѣщается новообразующеюся соединительною (рубцовой) тканью.

Отличаясь энергичной способностью къ всасыванію и отдѣленію соковъ, эпителиальная ткань, особенно ткань железъ, не въ примѣръ прочимъ, работаетъ болѣе при усиленномъ доставленіи питательнаго матеріала, т. е. и восприни-

маеть, и выдѣляетъ вещества болѣе. Къ этому, чѣмъ температура внѣшней среды выше, тѣмъ и дѣятельность железъ значительнѣе. И наоборотъ, при голоданіи и при низкой температурѣ всасываніе и выдѣленіе въ описываемой ткани совершается скуднѣе, медленнѣе; обмѣнъ вещества понижается.

Въ юные годы (собственно въ годы отрочества) ткань эта работаетъ энергичнѣе и при благопріятныхъ обстоятельствахъ скорѣе содѣйствуетъ тратѣ, нежели накопленію вещества; вотъ почему на отрокахъ обыкновенно не встрѣчается той округлости формъ, той полноты, какая составляетъ особенность дѣтства. А такъ какъ, къ этому, въ отроческіе годы много питательнаго матеріала уходитъ на усиленный ростъ и развитіе тѣла, то становится понятнымъ то отощаніе, та тонкость покрововъ, та нѣжность всѣхъ частей тѣла, каковыя наблюдаются у большинства отроковъ. Толстота, упитанность, добротность тѣла въ отроческомъ возрастѣ указываютъ на чрезмѣрное питаніе, на постоянное пребываніе въ спертomъ, тепломъ воздухѣ, на недостаточность движенія и всякаго напряженія, вообще, на жизнь, не отвѣчающую строго-гигіеническимъ условіямъ. Къ порѣ юности и возмужалости эпителиальная ткань функціонируетъ спокойнѣе, а при неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ сильнѣе способствуетъ накопленію и отложенію вещества: юноша, а тѣмъ болѣе возмужалый человѣкъ легко полнѣютъ, жирѣютъ, если не ведутъ подвижнаго, дѣятельнаго образа жизни.

Эпителиальная ткань преобладаетъ особенно въ тѣлѣ дѣтей, родители которыхъ ведутъ мало-дѣятельную жизнь, пользуются роскошной обстановкой, не несутъ никакихъ лишеній, словомъ, не испытываютъ настоящей жизненной борьбы, борьбы за существованіе. Правда, преобладаніе въ тѣлѣ описываемой ткани наблюдается и у отроковъ въ семьяхъ небогатыхъ, рабочихъ, или у отроковъ, родители коихъ очень стары, находятся въ близкомъ родствѣ, одержимы какимъ-либо худосочиємъ или страдали сифилисомъ, алкоголизмомъ и т. п., но у такихъ отроковъ дѣло не обходится одною полнотою, ожиреніемъ, а завершается различными болѣзнями желѣзистаго свойства, болѣзнями кожи, слизистыхъ оболочекъ (напримѣръ, золотухой, бѣлокровіемъ, различными сыпями).

Сравнительно съ соединительною тканью, эпителиальная отличается большей жизненностью, большей жизнеспособностью, и при удовлетворительномъ состояніи высшихъ тканей (мышечной и нервной) не нарушаетъ особенно правильнаго теченія тѣлесной жизни, но требуетъ развѣ со стороны одержимаго обильною эпителиальною тканью субъекта осторожности по отношенію къ сильнодѣйствующимъ вреднымъ агентамъ внѣшней среды (вѣтра, холода, сильной влаги и

пр.). Такой субъектъ обыкновенно очень нѣженъ, чувствителенъ, воспримчивъ къ острымъ и заразнымъ болѣзнямъ и требуетъ осторожнаго, внимательнаго ухода.

Лица клѣтчатковаго тѣлосложенія, какъ мы говорили, плохо реагируютъ на многія болѣзни, лица же эпителиальнаго тѣлосложенія реагируютъ слѣдующимъ образомъ и страдаютъ отъ нихъ чувствительнѣе, тягостнѣе. Допускаютъ собственно два вида лимфатическаго или золотушнаго тѣлосложенія: эретическій, отличающійся наклонностью къ воспалительнымъ и язвеннымъ процессамъ остраго характера, и торпидный, отличающійся наклонностью къ опуханію и отвердѣнію железистой ткани, и къ хроническому ихъ теченію. Эретическую форму можно признать состоящею въ связи съ эпителиальнымъ тѣлосложеніемъ, торпидная же наблюдается обыкновенно на субъектахъ, у которыхъ, наряду съ обильною эпителиальною тканью, обилуетъ и ткань соединительная, т. е. у которыхъ тѣлосложеніе оказывается сложнаго характера, а именно, клѣтчатково-эпителиальное. Такіе торпидные субъекты, находясь въ хорошей санитарной обстановкѣ, производятъ недурное впечатлѣніе на окружающихъ и считаются „свѣжими“, „здоровенькими“, „славными дѣтками“, однако, стоитъ только ухудшиться санитарнымъ условіямъ, чтобы изъ свѣжихъ, здоровенькихъ, дѣти эти превратились въ вялыхъ, безжизненныхъ увальней.

Лица эпителиальнаго тѣлосложенія обыкновенно нѣжны, чувствительны, отличаются живымъ блескомъ глазъ, тонкою кожею, значительной подвижностью, но быстрой утомляемостью. Они вызываютъ къ себѣ симпатію, состраданіе и невольно подкупаютъ въ свою пользу родителей и воспитателей, пользуясь съ ихъ стороны баловствомъ и всякими поблажками. Они менѣе клѣтчатковыхъ субъектовъ расположены къ возбуждающимъ веществамъ и менѣе нуждаются въ понуканіи, подталкиваніи, въ искусственномъ оживленіи. Они страстны къ движенію, даже къ работѣ, но только легко утомляются, хотя и не несутъ оттого особеннаго ущерба въ здоровьѣ.

При голоданіи или отощаніи эпителиальные субъекты повидимому больше теряютъ на мышцахъ и на клѣтчаткѣ, нежели на железахъ, и оказываются въ общемъ выносливѣе субъектовъ клѣтчатковыхъ. Они очень чувствительны, отзывчивы къ вреднымъ вліяніямъ, какъ тѣлеснымъ, такъ и нравственнымъ, но сравнительно скоро оправляются и восстанавливаются въ тѣлѣ и силахъ. Эпителиальная ткань жизненнѣе соединительной, болѣе ея противодѣйствуетъ всякимъ враждебнымъ вліяніямъ, рискуетъ временнымъ истощеніемъ, ослабленіемъ, но вѣрнѣе сохраняется и возвращается къ нормѣ. При быстромъ ростѣ, при болѣзни роста она принимаетъ мало участія, становясь развѣ нѣсколько

болѣе чувствительною и воспріимчивою къ заболѣваніямъ.

Лица эпителиальнаго тѣлосложенія не нуждаются въ слишкомъ дѣятельномъ образѣ жизни, довольствуясь лишь болѣе или менѣе правильнымъ гигиеническимъ режимомъ и гарантированностью отъ слишкомъ сильныхъ возбужденій и насилій надъ ихъ тѣлесною и духовною природою.

Эпителиальное тѣлосложеніе, сравнительно съ клѣтчатковымъ, свойственно лицамъ болѣе высокаго уровня тѣлеснаго развитія, болѣе годнымъ на борьбу за существованіе; группы социальныя, съ преобладаніемъ лицъ такого тѣлосложенія, способны на болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, на извѣстную самостоятельность, на противодѣйствіе грубой силѣ, негуманному обращенію, животному рабству.

Служа отличительнымъ признакомъ отроческаго возраста и женственности, описываемая ткань тѣмъ не менѣе не уступаетъ легко побѣды надъ нею другимъ тканямъ и можетъ, на ряду съ ними, соперничать съ тою или другою и брать надъ ними перевѣсъ. Въ особенности же наблюдается это на лицахъ, весь режимъ которыхъ рассчитанъ на служеніе плоти, на потворство животнымъ страстямъ, на изнѣживаніе и баловство тѣла, на полное отреченіе отъ мало-мальски напряженной дѣятельности. Отроки при такихъ условіяхъ жизни, смотрятъ пухленькими, нѣжненькими, женственными. Они скромны, боязливы, лишены инициативы, мало самостоятельны и мало дѣятельны. Дѣвушки этого типа особенно поражаютъ своею нѣжностью и наклонностью къ малокровію, блѣдной немочи и къ нервнымъ разстройствомъ.

Эпителиальные субъекты сохраняются лучше при благоприятныхъ, нормальныхъ санитарныхъ условіяхъ. Въ семейной и общественной жизни они являются мягкими, гуманными, симпатичными личностями, но, къ сожалѣнію, легко приспособляются къ обстоятельствамъ и господствующему теченію, подпадая подъ вліяніе разныхъ эксплуататоровъ, не брезгающихъ ради личныхъ выгодъ никакими средствами. Они чаще бываютъ альтруистами, и, не встрѣчая въ своемъ кругу или въ общественной дѣятельности подобающаго вниманія и благорасположенія, все-таки готовы служить честно и искренне нуждамъ ближнихъ и преслѣдовать благородные, подчасъ неосуществимые идеалы.

Прототипомъ эпителиальнаго тѣлосложенія можетъ служить тѣлосложеніе нормальной женщины. Въ тѣлѣ ея эпителиальная ткань явно преобладаетъ надъ остальными и оказывается существенно необходимой во всѣхъ важнѣйшихъ фазахъ ея существованія: въ актахъ зачатія, ношенія плода, родовъ, кормленія ребенка и его воспитанія. Усиленная дѣятельность эпителиальной ткани наглядно даетъ о себѣ знать въ особенности въ послѣдніе мѣсяцы беременности, когда всѣ эпителиальные элементы заполняются со-

ками, разбухают и становятся способными къ крайнему растяженію и напряженію. Въ это время оживляются и усиленно дѣйствуютъ не только половые органы и грудныя железы, но и всѣ прочія железистыя образованія тѣла, какъ-то: железы потовыя, сальныя, пищеварительныя и т. д.

Не касаясь вопроса о томъ, насколько созиданію эпителиальнаго тѣлосложенія женщины способствовали анатомическое устройство ея половыхъ органовъ внутри, а не снаружи тѣла, и вѣковѣчная усиленная функціональная дѣятельность эпителиальной ткани женщины въ цѣляхъ распложенія, скажемъ только, что ткань эта несомнѣнно играла и играетъ самую существенную роль въ организмъ женщины, если и не во всей ея нравственной и умственной жизни, и что благодаря, можетъ быть, этой именно ткани, „la femme“, по словамъ Русселя „conserve toujours quelque chose propre au tempérament des enfans“.

Эпителиальная организація составляетъ специфическую особенность женщины, какъ мышечная организація—специфическую особенность мужчины. Въ этомъ морфологическомъ различіи въ значительной степени заключается и причина взаимнаго тяготѣнія половъ, фатальной необходимости ихъ единенія и возможности успѣшнаго оборудованія индивидуальныхъ и социальныхъ ихъ интересовъ.

За эпителиальной тканью болѣе совершенною и болѣе жизненною является ткань мышечная.

Она состоитъ изъ волоконъ: однихъ—поперечно-полосатыхъ, образующихъ мышцы произвольнаго движенія, а другихъ—гладкихъ, образующихъ мышцы движенія непроизвольнаго. Есть, впрочемъ, поперечно-полосатыя мышцы не подчиненныя волѣ, а именно, мышцы глотки, дыхательнаго горла и сердца. Гладкія мышцы находятся по всему протяженію пищеварительнаго канала, въ вѣтвяхъ дыхательнаго горла, въ пузырьѣ, въ маткѣ, въ стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ, въ волосистой части кожи и пр.

Мышцы суть активныя, а кости пассивныя органы движенія человѣческаго тѣла. Мышцы составляютъ почти половину (отъ 40 до 45%) вѣса тѣла, да и по объему превосходятъ всѣ остальные его органическія системы. Онѣ сокращаются подъ вліяніемъ воли или мѣстнаго какого-либо раздраженія и тѣмъ самымъ сближаютъ, сдвигаютъ соединяемыя ими части тѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ къ передвиженію этихъ частей. Подвижность мышцъ усиливается или ослабѣваетъ, смотря по питанію тѣла вообще; она наиболѣе сильна при полномъ здоровьи и, наоборотъ, слаба во время болѣзни, голода, усталости. Энергичныя движенія вызываются при употребленіи возбуждающихъ средствъ, дѣйствующихъ на нервную систему, такъ точно какъ при лихорадкѣ или какой-либо болѣзни. Бываютъ и судорожныя движенія, схватки,

вообще ненормальныя сокращенія мышцъ, зависящія отъ разстройствъ центральной нервной системы. Мышцы весьма богаты кровеносными сосудами. Отъ упражненія питаніе ихъ усиливается, сами же онѣ увеличиваются въ объемѣ и вѣсѣ, и, наоборотъ, при продолжительномъ бездѣйствіи и покоѣ тощаютъ, уменьшаются.

Мышцы постоянно находятся въ болѣе или менѣе напряженномъ состояніи, что называется ихъ тонусомъ, и что составляетъ характерный признакъ ихъ жизненности, ихъ здоровья. Ослабленіе тонуса, вялость мышцы указываетъ на ненормальное, болѣзненное состояніе, какъ мышцъ, такъ и всего организма.

Въ мышцахъ, при движеніи ихъ и работѣ, происходитъ непрерывный химическій процессъ, состоящій въ поглощеніи ими кислорода и выдѣленіи углекислаго газа, и сопровождаемый повышеніемъ температуры (согрѣваніемъ) всего тѣла. Чѣмъ значительнѣе дѣятельность мышцъ, тѣмъ процессъ обмѣна газовъ и согрѣванія совершается быстрѣе и энергичнѣе, а такъ какъ мышцы составляютъ существенную часть тѣла, то понятно, что благодаря упомянутой дѣятельности, все тѣло человѣка должно приходить въ болѣе оживленное, бодрое состояніе и улучшаться въ санитарномъ отношеніи. Люди съ хорошей мышечной системой, при соотвѣтственной мышечной работѣ, отличаются обыкновенно завиднымъ здоровьемъ и отличнымъ душевнымъ настроеніемъ; напротивъ того, люди со слабыми мышцами и малодѣятельные оказываются вялыми, скучными, недовольными собою и окружающими. Первые стремятся постоянно затрачивать свою мышечную энергію и увлекаются мышечной работой, тѣлесными упражненіями и играми, вторые ищутъ покоя и чуждаются мало-мальски усиленнаго напряженія. Словомъ, количественнымъ и качественнымъ отношеніемъ мышцъ опредѣляется дѣятельность, поведеніе человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его благосостояніе, его счастье, его судьба.

Мышцы требуютъ частаго упражненія, подъ вліяніемъ котораго въ нихъ происходитъ усиленный обмѣнъ веществъ, необходимый для нормальнаго ихъ существованія. Удовлетворительные ростъ и развитіе мышцъ возможны, благодаря постоянной и энергичной ихъ работѣ. Напротивъ, при бездѣятельности, при покоѣ, мышцы не только не увеличиваются, но становятся слабѣе, тоньше и мягче. Продолжительный покой не только не составляетъ отдыха для мышцъ, но приноситъ имъ даже вредъ. Работа содѣйствуетъ сохраненію и совершенствованію мышцъ, праздность же ихъ губитъ. Это законъ общій для всѣхъ органовъ тѣла, а не для однѣхъ мышцъ. Имъ обусловливается успѣшность всякаго упражненія; имъ доказывается необходимость упражненія. Мышцы, хорошо питаемыя, поддерживаютъ дѣятельный

обмѣнъ веществъ, способствуютъ пищеваренію, кровообращенію, дыханію и прочимъ отправлениямъ тѣла, равно и повышенію умственной и моральной энергіи.

У нѣкоторыхъ лицъ мышечная система достигаетъ высокаго развитія. Зависитъ это обыкновенно отъ причинъ наслѣдственныхъ, хотя нельзя отрицать, что и упражненіе мышцъ должно имѣть извѣстное значеніе. Преобладаніе въ тѣлѣ мышечной ткани идетъ всегда объ руку и съ обильнымъ содержаніемъ соединительной, а то и эпителиальной ткани, такъ такъ разъ мышечная ткань находитъ возможность къ свободному росту и развитію, она влечетъ за собою совершенствованіе и прочихъ тканей, особенно сравнительно низшихъ: клѣтчатки и эпителиальной ткани. Однако, несомнѣнны, преимущественно при плохомъ питаніи, и случаи односторонняго изобилованія мышечной ткани, влекущаго къ отощанію, исчезанію другихъ тканей.

Болѣе рѣдки случаи мѣстнаго такъ-сказать развитія мышечной ткани, что замѣчается, напримѣръ, на атлетахъ или силачахъ, преданныхъ тѣлесному труду или различнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ. У этихъ субъектовъ напряженная работа мышцъ ведетъ къ усиленной дѣятельности важнѣйшихъ органовъ, особенно сердца и легкихъ, и можетъ имѣть слѣдствіемъ органическое разстройство этихъ органовъ, если не преждевременную смерть. Вообще, мѣстное развитіе мышечной ткани должно грозить большею опасностью для здоровья и жизни, нежели общее, равномерное ея развитіе. Однако и это общее развитіе, общее обиліе или преобладаніе въ тѣлѣ мышечной ткани должно держаться опредѣленныхъ предѣловъ, чтобъ не дѣйствовать во вредъ остальнымъ тканямъ. Массивность мышцъ, удовлетворительное ихъ питаніе и упражненіе предрасполагаютъ человѣка къ мышечной дѣятельности, предопредѣляютъ профессію его, карьеру. Есть субъекты прямо созданные для мышечнаго труда, для занятій, требующихъ усиленнаго и продолжительнаго тѣлеснаго напряженія. И это подтверждается тѣмъ, что, случайно или намѣренно, отказавшись отъ такого труда, субъекты эти казнятся самою природою за свою измѣну ему, за увлеченіе занятіями, не посягающими на мышечную систему. Человѣка мышечнаго тѣлосложенія влечетъ обыкновенно энергичная тѣлесная дѣятельность, и онъ большею частью избираетъ такую профессію, которая такъ или иначе затрачивала бы его мышечную энергію. Если избранная профессія удовлетворяетъ его природѣ, дѣло обходится благополучно; если же, напротивъ того, профессія только незначительно долею отвѣчаетъ запросамъ его мышечной системы, здоровье его рискуетъ тѣми и другими нарушеніями. Вслѣдствіе ограниченной, стѣсненной мышечной дѣятельности происходитъ нарушеніе обмѣна веществъ въ тѣлѣ, отложеніе жира

въ клѣтчаткѣ, затѣмъ жировое перерожденіе въ различныхъ мышцахъ, затрудненное кровообращеніе, застои крови и т. д., словомъ, разстройство питанія и отправленій тѣхъ или другихъ органовъ, отравляющее и сокращающее жизнь. Правда, малое возрастаніе и плохое развитіе мышечной ткани, въ свою очередь, даются человѣку не на радость. тѣмъ не менѣе изобиліе мышечной ткани, на ряду съ плохимъ ея культивированіемъ, готовить, повидимому, больше зла, больше неудобствъ и страданій.

Преобладаніе въ тѣлѣ мышечной ткани или такъ-называемое мышечное тѣлосложеніе представляетъ во всѣхъ возрасты большія выгоды, большія преимущества. Дѣятельная соединительная ткань, здоровая ткань эпителиальная, содѣйствуя вещественному обмѣну, приводятъ къ подъему общаго тѣлеснаго благосостоянія; энергичная же мышечная ткань, превосходящая эти двѣ ткани и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, вызываетъ повышенный обмѣнъ веществъ, доставляетъ большее тѣлесное и духовное удовлетвореніе, способствуетъ большей жизнерадостности индивидуума.

Задача субъекта мышечнаго тѣлосложенія — сохранить равновѣсіе отправленій мышечной дѣятельности, если не въ угоду, то и не въ ущербъ дѣятельности другихъ тканей тѣла. Наблюденіе и опытъ даютъ указанія къ уходу за мышечной тканью, къ ея воспитанію. Въ отроческіе годы мышечные субъекты, не находя удовлетворенія въ скудной мышечной дѣятельности, показываютъ наклонность затрачивать свою тѣлесную энергію всякимъ дозвольтельнымъ и недозвольтельнымъ способомъ, и часто становятся непріятными, надоѣдливыми, тягостными для окружающихъ. Въ годы юности такіе субъекты домогаются болѣе сильныхъ ощущеній и движеній, прилагаютъ энергію къ преодолѣнію большихъ и большихъ препятствій и показываютъ явную наклонность къ злоупотребленію силой. Въ противномъ случаѣ, вынужденные сдерживать себя, они томятся, скучаютъ, рѣшаются на грубыя, дикія, нелѣпыя выходки. Мышечные субъекты, взрослые, болѣею частью тяжелы, неуклюжи, весьма дѣятельны, въ состояніи раздраженія жестоки, въ состояніи покоя кротки, инертны. Женщины мышечнаго тѣлосложенія очень дѣятельны, выносливы, часто грубоваты и рѣзки въ манерахъ и въ обращеніи. Тѣлосложеніе это не подходитъ къ женской природѣ и вырабатывается въ женщинѣ повидимому подъ вліяніемъ житейской необходимости и жалкихъ экономическихъ условій, если не приобрѣтается по наслѣдству. Это тѣлосложеніе неохотно культивируется въ женщинѣ и семьей, и обществомъ, и правительствомъ, за исключеніемъ развѣ низшихъ слоевъ общества.

Слабая сторона мышечнаго тѣлосложенія та, что оно рас-

полагаетъ къ занятіямъ и развлеченіямъ, требующимъ участія мышечнаго напряженія, къ болѣе или менѣе частому примѣненію силы (resp. кулачной расправы) и къ уклоненію отъ мѣръ, рассчитанныхъ на убѣжденіе и серьезное обсужденіе. Требуется вообще на субъектахъ этого тѣлосложенія особенное вниманіе къ воспитанію въ нихъ движеній и дѣйствій мягкихъ, сдержанныхъ, корректныхъ, изъ опасенія ихъ огрубѣнія, одичанія, необузданности.

Мышечная дѣятельность проявляется повсюду: она необходима не только для работы физической, но и для жизни чувствъ и эмоцій, и для работы мышленія. Ко вниманію способны наиболѣе лица съ хорошимъ мышечнымъ тонусомъ,— для напряженной, длительной умственной работы годны люди съ крѣпкими и здоровыми мышцами и нервами.

Профаны привыкли считать мышечными субъектами людей отличающихся массивными мышцами и рѣзкими, грубыми движеніями, тогда какъ такими субъектами могутъ быть лица съ малыми сравнительно мышцами, неспособными къ удовлетворительному напряженію. Случается, что жалкій съ виду субъектъ одолѣваетъ коренастаго, дюжаго парня, или, что представитель интеллигентнаго круга побѣждаетъ въ спортовомъ упражненіи простаго рабочаго. Конечно, принимая въ соображеніе отношеніе мышечной системы къ нервной и наличность у нѣкоторыхъ субъектовъ преобладающей нервной энергіи надъ мышечною, можно допустить возможность мышечнаго тѣлосложенія у тѣхъ лицъ, у которыхъ качественныя достоинства мышечной ткани берутъ перевѣсъ надъ количественными.

Лица мышечнаго тѣлосложенія могутъ быть, впрочемъ, слабы во многихъ случаяхъ. Такъ, происходя отъ болѣзненныхъ родителей, особенно страдавшихъ сифилисомъ, алкоголизмомъ, нервными и душевными болѣзнями, половымъ истощеніемъ, нуждавшихся, голодавшихъ или просто ведшихъ неправильный образъ жизни, дѣти большею частью рождаются и остаются безсильными, съ вялыми мышцами, мало годными на мышечную дѣятельность.

Настоящіе мышечные субъекты сильны, энергичны, отлично приспособляются ко всѣмъ условіямъ окружающей среды и противоудѣйствуютъ вреднымъ болѣзненнымъ вліяніямъ. Они чувствуютъ себя свѣжими и бодрыми, отличаются превосходнымъ душевнымъ настроеніемъ и жаждутъ серьезной, дѣятельной работы, способной затратить ихъ мышечную энергію. Они не нуждаются ни въ какихъ возбуждающихъ мѣрахъ и средствахъ, и, если и прибѣгаютъ къ нимъ случайно или намеренно, то только во вредъ своему здоровью, да и во вредъ дѣлу. Для нихъ хороша умѣренная мясная пища, не богатая жиромъ, главное же, скудная мучными веществами. Голоданіе они переносятъ лучше клѣтчатковыхъ и эпителиальныхъ

субъектовъ; не скоро устаютъ и утомляются, мало спятъ и работаютъ долгіе сроки. Послѣ изнурительныхъ болѣзней и въ случаяхъ чрезмѣрныхъ невзгодъ и лишеній мышечная ткань долго борется за свое существованіе, и начинаетъ истощаться и исчезать только тогда, когда соединительная и эпителиальная ткани оказываются уже понесшими самыя чувствительныя потери.

Мышца, разрушившись отъ болѣзни или пораненія, не восстанавливается никогда; будучи разрѣзана на части, не заживаетъ мышечнымъ веществомъ, но новообразованной фиброзою тканью. Въ условіяхъ нормальныхъ мышечная ткань растетъ и развивается, хотя крайне медленно, равнымъ образомъ медленно атрофируется и исчезаетъ; болѣе жизненною, сравнительно съ нею, оказывается только ткань нервная. Субъекты мышечнаго тѣлосложенія хорошо растутъ и развиваются, безнаказанно переносятъ усиленный подъемъ роста и проходятъ сомнительный половой періодъ обыкновенно благополучно.

Группы общественныя съ преобладаніемъ лицъ мышечнаго тѣлосложенія намѣчены самой судьбой на прочное существованіе; онѣ способны на упорную и продолжительную борьбу, на отстаиваніе своихъ правъ, своихъ убѣжденій и вѣрованій, даже на болѣе успѣшную борьбу съ болѣзненностью и смертностью.

Мышечная ткань составляетъ принадлежность юношескаго возраста, субъектовъ высшаго уровня тѣлесной организаціи, да и высшей тѣлесной и духовной культуры. Въ гармоническомъ комбинированіи съ тканью нервной, мышечная ткань гарантируетъ въ обладаемыхъ ими субъектахъ семью, обществу и государству наиболѣе годныхъ, цѣнныхъ отцовъ и гражданъ, наиболѣе самостоятельныхъ и самодѣятельныхъ членовъ человѣческаго общежитія. Поэтому задачею семьи, общества и государства является безусловная необходимость культивировать, воспитывать какъ въ юныхъ, такъ и взрослыхъ индивидуумахъ не столько соединительную или эпителиальную, сколько мышечную ткань, какъ наиболѣе совершенную и надежную въ цѣляхъ общаго благосостоянія и счастья.

За мышечною слѣдуетъ самая совершенная, самая жизненная ткань—нервная. Она встрѣчается въ формѣ клѣточекъ (нейроновъ), составляющихъ такъ называемое сѣрое вещество мозга, или въ формѣ волоконъ, составляющихъ бѣлое мозговое вещество. Она служитъ къ воспріятію впечатлѣній, какъ аппаратъ интеллекта и какъ проводникъ чувствительности и движенія. Хотя подъ нервнымъ тѣлосложеніемъ разумѣется такое, въ которомъ означенные элементы преобладаютъ надъ прочими тканями, тѣмъ не менѣе въ каждомъ нервномъ субъектѣ обыкновенно дѣйствуетъ предпочтительно извѣстный отдѣлъ нервной системы. Есть субъекты,

у которыхъ первую роль играетъ спинной мозгъ, это субъекты „спинномозговые“. Дѣтей называютъ существами спинномозговыми (Вирховъ), однако такими несомнѣнно бываютъ и юноши, и взрослые, и старцы. У иныхъ нервныхъ лицъ главную роль исполняетъ головной мозгъ: это субъекты „головномозговые“. Можно допустить еще и болѣе мелкія подраздѣленія нервныхъ субъектовъ. Такъ, въ одномъ замѣчательно развита центростремительная (чувствительная) периферическая нервная система, въ другомъ центробѣжная (двигательная). Проф. Балдвинъ допускаетъ два типа молодыхъ людей: рецептивный или сенсорный и продуктивный или моторный. Это типы психологическіе, но они прямо отвѣчаютъ типамъ анатомическимъ и физиологическимъ, подтверждаемымъ путемъ наблюденія надъ ними. Есть и нервные субъекты, въ которыхъ органы внѣшнихъ чувствъ или, точнѣе, одинъ изъ этихъ органовъ преобладаетъ надъ всѣми прочими отдѣлами нервной системы. Однако, какъ бы ни была особенно развита часть нервной системы, во всякомъ случаѣ у каждаго нервного субъекта вся нервная ткань оказывается болѣе сильною и могучею, болѣе жизненною, нежели другія ткани тѣла.

Какъ у мышечнаго субъекта мышечное тѣлосложеніе, такъ и у нервного его тѣлосложеніе предрасполагаетъ къ определенной дѣятельности, предопредѣляетъ его профессію, карьеру. Нервная ткань стоитъ первая въ ряду всѣхъ тканей, она главенствуетъ въ мірѣ физическомъ и духовномъ, поэтому и субъекты нервного тѣлосложенія являются избранниками судьбы, главарями повсюду, въ семьѣ и обществѣ.

Нервная ткань отличается наибольшею самостоятельностью, наибольшею жизненностью, т. е. наибольшею приспособляемостью и сопротивляемостью вреднымъ вліяніямъ. При многихъ болѣзняхъ ткани подвергаются различнымъ измѣненіямъ и разрушенію: послѣднее въ борьбѣ съ ними оказывается ткань нервная.

Подобно другимъ нервная ткань требуетъ упражненія, слѣдовательно, непрерывнаго обмѣна веществъ. Недостаточность или лишеніе упражненія отзывается на нервной ткани чувствительнѣе, серьезнѣе; сама природа заботится о ней сравнительно болѣе: нервный субъектъ необычайно дѣятеленъ; у него нѣтъ повидимому минуты покоя, отдыха, и при нормальныхъ условіяхъ обстановки онъ не только не утомляется скоро, но работаетъ изо дня въ день съ постепенно повышающейся энергіей и вниманіемъ. Для работы каждой ткани наступаетъ въ свое время предѣлъ, между тѣмъ, какъ нервная ткань дѣйствуетъ до тѣхъ поръ, пока другія ткани не отказываются для нея работать, пока не перестанутъ доставлять ей матеріалъ для обмѣна. Наиболѣе чувствительно на нервной дѣятельности отзываются количество и качество

доставляемой для питанія нервной ткани крови. Утомленіе и переутомленіе нервной ткани находятся въ зависимости не столько отъ напряженности работы или ея продолжительности, сколько отъ нарушенія питанія самой ткани. Нервное истощеніе (нейрастенія) вслѣдъ за непосильной умственной работой чаще всего обнаруживается благодаря какому либо угнетающему аффекту, сопровождаемому—какъ извѣстно—сокращеніемъ волосныхъ сосудовъ и пониженіемъ питанія нервной ткани. Если бы возможно было мозгу и нервамъ доставлять непрерывно здоровую кровь, дѣятельность ихъ повидимому не имѣла бы предѣловъ. Что такое сонъ, если не состояніе пониженія, пріостановленія дѣятельности основныхъ жизненныхъ функцій: кровообращенія, питанія нервныхъ центровъ и нервовъ, если не состояніе отдыха органовъ произвольнаго движенія и сознательной жизни? Во снѣ продолжается не животная, а растительная жизнь. Нарушенія животной жизни удобопереносимы организмомъ, въ особенности же нервной тканью, нарушенія же жизни растительной недопустимы для послѣдней безъ вреда, безъ гибели. Такимъ образомъ, нервная ткань можетъ служить образцомъ, идеаломъ жизненности; она представляетъ ткань наиболѣе развитую, наиболѣе совершенную, превосходящую всѣ остальные ткани живого тѣла. Лица, надлежащимъ образомъ упражняющія нервную свою систему, работающія мозгомъ, оказываются весьма выносливыми и долговѣчными, между тѣмъ, какъ лица, безустанно упражняющія свои мышцы или железы, подвергаются чаще и скорѣе разнымъ разстройствамъ и ранѣе истрачиваются, ранѣе погибаютъ.

Нервная ткань, развиваясь и отправляя свои функціи, способствуетъ тѣмъ самымъ развитію и функціонированію другихъ тканей. Такъ, благодаря напряженной умственной работѣ, повышается и дѣятельность тѣлесная: динамометрическая сила увеличивается по мѣрѣ выполненія умственной работы (Ферэ)

Продолжительное усиленное упражненіе нервной системы имѣетъ рано или поздно слѣдствіемъ ослабленіе, большее или меньшее пріостановленіе дѣятельности другихъ тканей, поэтому у умственныхъ рабочихъ или вообще у людей, слишкомъ напрягающихъ тотъ или другой отдѣлъ нервной системы, но не прилагающихъ достаточнаго вниманія къ дѣятельности прочихъ системъ, наблюдается обыкновенно болѣе или менѣе значительное общее исхуданіе, истощеніе, а вслѣдствіе того и большее или меньшее нарушеніе дѣятельности и самой нервной системы. Лица умственного труда обыкновенно не отличаются полнотою формъ тѣла, избыткомъ плоти, за исключеніемъ развѣ тѣхъ счастливцевъ, душевное настроеніе которыхъ не омрачается разными бѣдами и горями. Истрачивается, изнашивается нервный субъектъ тотъ,

у котораго чрезмѣрно напрягается менѣе важный, болѣе слабый какой либо отдѣлъ нервной системы; музыкантъ, злоупотребляющій органомъ слуха, или гимнастъ, насилующій двигательные нервы, скорѣе теряютъ энергію, нежели математикъ, историкъ или философъ, трудящіеся, не зная ни отдыха, ни срока, надъ своею спеціальностью. Словомъ, выносливѣе тотъ, кто упражняетъ наиболѣе совершенный, жизненный отдѣлъ нервной своей системы; слабѣе же тотъ, дѣятельность котораго ограничивается отдѣломъ ея менѣе важнымъ, менѣе существеннымъ для здоровья и жизни.

Иные субъекты, рождаясь съ преобладающею нервной тканью, съ юныхъ лѣтъ оказываются предрасположенными къ энергичной нервной дѣятельности; иные же, путемъ воспитанія или въ силу обстоятельствъ, упражняютъ ее и развиваютъ, доводя до высокаго совершенства. Первые имѣютъ, конечно, болѣе шансовъ къ успѣшному культивированію своего нервнаго тѣлосложенія, тѣмъ не менѣе и вторые, благодаря усердному и продолжительному упражненію нервной ткани, могутъ не уступать особенно первымъ въ прогрессивномъ развитіи и улучшеніи нервной ткани.

Преобладаніе въ тѣлѣ нервной ткани идетъ обыкновенно объ руку съ достаточнымъ содержаніемъ мышечной ткани, а подчасъ и ткани эпителиальной. Люди нервнаго тѣлосложенія большею частью хорошо переносятъ усиленное и продолжительное мышечное напряженіе; они бываютъ отличными пѣшеходами, гребцами, пловцами, гимнастами; нервные субъекты—военные, адвокаты, врачи, коммивояжеры днями и ночами, недѣлями и мѣсяцами проводятъ время въ упорномъ напряженномъ трудѣ безъ особенныхъ послѣдствій для здоровья. Что касается дѣятельности эпителиальной (железистой) ткани, то у обладающихъ ею нервныхъ субъектовъ наблюдается сильно развитая чувствительность и воспріимчивость къ удовольствіямъ и страданіямъ, къ эмоціямъ и страстямъ, къ эстетическому и религіозному экстазу и т. д.

Обильная нервная ткань, какъ и всякая ткань вообще, требуетъ надлежащаго упражненія, дѣятельности: въ противномъ случаѣ ей приходится претерпѣвать нарушенія въ питательномъ или функціональномъ отношеніи. Недостаточная или минимальная дѣятельность нервной ткани даетъ возможность или, точнѣе, право развиваться и дѣйствовать низшимъ тканямъ: мышечной и другимъ; главное же, ведетъ къ ослабленію, отощанію, атрофированію самой нервной ткани. Не менѣе враждебна здоровью усиленная, чрезмѣрная дѣятельность нервной ткани, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда вся гигиеническая обстановка работающаго неудовлетворительна. Злоупотребленіе такою дѣятельностью обыкновенно надолго, если не навсегда, грозитъ ея пониженіемъ, ухудшеніемъ, даже прекращеніемъ, если заблаговре-

менно не принимаются мѣры къ устраненію злоупотребленія.

Во избѣжаніе недоразумѣній мы должны сказать, что подъ словомъ „нервный“ мы понимаемъ человѣка нервнаго тѣлосложенія, т. е. такого тѣлосложенія, въ которомъ нервная ткань (resp. нервная система) беретъ количественно и качественно перевѣсъ надъ тканями мышечной, эпителиальной и соединительной. Профаны, да при бесѣдѣ съ профанами и врачи, разумѣютъ подъ словомъ „нервный“—субъекта, расположеннаго къ нервнымъ заболѣваніямъ или уже одержимаго какимъ-либо нервнымъ разстройствомъ.

Какое отношеніе собственно имѣется между человѣкомъ нервнаго тѣлосложенія (физиологически-нервнымъ) и человѣкомъ болѣзненно-нервнымъ (патологически-нервнымъ)? Выясненіе этого вопроса представляетъ существенный интересъ.

Физиологически-нервный субъектъ можетъ считаться образцомъ дѣятельнаго, уравновѣшеннаго, корректнаго работника, удовлетворяющагося умѣреннымъ количествомъ ѣды, отдыха и сна, не нуждающагося ни въ какомъ искусственномъ возбужденіи или поощреніи, но живущаго и дѣйствующаго подъ вліяніемъ мимовольной энергіи, здоровыхъ, природныхъ импульсовъ. Патологически-нервный субъектъ представляетъ нѣчто противоположное. Онъ съ трудомъ и неохотой берется за работу, часто ее прерываетъ и бросаетъ не заканчивая. Для продолженія ея онъ обращается нерѣдко къ возбуждающимъ веществамъ (къ вину, къ кофе, къ крепкому чаю, а то и наркотическимъ), старается разнообразить работу, мѣняетъ положеніе и мѣсто, ищетъ развлечься. Втянувшись такъ или иначе въ работу, онъ читаетъ или пишетъ по инерціи, съ увеличивающейся энергіей, такъ что иногда съ трудомъ можетъ оторваться, несмотря на поздній часъ ночи. Ъсть неважно, отдыхаетъ много, спитъ тревожно. Часто послѣ наилучшаго сна чувствуетъ себя хуже, чѣмъ послѣ плохого сна; не утомившись, спитъ плохо, утомленный, бредитъ работой и подчасъ лихорадитъ, точно послѣ простуды или нервнаго припадка. Вообще, работу начинаетъ всегда съ усиліемъ и съ принужденіемъ же кончаетъ. Только особый интересъ, особая выгода или крайняя нужда его заставляютъ работать, и то урывками, съ частыми перемежками, съ провололочкой.

Патологически-нервный субъектъ крайне раздражителенъ, быстро и сильно реагируетъ на всѣ впечатлѣнія, особенно при малѣйшемъ недомоганіи, при утомленіи, при недосыпаніи, голоданіи и т. п. Раздражительность эта развивается медленно, едва замѣтно и угрожаетъ каждому, въ особенности же патологически-нервному субъекту. Свойство всякой работы таково, что она увлекаетъ; нервный человѣкъ, работая,

доходить до того, что забываетъ ѣду, сонъ и, подъ вліяніемъ того или другого удручающаго импульса, начинаетъ страдать переутомленіемъ, кончающимся какимъ нибудь нервнымъ разстройствомъ или же полнымъ нервнымъ истощеніемъ (нейрастеніей), этимъ злѣйшимъ недугомъ людей нервнаго тѣлосложенія, доводящихъ дѣятельность свою до крайней степени.

Слабый, болѣзненный человѣкъ обыкновенно не доводитъ себя работой до изнеможенія, тогда какъ здоровый субъектъ нервнаго тѣлосложенія, благодаря своей организаціи, продолжаетъ работу, пока въ состояніи ее выносить, и потому легко нарушаетъ предѣлы своихъ силъ и благоразумія. Извѣстно, что тѣмъ человѣкъ больше работаетъ, на того больше и налагаютъ—больше же всѣхъ способны работать описываемые нервные субъекты. Словомъ, сама судьба дѣлаетъ этихъ людей жертвами общественной дѣятельности, общественнаго благополучія, налегая, пожалуй, еще и на субъектовъ мышечнаго тѣлосложенія, но оставляя безъ вниманія или прямо щадя лицъ эпителиальнаго и клѣтчатковаго тѣлосложенія. Это кстати подтверждается и тѣмъ, что субъекты нервнаго тѣлосложенія, если относятся пренебрежительно или враждебно къ энергичной работѣ, рано или поздно наказываются разными недугами тѣлеснаго или психическаго свойства. Такъ, при роскошномъ, сибаритскомъ образѣ жизни, благодаря обильной ѣдѣ, долгому сну, бездѣятельности у этихъ субъектовъ на счетъ нервной ткани начинаютъ жить ткани низшія, особенно эпителиальная и клѣтчатковая, развивается ожирѣніе и мало-по-малу образуются различныя органическія разстройства: сахарная болѣзнь, подагра, каменная болѣзнь, бравцова болѣзнь и т. п.

Каждая ткань должна выполнять свои функціи, нести предназначенную ей природою работу. Въ особенности же это относится къ тканямъ высшимъ: мышечной и, главное, нервной. Въ самомъ дѣлѣ, субъекты нервнаго тѣлосложенія во всѣ возрасты отличаются энергичною дѣятельностью; они и въ школѣ, и въ служебной жизни оказываются наилучшими работниками, на которыхъ можно положиться, на которыхъ падаетъ все бремя управленія, общественнаго и государственнаго. Будучи еще орокомъ, нервный субъектъ является обыкновенно коноводомъ въ играхъ и всякихъ затѣяхъ; юношей онъ симулируетъ взрослому и главенствуетъ въ кругу товарищей, если только не сдерживается старшими и не подавляетъ свои рефлексы; взрослые же нервные субъекты—какъ мы уже говорили—оказываются въ первыхъ рядахъ общественныхъ дѣятелей.

Вліятельными въ жизни могутъ быть и лица мышечнаго тѣлосложенія, но характерно то, что вліяніемъ своимъ лица эти чаще вызываютъ къ себѣ враждебное отношеніе, тогда

какъ субъекты тѣлосложенія нервнаго не производятъ тягостнаго, гнетущаго впечатлѣнія на окружающихъ, импонируя мѣрами убѣжденія, разумными поступками, т. е. силою логики, съ которою волей-неволей приходится мириться каждому.

Нервные субъекты наиболѣе жизненны, т. е. лучше всѣхъ способны приспособляться къ средѣ и болѣе другихъ выносливы по отношенію ко всякимъ враждебнымъ вліяніямъ, поэтому наиболѣе терпимы и полезны на всѣхъ поприщахъ, особенно тѣхъ, которыя затрагиваютъ высшіе жизненные интересы духовнаго свойства. Во всѣхъ отрасляхъ наукъ, въ вопросахъ теоретическаго и прикладнаго знанія, въ высшихъ искусствахъ они служатъ главными дѣятелями, драгоценными работниками, лучшими исполнителями.

Увлекаясь и подчасъ злоупотребляя своими силами, нервные субъекты обыкновенно умѣренны, воздержны во всѣхъ отношеніяхъ, хотя легче, безнаказаннѣе сравнительно съ другими переносятъ всякія излишества и всякія лишенія. Слабая сгорона этихъ субъектовъ та, что они—въ силу слишкомъ развитой фантазіи или въ силу образцовой ихъ нервной системы вообще и половой въ частности: трудно сказать—легко увлекаются идеалами, заносятся въ трансцендентныя сферы и весьма часто поддаются чарамъ *amoris et veneris*, чѣмъ губятъ свое здоровье и молодость, и изъ-за этого кончаютъ нерѣдко преждевременнымъ отживаніемъ и состариваніемъ.

Группы общественныя съ преобладаніемъ лицъ нервнаго тѣлосложенія обладаютъ тѣми же качествами, какъ и группы мышечныхъ субъектовъ, но въ болѣе высокой степени. Группы нервныхъ болѣе устойчивы, болѣе жизненны, болѣе годны на борьбу за существованіе, на *self your help*, на прямолинейное проведеніе въ жизнь своихъ вѣрованій и убѣжденій, на болѣе надежную борьбу съ болѣзненностью и смертностью.

Нервная ткань составляетъ специфическую особенность возмужалаго возраста и мужского пола; другіе возрасты и женскій полъ обнаруживаютъ лишь зачатки и слабыя степени этой ткани. Гармоническая комбинація ткани нервной съ мышечною наблюдается въ типичныхъ личностяхъ практическаго склада ума, играющихъ почетную роль въ дѣятельности любого благоустроеннаго общества; но зато въ обществѣ неблагоустроенномъ, невѣжественномъ личности эти чаще отличаются предпочтительно грубымъ преслѣдованіемъ личныхъ цѣлей и приносятъ обществу обыкновенно больше вреда, чѣмъ пользы. При избраніи въ какомъ бы ни было человѣческомъ обществѣ заправиль, секретарей и подобныхъ дѣльцовъ слѣдовало бы въ нашъ практическій вѣкъ держать ухо и глазъ остро съ такими эгоистическими

личностями и привлекать къ дѣлу субъектовъ нервнаго тѣлосложенія съ примѣсю въ ихъ организмѣ не мышечной, а лучше эпителиальной или даже соединительной ткани. Въ виду всего только что сказаннаго не мѣшало бы при воспитаніи молодого поколѣнія заботиться о культивированіи въ тѣлахъ отроковъ и юношей нервной ткани *per se* или въ комбинаціи съ эпителиальной тканью, конечно, въ извѣстныхъ, скромныхъ предѣлахъ. Группы субъектовъ мышечнаго, нервнаго или нервно-мышечнаго тѣлосложенія, завладѣвая властью, богатѣя и мѣняя жизненный режимъ, начинаютъ скорѣ слабѣть, опускаться вслѣдствіе пониженія общей энергіи отъ новаго преобладанія ткани соединительной или эпителиальной, но, сохраняя традиціонныя права, продолжаютъ управлять и благодушествовать, хотя и во вредъ общественнымъ интересамъ.

Итакъ, мы разсмотрѣли четыре основныхъ типа тѣлосложенія, имѣя въ виду указать зависимость темперамента, характера и поведенія людей отъ анатомическаго взаимнаго отношенія четырехъ основныхъ тканей въ тѣлѣ человѣка. Типы эти собственно идеальные, схематическіе, такъ какъ на практикѣ, въ жизни они встрѣчаются весьма рѣдко *): обыкновенно наблюдаемъ мы типы смѣшанные, типы сложные. Оно и понятно. Жизнь, существованіе человѣческое обусловливается непрерывнымъ обмѣномъ веществъ и силъ организма съ окружающей средой, поэтому при богатствѣ и разнообразіи ихъ составныхъ частей и ихъ функций становится вполне допустимой безконечная мѣна количественныхъ и качественныхъ между ними отношеній. Такимъ образомъ, несмотря на присущее каждому тѣлосложенію преобладаніе той или другой ткани, во всякомъ организмѣ прочія, второстепенныя въ немъ ткани не теряютъ правъ на существованіе и содѣйствуютъ гармонической дѣятельности организма.

Наблюденія показываютъ, что организмъ обыкновенно приспособляется къ условіямъ среды и каждая ткань формируется и упражняется сообразно возлагаемымъ на нее со стороны среды требованіямъ **). У лицъ, ведущихъ кочевую жизнь, конечно, разовьется скорѣе ткань мышечная, нежели ткань эпителиальная, для которой благоприятными условіями будутъ: жизнь сидячая, въ четырехъ стѣнахъ, высокая темпе-

*) Въ видѣ примѣра можемъ сказать, что чистымъ, безпримѣснымъ нервнымъ тѣлосложеніемъ отличаются весьма многіе евреи, чистымъ мышечнымъ—многіе англичане, эпителиальнымъ—нѣкоторые германцы и клѣтчатковымъ—довольно многіе представители славянской расы.

**) По словамъ Ч. Дарвина, организмы, скорѣе и полнѣе успѣвающіе приспособиться къ окружающимъ условіямъ, очевидно берутъ верхъ въ жизненномъ состязаніи, которое, такимъ образомъ, мощно способствуетъ измѣненію организмовъ въ полезную для нихъ сторону.

ратура жилья, весьма питательная пища, спокойное душевное настроеніе и т. п. Идеальнымъ для интеллигентнаго человѣка средняго класса общества тѣлосложеніемъ будетъ то, въ которомъ нервная ткань беретъ перевѣсъ, мышечная достигаетъ достаточнаго развитія, эпителиальная принимаетъ небольшую долю участія, а соединительная отходитъ на задній планъ. Въ настоящее время господствующимъ въ мірѣ тѣлосложеніемъ оказывается, повидимому, нервно-мышечное (Англія даетъ лучшіе въ этомъ отношеніи образцы), хотя мѣстами замѣчается стремленіе создать породу людей тѣлосложенія мышечно-кльѣтчатковаго, людей-звѣрей, годныхъ на служеніе цѣлямъ завоевательнымъ, на гибель живыхъ существъ тѣлосложенія не только эпителиальнаго, но и нервнаго. „Augsburger Zeitung“ въ 70-хъ годахъ проповѣдовала, что идеаломъ человѣка слѣдуетъ считать солдата, а редакція новѣйшаго гигиеническаго журнала „Gesunde Jugend“ (въ Берлинѣ) на обложкѣ перваго нумера напечатала портретъ идеальнаго мужа, напоминающаго, если не первобытнаго какого-то антропофага, то, по крайней мѣрѣ, свирѣпаго гунна временъ переселенія народовъ.

Когда поймутъ значеніе біологін, гигиены и педагогін для благосостоянія не только индивида, но и рода человѣческаго, тогда, вѣроятно, обратятъ надлежащее вниманіе на связь анатомо-фізіологическихъ основъ организаціи человѣка со здоровьемъ его и счастьемъ, а пока, конечно, приходится ограничиваться изученіемъ элементовъ этой организаціи и въ нихъ искать отвѣта на интересующіе врача и педагога вопросы по части тѣлосложенія.

Мы сказали, что тѣлосложеніе бываетъ обыкновенно смѣшанное, сложнаго состава, и что входящія въ составъ любого тѣлосложенія ткани различаются между собою по степенямъ ихъ жизненности, начиная съ низшей соединительной, затѣмъ эпителиальной, мышечной, и кончая самой совершенной, нервной тканью. Сложность тѣлосложеній такова, что въ любомъ изъ нихъ, на ряду съ основною, преобладающею тканью встрѣчается сравнительно значительное развитіе другой какой-либо ткани, и чаще, именно, ткани не высшаго, а низшаго ряда. Напримѣръ, въ нервномъ тѣлосложеніи, объ руку съ развитою нервною тканью, встрѣчается хорошо развитая мышечная ткань, а въ мышечномъ тѣлосложеніи, объ руку съ мышечной, хорошо развитая эпителиальная.

Разнообразное комбинированіе тканей въ тѣлѣ особенно важно для насъ въ отношеніи гигиеническомъ и педагогическомъ, т. е. постольку, поскольку тѣлосложеніе служитъ указаніемъ на мѣры, требуемыя по части гигиеническаго ухода и воспитанія индивида.

Имѣя въ виду молодыхъ людей средняго, интеллигентнаго класса общества, живущихъ въ удовлетворительной гигиени-

ческой обстановкѣ, въ условіяхъ разумнаго воспитанія, — молодыхъ людей, готовящихся къ серьезной, трудовой жизни, къ работѣ по опредѣленной научной спеціальности, родителямъ и воспитателямъ приходится озаботиться о томъ, чтобы организмъ ребенка въ состояніи былъ приспособиться ко всѣмъ этимъ условіямъ, т. е. чтобы не только сохранился цѣлымъ и невредимымъ, но и насколько возможно надежнѣе развился и усовершенствовался. Задача эта, съ гигиенической точки зрѣнія, и должна состоять въ томъ, чтобы культивировать, воспитывать надлежащимъ образомъ тѣлосложение или, точнѣе, ткани, обуславливающія тѣлосложение.

Дѣтскому возрасту свойственно тѣлосложение соединительнотканное или клѣтчатковое, отроческому — эпителиальное, юношескому — мышечное и возмужалому — нервное. Осложненіе любого изъ нихъ несоотвѣтствующею ему тканью нежелательно, когда оно происходитъ на счетъ ткани низшаго порядка; маложелательно, однако, хотя и въ меньшей степени, осложненіе и тканью высшаго порядка.

Тѣлосложение дается отъ природы, по наслѣдству, но можетъ видоизмѣняться и путемъ воспитанія, т. е. приобретать черты, то свойственныя, то не свойственныя возрасту. Такъ какъ воспитаніе происходитъ и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ обществѣ, то понятно, что и тѣлосложженіе находится въ извѣстной зависимости отъ условій всѣхъ этихъ трехъ элементовъ общежитія. Если въ семьѣ и школѣ считаются съ требованіями возраста, то и тѣлосложженіе сохраняется въ нормальныхъ возрастныхъ условіяхъ развитія его тканей; если же замедляютъ или спѣшатъ дѣломъ воспитанія, тѣлосложженіе претерпѣваетъ нарушенія въ ростѣ и развитіи тканей. Всѣмъ только что сказаннымъ и объясняются тѣ частые примѣры неправильнаго формированія тѣлосложженія, которые рѣшительно поражаютъ наблюдателя на дѣтяхъ въ нашъ болѣзненный, „нервный“ вѣкъ. Обнаруженіе въ числѣ учащихся дѣтей значительнаго числа субъектовъ эпителиальнаго или мышечнаго вмѣсто субъектовъ клѣтчатковаго тѣлосложженія или въ числѣ учащихся отроковъ многихъ субъектовъ нервнаго, а не эпителиальнаго тѣлосложженія — представляетъ явленіе ненормальное и нежелательное такъ же точно, какъ и, наоборотъ, появленіе въ числѣ учащихся юношей большаго числа субъектовъ эпителиальнаго тѣлосложженія или въ числѣ отроковъ субъектовъ клѣтчатковаго тѣлосложженія не можетъ не печалить педагога.

Распознать человѣка по тѣлосложженію далеко не трудно, если принять во вниманіе въ каждомъ случаѣ анатомическіе и фізіологическіе признаки даннаго лица, пользуясь при этомъ любымъ методомъ наведенія, будетъ ли то методъ совпаденія, или разницы, или остатковъ, или сопутствующихъ измѣненій. Субъектъ клѣтчатковаго тѣлосложже-

нія узнается по опухлости, рыхлости тканей, по толщинѣ костей, по вялости, неуклюжести движеній; субъектъ эпителиальнаго тѣлосложенія—по тонинѣ и нѣжности тканей, по увеличенію и оплотненію железъ, по женственности движеній; субъектъ мышечнаго тѣлосложенія—по развитію и напряженности мышц и по силѣ и увѣренности въ движеніяхъ и, наконецъ, субъектъ нервнаго тѣлосложенія—по жизненности, т. е. по легкой приспособляемости къ средѣ, по сопротивляемости вреднымъ вліяніямъ, словомъ, по признакамъ не столько анатомическаго, сколько физиологическаго (resp. психологическаго) свойства. Болѣе труднымъ, разумѣется, оказывается распознаваніе сложныхъ типовъ тѣлосложенія, но и эта трудность уступаетъ внимательному и продолжительному наблюденію. Вообще, изученіе тѣлосложенія требуетъ достаточнаго знакомства съ субъектомъ, т. е. довольно долгаго наблюденія за нимъ въ статическомъ и динамическомъ его состояніи, въ различныхъ положеніяхъ жизни, въ особенности во время его разговора (мирнаго или спорнаго, бурнаго). въ эмоціональной жизни и—что особенно важно—во время игръ и тѣлесныхъ упражненій, когда рѣзко обнаруживается юная натура субъекта.

Иные родители тревожатся, встрѣчая въ тѣлѣ сына или дочери ткани низшаго порядка рѣзко выраженными, а ткани порядка высшаго слабыми, мало развитыми. Напрасно. Всякое тѣлосложеніе хорошо, со всякимъ можно прожить благополучно до конца—даже весьма долгихъ дней—жизни, если гигиеническія и педагогическія условія обстановки будутъ удовлетворительны, особенно же, когда будутъ по возможности устранены эмоціи гнетущаго характера. Сокрушаться о прирожденномъ преобладаніи той или другой ткани не слѣдуетъ еще и потому, что каждая ткань доступна культивированію, воспитанію, потому что болѣе, пожалуй, поддается ему тѣлосложеніе прирожденное, нежели приобрѣтенное, такъ сказать, искусственно-привитое. На словахъ многимъ родителямъ, да и педагогамъ кажется труднымъ воспитать то или другое тѣлосложеніе, между тѣмъ какъ на дѣлѣ мы на каждомъ шагу видимъ, что самая заурядная барыня отлично культивируетъ въ своей дочкѣ пухленькую, жирненькую „невѣсту“, а въ сынѣ—барченка съ преобладающей клѣтчатковой или эпителиальной тканью, но съ жалкой мышечною или нервною тканью. Отнюдь не при помощи научныхъ указаній, а грубо эмпирически, не мудрствуя лукаво, разные непризванные воспитатели подавляютъ, убиваютъ въ молодыхъ людяхъ всякую самостоятельность и инициативу, готовя въ нихъ безропотныхъ автоматовъ на потребу какого-нибудь крючкотворства или „граненія троттуаровъ“. А, вѣдь, все это въ педагогическомъ смыслѣ означаетъ внимательный уходъ за клѣтчатковой, жировой тканью и тканью эпи-

телиальной и полное игнорированіе, презрѣніе тканей мышечной и нервной! Такимъ образомъ, любой писарь, любая крестьянская баба умѣютъ обращаться со средствами и мѣрами воспитанія тѣлосложенія, не отдавая только себѣ отчета въ томъ, что творять и въ чемъ мудрствуютъ...

Чтобы воспользоваться различными данными и приемами для распознаванія особенностей тѣлосложенія, отнюдь не требуется непременно наличность научной, методической подготовки. Самые рутинные воспитатели угадываютъ въ дѣтяхъ гораздо болѣе сложныя психическія проявленія, нежели анатомо-фізіологическіе признаки тѣлосложенія. Правда, если, при назначеніи на мѣста, нѣкоторые хитрые администраторы и говорятъ, будто бы невозможно сразу отличить дѣятельнаго молодого человѣка отъ лѣнтяя, честнаго—отъ мошенника, полезнаго субъекта—отъ вреднаго, то объясняется эта кажущаяся неспособность къ оцѣнкѣ просто желаніемъ администраторовъ назначать именно лѣнтяевъ, мошенниковъ, вредныхъ людей, ибо для удобства службы хороши именно такіе, а не другіе какіе либо субъекты. Не анатомія, а мимика, фізіономика даютъ достаточныя средства къ сносному опредѣленію тѣлосложенія любого человѣка, и простой инстинктъ на каждомъ шагѣ служить прекраснымъ орудіемъ узнаванія тѣлесной и духовной природы людей. Да и если бы человѣкъ не обладалъ означенными качествами отъ природы, то, пожалуй, и сама жизнь среди людей, въ обществѣ едва-ли была бы возможной.

Воспитывая тѣлосложеніе, мы можемъ разсчитывать на успѣхъ въ томъ только случаѣ, когда сумѣемъ отвѣтить указаніямъ самой природы тѣлосложенія, т. е. требованіямъ его анатомическимъ и фізіологическимъ, слѣдовательно, и гигиеническимъ, и педагогическимъ. Въ распоряженіи нашемъ, значитъ, должны находиться средства, оказываемыя намъ, главнымъ образомъ, гигиеной индивидуальной, отчасти же профессиональной и общей.

Начать съ того, что ткани, чѣмъ онѣ жизненнѣе, т. е. чѣмъ способнѣе къ приспособляемости къ средѣ и къ сопротивляемости вреднымъ вліяніямъ (неуязвимости), тѣмъ болѣе поддаются мѣрамъ гигиены и воспитанія, т. е. лучше сохраняются и совершенствуются. Мѣры же эти суть собственно мѣры укрѣпленія, закаливанія тѣла.

По отношенію къ воздуху замѣтимъ, что клѣтчатковое и эпителиальное тѣлосложенія требуютъ осторожности касательно слишкомъ высокой или слишкомъ низкой его температуры, тогда какъ мышечное и нервное тѣлосложенія могутъ болѣе или менѣе безбоязненно выносить и ту и другую. Комнатная температура для перваго и втораго тѣлосложенія недопустима ниже 13—14° K. и не выше 26—22° R., между тѣмъ какъ третье и четвертое тѣлосложенія переносятъ температуру воздуха и въ предѣлахъ 3—25, если не 6—28 градусовъ. Хорошо, конечно, приучать молодыхъ людей къ одной опредѣленной температурѣ, а именно, допускать для клѣтчатковыхъ и эпителиальныхъ субъектовъ 14—15° R., а для нервныхъ и мышечныхъ 12—13° R., и, въ случаѣ мѣны этой температуры, прибѣгать къ мѣнѣ одежды на болѣе теплую или холодную; однако, всегда желательно для укрѣпленія (закаливанія) тѣла мало-по-малу приучать дѣтей къ пониженію температуры. Приученіе это должно про-

изводить отнюдь, впрочемъ, не въ четырехъ стѣнахъ жилья, а непрерывно на чистомъ воздухѣ и подъ условіемъ непрерывнаго движенія, т. е. если не въ видѣ энергичныхъ тѣлесныхъ упражненій, то, по крайней мѣрѣ, въ видѣ прогулки, свободной ходьбы или легкихъ подвижныхъ игръ. Ежедневное примѣненіе такихъ пріемовъ закаливанія въ теченіе 2—3 часовъ составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ требованій гигиены во всѣхъ возрастахъ въ особенности же въ пору усиленнаго роста и развитія тѣла, въ пору отрочества и юности. Что касается пріученія къ перенесенію высокой температуры, то желательно примѣнять ее изрѣдка, въ короткіе сроки и съ осторожностью, особенно, для клѣтчатковыхъ и эпителиальныхъ субъектовъ. Напримѣръ, прогулка въ продолженіе получаса или долѣе въ пальціи зной (въ легкой одеждѣ и съ прикрытой головой) или четвертичасовое пребываніе въ горячей банѣ должно играть полезную роль въ цѣляхъ закаливанія молодыхъ людей. Разумѣется, при примѣненіи означенныхъ мѣръ многое зависитъ отъ такта воспитателя, однако, слѣдуетъ все-таки поставить правиломъ—постепенно пріучать дѣтей къ мѣнамъ температуры какъ жилого, такъ и наружнаго воздуха, особенно же къ мѣнѣ ея въ сторону пониженія.

Движеніе на воздухѣ, на солнцѣ въ нагомъ видѣ оказывается въ послѣдніе годы моднымъ—можно сказать—средствомъ для оздоровленія не одной кожи и легкихъ, но и для всѣхъ органовъ и частей тѣла въ совокупности.

Вѣтеръ (рѣзкое движеніе воздуха), въ свою очередь, является средствомъ значительно оживляющимъ кожу и легкія у людей крѣпкихъ и здоровыхъ. Чѣмъ энергичнѣе совершается обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, тѣмъ безопаснѣе вѣтеръ, хотя бы и весьма сильный, для чловѣка. При движеніи воздухъ отнимаетъ много влаги и тепла отъ тѣла, и тѣмъ самымъ способствуетъ повышенію дѣятельности кожи и легкихъ, поэтому, кому такое повышеніе дѣятельности будетъ подъ силу, тому оно должно быть только полезно, желательно. Вѣтеръ, особенно съ моря, въ гористой мѣстности, составляетъ удовольствіе для субъектовъ мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія, субъектамъ же клѣтчатковымъ и эпителиальнымъ онъ непріятенъ, тягостенъ. Этихъ послѣднихъ надо понемногу пріучать къ нему, сбѣлать его для нихъ сначала терпимымъ, затѣмъ пріятнымъ и доставить имъ такимъ образомъ возможность воспользоваться его цѣлебнымъ дѣйствіемъ. Дѣтямъ нѣжнымъ, балованнымъ не мѣшаетъ лѣтнее время проводить вблизи моря, въ сухой мѣстности (песчаной, лѣсной) и до, и послѣ купанья бѣгать и возиться нѣсколько минутъ на солнцѣ подъ вѣтромъ.

Весьма сильно слѣдуетъ считаться молодымъ организмамъ не только съ высокою или низкою температурою, но и съ сухостью или влажностью воздуха. Чѣмъ суше воздухъ и теплѣе, тѣмъ болѣе поглощаетъ влагу, и потому людямъ, движущимся и работающимъ въ такомъ воздухѣ, приходится прямо страдать отъ усиленнаго кожного и легочнаго испаренія. Страдаютъ чувствительно, правда, и въ воздухѣ слишкомъ сухомъ и холодномъ, такъ какъ онъ отнимаетъ отъ тѣла чловѣка не только влагу, но и теплоту, слѣдовательно, вдвойнѣ посягаетъ на работу кожи и легкихъ, однако, на дѣлѣ онъ менѣе опасенъ потому, что отъ него можно еще спастись подходящей одеждой (шерстью, мѣхомъ), тогда какъ отъ сухого и горячаго воздуха и лежанье пластомъ въ нагомъ видѣ въ тѣни является незавидною, да и не особенно полезною мѣрою.

Воздухъ слишкомъ влажный и теплый, съ одной стороны, вызываетъ организмъ испарять влагу, но, съ другой, не поглощая ея, препятствуетъ удаленію ея съ кожи; къ тому-же онъ дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на дыханіе, на кровообращеніе, на отравленія нервной системы. Любопытно, что подъ тропиками ростъ тѣла

увеличивается свободно, между тѣмъ какъ вѣсь тѣла, мышечная сила и общее здоровье терпятъ ущербъ.

Возьмемъ обратныя отношенія: воздухъ сухой и холодный и воздухъ влажный и холодный. Въ первомъ случаѣ онъ отнимаетъ много тепла и влаги отъ тѣла, въ предотвращеніе чего необходимы одежда и обувь изъ толстыхъ слоевъ шерстяной матеріи или мѣха, равно цѣлесообразныя энергичныя движенія тѣла въ видѣ механической работы, тѣлесныхъ упражненій, подвижныхъ игръ и т. п. Зато холодный и сухой воздухъ хорошъ тѣмъ, что легко освобождаетъ кожу отъ влаги, повышаетъ обмѣнъ веществъ, усиливаетъ кровообращеніе, дыханіе, пищевареніе, дѣятельность нервной и мышечной системы.

Наконецъ, воздухъ влажный и холодный, самый тягостный и опасный, быстро и сильно отнимаетъ отъ тѣла (особенно отъ легкихъ) тепло и влагу, и располагаетъ къ катарральнымъ и ревматическимъ заболѣваніямъ.

Все только-что сказанное относится вообще къ людямъ крѣпкимъ и здоровымъ, что же касается субъектовъ слабыхъ, болѣзненныхъ, то у нихъ въ сухомъ и тепломъ воздухѣ обнаруживается обыкновенно повышенная энергія всѣхъ отправленій, усиленный аппетитъ и легкость движеній. Меньшая потеря тепла и усиленное испареніе дѣйствуютъ на нихъ особенно благотворно.—Сухой и холодный воздухъ, переносимый легко здоровыми людьми, дѣйствуетъ неблагоприятно на лицъ слабыхъ: всѣ отправленія ихъ оказываются болѣе или менѣе нарушенными, у нихъ разстраиваются аппетитъ и пищевареніе; иные заболѣваютъ желтухой, блѣдной немочью, страдаютъ постоянными катаррами.—Что касается дѣйствія на слабыхъ воздуха влажнаго, то, будучи теплымъ, онъ еще переносится ими и даже нѣкоторымъ изъ нихъ (напр., слабогрудымъ) доставляетъ удовольствіе, воздухъ же влажный и холодный оказывается прямо непереносимымъ, если не гибельнымъ.

Клѣтчатковые и эпителиальные субъекты требуютъ большой осторожности во время пребыванія, особенно движенія на свѣжемъ воздухѣ сыромъ или сухомъ и холодномъ, а пожалуй, и тепломъ, но слишкомъ вѣтряномъ, такъ какъ они вообще трудно переносятъ потерю влаги и тепла тѣла, однако, все это отнюдь не можетъ оправдывать изнѣживаніе дѣтей, но заставляетъ только приучать ихъ постепенно и послѣдовательно къ рѣзкимъ мѣнамъ температуры, влажности и подвижности наружнаго воздуха. Субъекты мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія способны легче переносить описанныя неблагоприятныя условія воздуха, хотя, будучи избалованы въ четырехъ стѣнахъ и въ теплѣ, тоже требуютъ болѣе или менѣе медленнаго постепеннаго къ нимъ приспособленія и приученія.

На ряду съ указанными условіями воздуха не слѣдуетъ упускать изъ виду и свѣтовыхъ и тепловыхъ качествъ солнца. Не касаясь крайнихъ степеней солнечнаго свѣта и тепла, не переносимыхъ безъ прямого вреда тѣломъ человѣка, надо замѣтить, что вообще физическое и химическое дѣйствіе солнца крайне благотворно, живоительно отражается на всѣхъ тканяхъ и органахъ, въ особенности на кожѣ и легкихъ, и на всѣхъ органахъ внѣшнихъ чувствъ, а въ заключеніе, и на душевномъ настроеніи и умственной дѣятельности. Самые слабые, болѣзненные субъекты расцвѣтаютъ, оживаютъ подъ вліяніемъ солнечнаго тепла и свѣта; въ особенности же наглядно обнаруживается вліяніе это на дѣтяхъ, въ пору наиболѣе энергичнаго ихъ роста и развитія. На вольномъ воздухѣ на солнцѣ мышечный и нервный тонусъ дѣтскаго тѣла достигаетъ наибольшаго подъема, что рѣзко выражается свѣжестью и упругостью кожи, румянцемъ лица, блескомъ глазъ, повышенной напряженностью кожныхъ мышцъ и мышцъ произвольнаго движенія. Многія общія болѣзни улучшаются и излѣчиваются непосредственнымъ дѣйствіемъ

на тѣло солнца и воздуха на лонѣ вольной природы. Словомъ, солнце оказывается однимъ изъ самыхъ могущественныхъ оздоравлиющихъ агентовъ, какимъ слѣдуетъ пользоваться на дѣтяхъ, особенно же на дѣтяхъ нѣжнаго, слабаго тѣлосложенія, живущихъ въ губительной городской обстановкѣ. Въ солнцѣ нуждается каждое живое существо, каждая ткань, слѣдовательно, и каждое тѣлосложение эпителиальное или эпителиально-клѣтчатковое, само-собою, и клѣтчатковое.

Защитою для кожи отъ внѣшняго холода и сырости служить подходящая одежда. Ткани ея хороши, когда дурно проводятъ тепло, медленно всасываютъ кожную испарину и медленно же, но надежно пропускаютъ водяные пары и газы кожи. Лучшая такого рода ткань — шерстяная, хуже — хлопчато-бумажная и худшая — льняная (холстъ, полотно). Слабые люди, особенно съ нѣжной, тонкой кожей, носятъ шерстяную одежду, даже шерстяное бѣлье, съ цѣлью преложения отъ холода: шерсти же отдаютъ предпочтеніе и здоровые, крѣпкіе рабочіе, но съ цѣлью спасенія какъ отъ влажности внѣшняго воздуха, такъ и отъ кожной испарины. Правда, шерсть, согревая кожу, можетъ изнѣживать ее, зато, съ другой стороны, спокойно освобождая ее отъ влаги, вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ и отъ простуды, слѣдовательно, спасаетъ кожу отъ большаго вреда, чѣмъ изнѣживаніе. Шерсть, такимъ образомъ, подходитъ къ любому тѣлосложенію, съ тою развѣ разницей, что клѣтчатковые и эпителиальные субъекты нуждаются въ ней постоянно, за исключеніемъ развѣ жаркаго времени года, между тѣмъ какъ мышечные и нервные субъекты нуждаются преимущественно во время напряженной работы, сопровождаемой обильнымъ отдѣленіемъ испарины. Мѣхъ совсѣмъ недопустимъ даже для людей слабыхъ, за исключеніемъ крайней стужи и сѣвернаго вѣтра: достаточно зимою въ нѣсколько слоевъ шерстяной одежды или шерстяного верхняго платья на толстомъ слоѣ ваты. Бѣлье можетъ быть изъ хлопчато бумажной ткани (ситца, шертинга и т. п.), но не изъ льняной (полотна). Носки хороши нитяные. Обувь цѣлесообразна изъ шерстяной матеріи, но съ кожаной подошвой и обшитая съ краевъ кожей; зимою толстые шерстяные чулки и войлочные сапоги. Разсчитывать, впрочемъ, на согреваніе тѣла одной одеждой и обувью не слѣдуетъ: не забыть обыкновенно тотъ, кто хорошо питается, кто ведетъ подвижную, дѣятельную жизнь и проводитъ значительную часть дня на воздухѣ. Вотъ почему надо приучать дѣтей не къ теплой одеждѣ и обуви, а къ воздуху и энергичному движенію въ теченіе нѣсколькихъ (по меньшей мѣрѣ, 2—3) часовъ въ сутки. Къ такому режиму постепенно приспосабливаются и маленькія и слабѣшія дѣти, отроки же и юноши мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія живутъ, дѣйствуютъ и чувствуютъ себя при немъ безподобно.

Великимъ подспорьемъ гигиенической одежды и обуви въ дѣлѣ укрѣпленія и закалыванія кожи и тѣла служить приученіе тѣла къ холодной водѣ. Суть не въ томъ, въ какомъ видѣ будетъ примѣняема холодная вода, а въ томъ, чтобы примѣняема была она постепенно и послѣдовательно, и сообразуясь съ особенностями тѣлосложенія. Лучшее примѣненіе воды, конечно, въ видѣ купанья въ проточной водѣ въ лѣтнее время, зимою же — въ крытомъ бассейнѣ. Не только отроки, но и дѣти въ состояніи переносить весьма низкую температуру воды при купаніи или обливаніи. Если представить схематически предѣлы температуры воды, которою могли бы пользоваться въ цѣляхъ закалыванія юноши, отроки и даже дѣти всѣхъ четырехъ тѣлосложеній, то, допуская температуру воды для купанья въ предѣлахъ 25—15° R. для субъектовъ тѣлосложенія клѣтчатковаго и въ предѣлахъ 10—6° R. для субъектовъ нервныхъ, мы получимъ слѣдующія цифры температуры воды для субъектовъ тѣлосложенія:

	Клѣтчат- коваго.	Эпителіаль- наго.	Мышечнаго.	Нервнаго.
1.	25°	20°	15°	10°
2.	20°	16°	12°	8°
3.	15°	12°	9°	6°

Опытъ показываетъ, что субъекты любого тѣлосложенія могутъ при купаніи или быстромъ обливаніи долгу придерживаться температуры воды сначала № 1, затѣмъ постепенно переходить къ температурѣ № 2 и № 3, и держаться того или другого градуса мѣсяцами, даже годами, если только кожа переноситъ данную температуру и ощущаетъ непритворное удовольствіе.

Холодная вода отличается цѣлебнѣйшимъ дѣйствіемъ на кожу и мышцы, на всѣ отправленія тѣла. Нѣтъ болѣе дѣйствительнаго, а кстати, болѣе доступнаго, сподручнаго средства, какимъ можно было бы воспользоваться для укрѣпленія тѣла, и потому средство это первое нужно имѣть въ виду при воспитаніи дѣтей. Приучая дѣтей къ постоянному пользованію холодной водой, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приучаемъ ихъ къ соблюденію чистоты и опрятности тѣла, столь необходимыхъ для правильной дѣятельности кожи и легкихъ. Кстати, ухаживая за кожей, не слѣдуетъ забывать почаще и поусерднѣе мыть голову и ноги (тепловой водой съ мыломъ), такъ какъ кожа этихъ областей тѣла гораздо болѣе подвергается загрязненію, нежели кожа всѣхъ остальныхъ его частей. Мы уже не говоримъ о томъ, что, приучая дѣтей къ холодной водѣ, къ постоянному соблюденію чистоты и опрятности тѣла, мы избавляемъ ихъ отъ традиціонной русской бани, являющейся въ настоящее время совершенно излишней, сомнительной для здоровья.

Съ чуднымъ дѣйствіемъ на дѣтей холодной воды можетъ конкурировать развѣ только энергичное движеніе на чистомъ воздухѣ во всякое время года, во всякую погоду. Необходимо со первыхъ мѣсяцевъ жизни—слѣдуетъ поставить правиломъ—выпускать дѣтей на воздухъ ежедневно, а съ 6—7 лѣтъ выпускать ихъ для игръ и различныхъ тѣлесныхъ упражненій обязательно раза 2—3, минимумъ разъ въ день, по часу, по полтора, и только въ случаѣ сильнаго мороза, проливного дождя или снѣжной мятели приходится удерживать ихъ въ четырехъ стѣнахъ. Въ такіе ненастные дни необходимо, однако, позаботиться о томъ, чтобы дѣти въ обычные часы большихъ рекреаций въ самомъ заведеніи бѣгали, устраивали игры, словомъ, непрерывно двигались и затрачивали свою мышечную и нервную энергію. Помѣщеніе для игръ, разумѣется, должно быть предварительно провѣтриваемо, а пыль и соръ съ пола и мебели тщательно удаляемы. Дней, въ какіе нельзя бываетъ выпускать дѣтей на воздухъ, можно насчитать въ году весьма немного (около 10—15 дней), и потому опасаться за отвыканіе отъ холода и сырости собственно не приходится. Ради осторожности можно только допустить дѣтямъ одѣваться въ эти дни немного потеплѣе и, пожалуй, на нѣсколько минутъ, на полчаса ограничивать время пребыванія ихъ на воздухѣ.

Для субъектовъ мышечнаго, а значительную долю и нервнаго тѣлосложенія энергичныя движенія на воздухѣ составляютъ врожденную особенность организма, тогда какъ для субъектовъ эпителіальнаго, а тѣмъ паче клѣтчатковаго тѣлосложенія они требуютъ воспитанія, подстреканія, поощренія. Для мышечныхъ и нервныхъ субъектовъ они привлекательны, успѣшно конкурируютъ съ другими развлеченіями, для эпителіальныхъ же и клѣтчатковыхъ стоятъ на ряду съ этими послѣдними и, если и нравятся, то на время, и легко уступаютъ занятіямъ сидячимъ: чтенію, рисованію, музыкѣ и т. п. Несмотря на большую или меньшую увлекательность игръ и тѣлесныхъ упражненій, слѣдуетъ все-таки со стороны воспитате-

лей поддерживать любовь къ нимъ въ дѣтяхъ, такъ какъ благодаря изнѣживающимъ и разслабляющимъ вліяніямъ городской жизни послѣднія легко отвыкаютъ отъ нихъ и предаются мало-по-малу лѣни и бездѣтельности. Конечно, хорошо предоставлять самимъ дѣтямъ распоряжаться играми, однако, пока они приучатся къ этому и поведутъ дѣло корректно, необходимо руководить ими лицамъ, знающимъ и опытнымъ, и настаивать на обязательномъ устроении и веденіи игръ въ школѣ и даже внѣ ея стѣнъ. Для успѣшнаго роста и развитія тѣла нѣтъ лучшаго средства, какъ настойчивое упражненіе мышцъ (геср. нервовъ), и потому подвижныя игры и различныя тѣлесныя упражненія должны быть признаны безусловно необходимыми для молодыхъ людей любого тѣлосложенія, тѣмъ не менѣе особеннаго вниманія въ описываемомъ отношеніи заслуживаютъ субъекты эпителиальныя и клѣтчатковыя, по природѣ болѣе индолентныя и болѣе склонныя къ бездѣтельности и *dolce far niente*. Преподаватели игръ и гимнастики должны, впрочемъ, при непремѣнномъ участіи школьнаго врача, сообразоваться въ назначеніи и веденіи игръ съ возрастомъ и силами учащихся: иначе можетъ со стороны послѣднихъ обнаружиться охлажденіе и даже отвращеніе къ играмъ, что въ высшей степени нежелательно, такъ какъ нравственное ихъ значеніе играетъ первостепенную роль въ успѣшности игорнаго дѣла. Въ числѣ тѣлесныхъ упражненій на первомъ мѣстѣ стоятъ плаванье, отчасти велосипедъ въ лѣтнее время и катанье на конькахъ и на лыжахъ. Въ этихъ упражненіяхъ работаютъ, главнымъ образомъ, нижнія конечности, которыя считаются лучшими орудіями для развитія сердца и легкихъ, но такъ какъ органы эти не въ состояніи выносить у слишкомъ юныхъ и слабыхъ субъектовъ значительнаго напряженія, то тѣлесныя упражненія, смѣло допускаемыя молодымъ людямъ мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія, должны быть предоставляемы клѣтчатковымъ и эпителиальнымъ субъектамъ съ извѣстною осторожностью, съ болѣе или менѣе строгимъ выборомъ и подъ болѣе бдительнымъ надзоромъ. Сверхъ того, какъ мы уже упоминали, игры должны вестись всегда на воздухѣ и только въ крайнемъ случаѣ въ четырехъ стѣнахъ хорошаго гимнастическаго зала. Наконецъ, хотя въ видахъ упражненія верхнихъ конечностей и можетъ быть допущена молодымъ людямъ нѣмецкая или шведская гимнастика или извѣстныя ея приемы, то преимущественно субъектамъ нервнымъ и мышечнымъ, но не эпителиальнымъ и клѣтчатковымъ, особенно отличающимся слабой грудью, слабыми сердцемъ и легкими.

Въ виду тѣсной связи дѣятельности кожи и мышцъ мы, говоря о воспитаніи кожи, коснулись и воспитанія мышцъ и оборвали, такъ сказать, нить нашей бесѣды, не закончивъ обсужденіе вопроса объ отношеніи тѣлосложенія ко всѣмъ подробностямъ воздуха.

Описывая дѣйствіе воздуха на тѣло, мы указывали собственно на свойства и особенности воздуха наружнаго, между тѣмъ какъ для жителей городскихъ приходится считаться не менѣе, если не болѣе, съ воздухомъ жилищъ, закрытыхъ помѣщеній. Тутъ уже являющаяся на сцену новыя условія гігіены, въ высокой степени важныя для каждаго человѣка, въ особенности же въ пору юнаго возраста.

Квартира считается удовлетворительною, когда температура воздуха держится въ ней равною 13—14° R., когда относительная влажность колеблется въ предѣлахъ 50—60%, когда освѣщается солнцемъ съ ЮВ или ЮЗ и когда въ ней имѣются надлежащіе приспособленія для постояннаго притока чистаго и удаленія испорченнаго воздуха. При подобныхъ условіяхъ, квартира оказывается удобною для пребыванія въ ней людей какъ здоровыхъ, такъ и больныхъ; но, разъ нарушается одно изъ условій, перемѣна немедленно отзывается на живущихъ болѣе или менѣе вредно. Лица мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія, болѣе или менѣе закаленные, достаточно

движущіяся на воздухъ, легко переносятъ уклоненія отъ сказанныхъ нормальныхъ условий жилья, лица же тѣлосложенія эпителиальнаго и клѣтчатковаго, особенно же болѣе или менѣе избалованныя, живущія большею частью въ четырехъ стѣнахъ и ведущія сидячую жизнь, съ трудомъ переносятъ колебанія и принуждены прибѣгать къ помощи разныхъ искусственныхъ средствъ и мѣръ въ предотвращеніе вреда отъ этихъ колебаній. Обыкновенно, якоремъ спасенія въ такихъ случаяхъ служатъ одежда, бѣлье и обувь, которыя впрочемъ, будучи разсчитываемы, главнымъ образомъ, на избавленіе отъ холода и сырости, не хороши тѣмъ, что изнѣживаютъ кожу, нарушаютъ ея тепловую и вентиляціонную дѣятельность, и лишаютъ тѣло способности энергично противоѣствовать вреднымъ влияніямъ окружающаго. Такимъ образомъ, отроковъ и юношей, въ особенности же субъектовъ клѣтчатковыхъ и эпителиальныхъ, необходимо или удалять изъ квартиръ съ упомянутыми неподходящими санитарными условиями, или укрѣплять ихъ тѣло всѣми зависящими отъ насъ мѣрами гігіены и тѣлеснаго воспитанія, на какія мы, кстати, уже и указывали достаточно подробно въ началѣ статьи.

Разсмотрѣвъ отношенія къ тѣлосложенію воздуха наружнаго, воздуха одежды и жилища, скажемъ еще нѣсколько словъ и объ отношеніи къ нему климата, т. е. общаго состоянія погоды въ мѣстности.

Человѣку (resp. его организму) слѣдуетъ собственно приспособляться къ климату того мѣста, гдѣ приходится ему жить и дѣйствовать, поэтому и тѣлесное воспитаніе обыкновенно ведется по плану и по направленію, указываемыми климатомъ даннаго мѣста. Встрѣчаются, однако, условія (постояннаго или временнаго характера), допускающія возможность пользоваться климатомъ, наиболѣе соответствующимъ анатомо-фізіологическимъ и гігіеническимъ требованіямъ организациі ребенка, и предоставляющія родителямъ его или воспитателямъ средства не только къ сохраненію, но и къ улучшенію, совершенствованію его тѣлосложенія. Возможность такую представляетъ, главнымъ образомъ, лѣтнее время, когда происходитъ поголовное переселеніе не только зажиточныхъ, но и небогатыхъ семей изъ города въ сельскія мѣстности, „на лоно природы“. Бываютъ, впрочемъ, и такіе случаи, когда глава семьи, по экономическимъ, служебнымъ или инымъ соображеніямъ, выбираетъ лучшую мѣстность для постояннаго житія въ санитарномъ отношеніи и получаетъ, такимъ образомъ, возможность вести тѣлесное воспитаніе дѣтей наиболѣе успѣшно.

Если выборъ мѣстожителства лежитъ въ нашей власти, то въ гігіеническомъ отношеніи приходится, конечно, остановиться на мѣстности гористой или приморской, какъ наилучшихъ по отношенію, къ обилію свѣта, тепла, кислорода, электричества и пр.

Характеристическія качества горнаго климата слѣдующія: меньшее давленіе воздуха (разрѣженный воздухъ), большая прохлада, весьма значительная солнечная теплота (удобство для зимняго времени), низкая температура ночью и въ тѣневыхъ мѣстахъ, сухость воздуха при довольно обильныхъ осадкахъ, сильные лѣтніе и слабые зимніе вѣтры, значительная чистота воздуха относительно органическихъ и неорганическихъ примѣсей и миазмъ, усиленное влияние свѣта, высокое содержаніе озона, малая влажность почвы.

Подъ влияніемъ горнаго климата наблюдаются слѣдующія явленія въ организмѣ: повышенная дѣятельность кски (испареніе и образованіе тепла), укрѣпленіе сердца и сосудовъ, усиленіе дыханія и выдѣленія влаги и углекислаго газа легкими, улучшеніе пищеваренія, кровотоверенія и питанія, подъемъ энергіи нервной системы и мышцъ, большею частью улучшение сна.

Такимъ образомъ, видно, что горный климатъ дѣйствуетъ воз-

буждающим образом на всѣ почти функціи, укрѣпляет тѣло, хотя и можетъ быть переносимъ людьми, обладающими извѣстной реакціонной способностью, т. е. здоровыми, а не слабыми и болѣзненными субъектами. Климатъ этотъ подходитъ къ лицамъ, организмъ коихъ требуетъ для улучшенія своего нѣкотораго возбужденія, укрѣпленія, слѣдовательно, къ субъектамъ тѣлосложенія эпителиальнаго и клѣтчатковаго.

Климатъ морской представляетъ такія особенности: воздушное давленіе въ немъ выше (болѣе плотный воздухъ), большая равномерность температуры, различіе лѣта и зимы менѣе рѣзко, равно какъ дня и ночи, большая влажность воздуха, перемѣчивость вѣтровъ, интенсивность свѣта, умѣряемая подъ вліяніемъ водяной влаги, обильное содержаніе озона; чистота воздуха, содержащаго, впрочемъ, частицы поваренной соли и слѣды брома и іода.

Явленія, вызываемыя морскимъ климатомъ, таковы: большая потеря тепла, заставляющая теплѣе одѣваться, чѣмъ при одинаковой температурѣ съ горною, повышеніе вещественнаго обмѣна и вѣса тѣла, нѣкоторое пониженіе дыханія и кровообращенія, но улучшеніе сна и аппетита (хотя не сразу), а при долгомъ пребываніи на морскомъ берегу усиленное кровотоеніе, укрѣпленіе нервной системы, кровообращенія и кожной дѣятельности. Вообще, описываемый климатъ отличается, съ одной стороны, успокоивающимъ, съ другой—укрѣпляющимъ дѣйствіемъ.

Лица мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія, не нуждающіяся особенно въ укрѣпляющемъ дѣйствіи, находятъ наиболѣе подходящимъ морской климатъ и отлично развиваются подъ его вліяніемъ.

Если не удастся пользоваться для мѣстожителства гористою или морскою мѣстностью, приходится довольствоваться хорошою континентальною селскою мѣстностью, обилующею лѣсомъ и водою, удаленною отъ населенныхъ мѣстъ, отъ фабрикъ, заводовъ и т. п. При этомъ, не слѣдуетъ, однако, забывать, что, объ руку съ пользованіемъ благами сельской природы, живущій въ деревнѣ долженъ придерживаться режима не городской, а близкой къ сельской жизни, т. е. режима, при которомъ пребываніе на воздухѣ и движеніе составляютъ первыя условія здоровья. Сельская жизнь особенно важна для дѣтей клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія, для которыхъ городъ во всѣхъ отношеніяхъ неподходящъ, если не безусловно вреденъ. Условія городской жизни въ большинствѣ случаевъ трудно переносимы и людьми взрослыми и закаленными, что же касается юныхъ существъ въ порѣ незаконченнаго роста и развитія, то для нихъ нѣкоторыя изъ этихъ условій оказываются прямо враждебными, гибельными. Родителямъ и воспитателямъ остается, такимъ образомъ, принимать только всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ предотвращенію или устраненію тѣхъ или другихъ подающихъ имъ условій и заботиться о возможно болѣе мѣрѣ укрѣпленія тѣла и улучшенія жизненнаго режима ихъ питомцевъ. Подысканіе квартиры, удовлетворительной въ санитарномъ отношеніи, забота о свѣтѣ, теплѣ, чистотѣ воздуха жилыхъ помѣщеній, о болѣе подвижномъ движеніи дѣтей, соответствующей пищѣ, снѣ, радостномъ душевномъ настроеніи, о посильной работѣ и достаточномъ отдыхѣ и разумныхъ развлеченіяхъ составляютъ насущныя условія тѣлеснаго режима. При такихъ условіяхъ дѣйствительно и удается болѣе или менѣе сносно воспитывать и оберегать молодыхъ людей мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія, и даже доводить ихъ до высокой степени совершенства въ тѣлесномъ отношеніи, но что касается субъектовъ эпителиальнаго и клѣтчатковаго тѣлосложенія, то всѣ только что указанныя мѣры не обѣщаютъ большаго успѣха, если такіе субъекты не будутъ оставаться въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 3—4 лѣтъ, нѣхъ въ сельской обстановкѣ или, лучше, въ горной мѣстности.

Во времена древняго Рима всѣ занятые люди считали сельскую жизнь идеальнымъ отдыхомъ: роскошныя виллы богачей оцѣпляли столицу міра; въ средніе же вѣка, и особенно послѣ 30-лѣтней войны, интересъ къ этой жизни ослабѣлъ, равно какъ и перестали обращать вниманіе на санитарные порядки и медицину. Политическія обстоятельства, повальныя болѣзни (напр., чума) повліяли крайне неблагоприятно на численность и благосостояніе населенія, а нападенія и разбой на путяхъ сообщеній заставили гнѣздиться за неприступными валами и стѣнами. Все скучивалось въ укрѣпленныхъ городахъ, и не ранѣе какъ къ 19-му столѣтію жители стали снова селиться за городомъ, на вольной природѣ. Къ тому-же улучшились политическія отношенія привели мало-по-малу къ тому, что люди перестали страшиться жить въ открытыхъ, незащищенныхъ мѣстахъ, и снова обнаружилось прежнее тяготѣніе къ деревенской жизни. Наконецъ, благодаря улучшенію способовъ сообщеній, особенно же пароходству и желѣзнымъ дорогамъ, установился обычай путешествій, экскурсій, временныхъ посѣщеній сельскихъ мѣстностей, словомъ, обычай обязательнаго пользованія жизнью на вольной природѣ въ теченіе недѣль, мѣсяцевъ и даже годовъ въ видахъ санитарныхъ, педагогическихъ, экономическихъ и г. д. Подобная мѣна условій жизни должна была, конечно, благоприятнымъ образомъ отразиться на здоровьѣ юнаго поколѣнія, особенно когда въ послѣднія столѣтія столь жестоко повышался запросъ на умственное образованіе, и учащееся юношество начало изнывать подъ бременемъ непосильныхъ занятій и бездушнаго педагогическаго формализма.

Какъ, съ одной стороны, нездоровыя условія городской обстановки, такъ, съ другой, постепенно повышающіяся требованія ученія и нравственный гнетъ школы привели мало-по-малу къ пониженію уровня тѣлеснаго здоровья и благосостоянія юнаго поколѣнія и начали вызывать къ себѣ вниманіе не только врачей и педагоговъ, но и самого общества. Не столько сознательно, сколько инстинктивно, эмпирически стали приходить къ убѣжденію въ необходимости мѣръ тѣлеснаго здоровья учащихся, и педагоги и родители начали прислушиваться къ голосу гігіены и медицины. И вотъ, на нашихъ глазахъ создаются въ Англіи, Франціи, Германіи и даже въ Россіи школы бидельская и ей подобныя, гдѣ на ряду съ воспитаніемъ ума наблюдается забота и о воспитаніи тѣла дѣтей, и близится время, когда врачи и педагоги стануть не ограничиваться вниманіемъ къ общему лишь оздоровленію учащихся, но будутъ культивировать детально и отдѣльныя ткани ихъ тѣла, будутъ воспитывать тѣлосложеніе.

Вся городская обстановка дѣйствуетъ губительно на здоровье юнаго поколѣнія, въ особенности же на субъектовъ клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія. Ее легче переносятъ мышечные и нервные субъекты, но и то подъ условіемъ достаточнаго движенія на чистомъ воздухѣ, хорошаго питанія и прочихъ условій гігіены. Что каждый отрокъ и юноша успѣшнѣе расгутъ и развиваются на вольной природѣ, извѣстно хорошо воспитателямъ, поэтому понятно, что во всѣхъ культурныхъ странахъ крупныя интернаты устраиваемы были далеко за предѣлами большихъ городовъ, въ сельской мѣстности. Особенно относится это къ интернатамъ духовнаго вѣдомства. Не только іезуитскія школы, отличавшіяся не въ примѣръ прочимъ образцовою санитарною обстановкою, но и всѣ вообще духовныя учебныя заведенія, какъ низшія, такъ въ особенности среднія и высшія, устраивались и устраиваются, болѣе или менѣе строго придерживаясь указаній гігіены. Вотъ почему мы и наблюдаемъ, что молодые люди, бывшіе питомцы такихъ школъ, отличаются значительною крѣпостью тѣлосложенія и образцовымъ здоровьемъ. Въ духовныхъ заведеніяхъ даже клѣтчатковые субъекты

развиваются удовлетворительно, и, на ряду съ соединительной тканью, въ нихъ замѣтно совершенствуется мышечная, и даже нервная ткань. Правда, эта особенность тѣлосложенія зависитъ нерѣдко отъ наследственнаго предрасположенія, однако, не меньшую, если не большую, роль тутъ играетъ близкое къ природѣ воспитаніе.

По отношенію къ тѣлосложенію оказывается существеннымъ услсвіемъ питаніе, т. е. количество и качество потребляемой пищи, мѣна ея, сроки ѣды и пр. Въ животной, мясной пищѣ нуждаются болѣе субъекты мышечные и нервные, тогда какъ клѣтчатковые и эпителиальные наклонны къ пищѣ растительной (крахмалистой, сахаристой). Признавая рациональнымъ приучать дѣтей къ пищѣ смѣшанной, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что дѣти интеллигентнаго класса въ пору ученія особенно нуждаются въ азотистыхъ, животныхъ пищевыхъ средствахъ: умственный, мозговой трудъ идетъ успѣшнѣе при умѣренной, но самой питательной пищѣ.

Вотъ почему, доставляя дѣтямъ въ пищу опредѣленное количество растительныхъ веществъ (мучныхъ, крахмалистыхъ, сахаристыхъ) и минеральныхъ (поваренной соли), необходимо настаивать на достаточномъ потребленіи ими мяса, рыбы, яицъ, молочныхъ продуктовъ. При посредствѣ введенія въ пищу этихъ животныхъ пищевыхъ средствъ вѣрнѣе удастся культивировать, измѣнять къ лучшему тѣлосложеніе ребенка, словомъ, содѣйствовать правильному его развитію. Надо знать, что, благодаря удовлетворительной пищѣ, тѣлосложеніе въ основѣ своей не мѣняется, но оно улучшается вслѣдствіе общаго улучшенія всѣхъ тканей и органовъ, а потому и понятно, что въ виду культивированія любого тѣлосложенія цѣлесообразно заботиться, главнымъ образомъ, объ удовлетворительномъ питаніи тѣла вообще, а не той или другой ткани въ частности. Одно только, что тѣлосложеніе болѣе жизненное, болѣе совершенное, какъ, напримѣръ, нервное, можетъ удовлетворяться пищею смѣшанною, умѣренною въ составныхъ своихъ частяхъ, тогда какъ тѣлосложеніе менѣе жизненное, менѣе совершенное, напримѣръ, клѣтчатковое, ставитъ большія требованія къ животной, мясной, питательной пищѣ. Правда, обильная бѣлковыми веществами пища (т. е. по преимуществу мясная) составляетъ потребность лицъ, стлечающихся богатой мышечной системой, слѣдовательно, субъектовъ мышечнаго тѣлосложенія, однако, въ цѣляхъ успѣшнаго роста и развитія соединительной и эпителиальной тканей, слѣдовательно, и для клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія, пища эта имѣетъ высокое значеніе и должна быть потребляема въ нѣсколько большемъ противъ нормы количествѣ. Касательно употребленія дѣтьми углеводовъ, особенно крахмалистыхъ веществъ (разнаго тѣста, крупъ, киселей), необходима извѣстная осторожность. Пища эта слишкомъ обьемиста, грузна, да и не особенно питательна. Лучше давать дѣтямъ, поболѣе обычнаго, масла, сала, жира: они вдвое почти питательнѣе, чѣмъ углеводы, усваиваются хорошо и способствуютъ нарастанію силы въ тѣлѣ, укрѣпленію его. Насчетъ сахара взгляды еще не установились, хотя многія данныя говорятъ въ пользу его питательнаго достоинства и болѣе щедраго его допущенія въ пищу дѣтей.

Что касается сроковъ ѣды, то дѣтямъ цѣлесообразнѣе давать пищу въ болѣе частые сроки, но небольшими порціями, во избѣжаніе обремененія желудка и затрудненія (замедленія) процесса пищеваренія. Менѣе 5—6 разъ не подобаеь кормить дѣтей во время школьной жизни, имѣя, впрочемъ, въ виду, что болѣе существенная ѣда должна приходиться на обѣдъ, завтракъ и ужинъ, а менѣе существенная на дополнителныя закуски между ними. Ёсть походя никоимъ образомъ допускать не слѣдуетъ: необходимо держаться строгаго чередованія ѣды, не допуская ни слишкомъ большихъ (свыше 5-часовыхъ), ни слишкомъ малыхъ (менѣе 2-часовыхъ) промежутковъ между отдѣльными приѣмами пищи.

Нѣтъ нужды держаться слишкомъ однообразной пищи, съ другой же стороны, особенное разнообразіе ея не обходится обыкновенно безъ рѣзкихъ пикантныхъ, тяжелыхъ пищевыхъ средствъ, обремениющихъ пищевареніе и вредно дѣйствующихъ на желудочнокишечный каналъ, на печень и почки. Въ особенности же слѣдуетъ быть осторожнымъ относительно вкусовыхъ веществъ. Пряныя вещества допускаются въ умѣренномъ количествѣ, алкалоидныя (кофе, чай, шоколадъ) изрѣдка, спиртныя же составляютъ прямо запретный плодъ, даже въ самые торжественные дни года. Вообще, вкусовые вещества собственно не подходятъ къ столу дѣтей, да и въ годы юности не приносятъ пользы организму. Кстати, замѣтимъ, что въ высшей степени полезно спасти юное существо не только отъ куренія табаку, но и отъ всякаго отношенія къ табачному дыму въ воздухѣ: табакъ, какъ и всѣ вообще наркотическія вещества, губительно дѣйствуетъ не только на нервную систему, но и на многіе органы, особенно на сердце и почки. Онъ возбуждаетъ кровь и нервы, вліяетъ на воображеніе, отуманиваетъ умъ и часто вызываетъ половое влеченіе, располагая къ онанизму, къ половому сношенію и т. п.

Юный организмъ обыкновенно столь полонъ энергіи, жизни, что совсѣмъ не нуждается не только къ возбуждающимъ веществамъ, но и въ обильной пищѣ; чистый воздухъ и движеніе при умѣренномъ питаніи вполне отвѣчаютъ дѣтской природѣ и наилучшимъ образомъ содѣйствуютъ росту и развитію тѣла. „Съ легкой руки“ англичанъ дѣтямъ стали давать для укрѣпленія вино, коньякъ, портеръ, даже водку, между тѣмъ какъ дѣти отъ этого не только не крѣпли, но даже слабѣли, словомъ, не оправдывали того довѣрія, какое врачи-теоретики оказывали спиртнымъ веществамъ. Эти послѣднія еще кое-какъ переносятся субъектами мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія, для субъектовъ же эпителиальныхъ и клѣтчатковыхъ прямо вредны или, по меньшей мѣрѣ, индифферентны.

На ряду со спиртными и наркотическими веществами на организмъ ребенка одинаково пагубно, если еще не пагубнѣе, дѣйствуютъ половыя аномаліи. Субъекты нервнаго и мышечнаго тѣлосложенія становятся отъ этихъ аномалій раздражительными, менѣе дѣятельными, легко утомляющимися отъ любой работы, субъекты же клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія оказываются вялыми, сонными, скучными, лѣнивыми, индолентными. Всѣ органы, особенно же нервная система, слабѣютъ подъ вліяніемъ половыхъ извистствъ и ненормальностей, а если, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ авторовъ, у отроковъ-онанистовъ въ періодъ полового развитія и замѣчается иногда подъемъ физическихъ и психическихъ силъ, то онъ бываетъ кратковременный и смѣняется общимъ ослабленіемъ, угнетеніемъ на болѣе или менѣе долгое время. Отъ половыхъ аномалій особенно необходимо оберегать cadaго въ юную пору жизни, такъ какъ онѣ не только задерживаютъ ростъ и развитіе тѣла, но дѣйствуютъ пагубно и на здоровье во всю послѣдующую жизнь человѣка. Спиртныя вещества, табакъ и половыя аномаліи, несомнѣнно, играютъ первостепенную роль въ ослабленіи современнаго человѣчества, въ вырожденіи націй, и можно, пожалуй, утверждать, что на будущее время владычицей міра станетъ не та страна, которая кичится лучшимъ войскомъ и лучшимъ боевымъ оружіемъ, а та, обитатели которой отречутся отъ этихъ трехъ губельныхъ агентовъ нравственной распущенности. Безъ помощи гігіены для человѣчества въ будущемъ „нѣсть спасенія“, спиртъ же, табакъ и половыя аномаліи останутся навѣки злѣйшими, безпощадными его врагами...

Въ ряду основныхъ гігіеническихъ условій на первомъ мѣстѣ стоитъ движеніе. Дѣйствительно, удовлетворительная дѣятельность мышечной системы играетъ первостепенную роль въ обмѣнѣ веществъ, въ образованіи тепла въ тѣлѣ, въ развитіи энергіи. Движеніе на чистомъ воздухѣ, какъ мы уже и говорили выше, безу-

словно необходимо для ребенка. Всѣ дѣти нуждаются въ движеніи на воздухѣ; въ особенности же это должно сказать о субъектахъ клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія, на которыхъ жизнь въ четырехъ стѣнахъ безъ движенія дѣйствуетъ прямо губительнымъ образомъ.

Подъ вліяніемъ усиленной мышечной дѣятельности энергично работаютъ и сердце, и кровеносные сосуды, улучшаются кровообращеніе и кровотовереніе. Что же касается волосного кровообращенія, служащаго къ питанію тканей и органовъ, то, кромѣ повышенной дѣятельности произвольныхъ мышцъ и холода, на него замѣчательно вліяетъ доброе, радостное душевное настроеніе. Эмоціи гнетущаго свойства понижаютъ работу волосныхъ сосудовъ, ослабляютъ питаніе органовъ, слѣдовательно, дѣйствуютъ въ ущербъ здоровью тѣла, тогда какъ эмоціи радостнаго свойства способствуютъ расширенію волосныхъ сосудовъ и усиленной доставкѣ органамъ артеріальной крови, слѣдовательно, дѣйствуютъ на благо здоровья. Вотъ почему въ дѣлѣ воспитанія разумные родители и педагоги придаютъ такое важное значеніе жизнерадостности, довольству, хорошему душевному настроенію питомцевъ и стараются сколько-возможно устранять въ жизни ихъ эмоціи угнетающаго характера. Вотъ почему ученіе безъ балловъ, безъ наказаній, безъ экзаменовъ дѣйствуетъ такъ благотворно на душевное настроеніе дѣтей и такъ цѣлбно вліяетъ на ихъ тѣлесное здоровье и умственные успѣхи.

Субъекты нервнаго, да, пожалуй, и мышечнаго тѣлосложенія обыкновенно реагируютъ довольно счастливо на нравственные невзгоды ученической жизни, между тѣмъ какъ субъекты эпителиальные и клѣтчатковые относятся чувствительно къ гнетущимъ эмоціямъ и плохо развиваются подъ ихъ вліяніемъ. Во всякомъ же, впрочемъ, случаѣ люди взрослые должны считать священнымъ своимъ долгомъ предотвращать какой бы ни было гнетъ въ жизни дѣтей и принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ поддержанію хорошаго душевнаго настроенія въ дѣтяхъ. До настоящаго времени у большинства родителей и педагоговъ замѣчается изумительное непониманіе эмоциональной жизни дѣтей, даже равнодушіе къ ней, а между тѣмъ непониманіемъ этимъ, главнымъ образомъ, объясняется сухость, антипатичность многихъ учебныхъ заведеній, особенно интернатовъ, равно и то враждебное къ нимъ отношеніе, какое сохраняется питомцами на всю послѣдующую ихъ жизнь. Въ концѣ же концовъ гнетущій характеръ заведенія отзывается въ высшей степени пагубно и на тѣлесномъ, и на душевномъ здоровьѣ учащихся.

Въ виду тѣлеснаго развитія и здоровья ребенка нельзя не коснуться вопроса объ отношеніи эмоциональнаго состоянія къ умственному воспитанію.

Умственное воспитаніе должно отвѣчать возрасту, силамъ и способностямъ ребенка: иначе оно будетъ претить ему, обременять его, утомлять, не приводя къ желаемымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, отвлеченныя понятія, навязываемыя ребенку, воспринимаемыя имъ на-память, только отуманиваютъ его, служатъ вреднымъ балластомъ, между тѣмъ какъ конкретныя понятія останавливаютъ на себѣ его вниманіе, нравятся ему и усваиваются имъ безъ затрудненія. Упражненіе и развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ служатъ подготовленіемъ къ рациональному умственному воспитанію, пренебреженіе же къ нимъ препятствуетъ успѣшному проведенію послѣдняго. Забвеніе всѣхъ этихъ основныхъ условій педагогич. приводитъ къ тому, что ученіе становится для ребенка въ тягость, внушаетъ отвращеніе, подавляетъ нравственно, т. е. кончается болѣе или менѣе чувствительнымъ разстройствомъ нервной системы, гнетущаго характера со всѣми послѣдствіями нарушенія волоснаго кровообращенія, столь важнаго для питанія органовъ (resp. мозга и

нервовъ) и ихъ отправле іѣ. Всякій ребенокъ страдаетъ отъ ложнаго умственнаго воспитанія, и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ тѣлосложеніе его стоитъ ниже въ ряду другихъ по жизненности: клѣтчатковый субъектъ долженъ страдать, конечно, болѣе, чѣмъ эпителиальный и т. д. Плохо развивается при нераціональномъ умственномъ воспитаніи и субъектъ тѣлосложенія нервнаго, но только нераціональность эта не отзывается такъ вредно на его здоровьѣ, какъ у ребенка тѣлосложенія клѣтчатковаго.

Воспитаніе можетъ дѣйствовать на дѣтей не только качественной своей стороной, но и количественной. Слишкомъ продолжительныя занятія поурочныя и суточные, не перемежаемыя достаточными отдыхомъ, не чередуемыя по степени ихъ трудности и легкости, дѣйствуютъ неблагоприятно на самые результаты занятій. Сдѣли научные предметы, не смѣняемые искусствами, тѣлесными упражненіями и увлекательными развлеченіями, равнымъ образомъ вліяютъ дурно и обыкновенно приносятъ болѣе вреда, нежели пользы.

Вліяніе умственнаго воспитанія на здоровье учащихся не выяснено еще достаточно съ научной стороны, хотя наблюденія врачей и педагоговъ показываютъ, что характеръ школьной обстановки и система воспитанія, несомнѣнно, отражаются на тѣлосложеніи, на нравственномъ складѣ и на умственномъ развитіи молодыхъ людей особымъ образомъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, классическая система *) требуетъ отъ питомцевъ обширной памяти, необычайнаго терпѣнія, скромной сообразительности, тупого подчиненія, вообще автоматическаго отношенія къ работѣ. Самостоятельность, самодѣятельность составляютъ предметъ роскоши, если не запретный плодъ для гг. классиковъ. Реальная система подходитъ болѣе къ субъектамъ живымъ, дѣятельнымъ, хотя и она значительно долею рассчитана на подавленіе самостоятельности въ мышленіи и на слишкомъ значительное напряженіе памяти. Приспособляясь къ классическому и реальному характеру учебной системы, можно сказать, что къ классическому болѣе подходятъ субъекты клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія, а къ реальному субъекты мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія, хотя, надо признаться, ни тотъ, ни другой типъ заведеній отнюдь не могутъ похвалиться качествами, способствующими подъему здоровья учащихся и культивированію какого-либо тѣлосложенія. Этими качествами скорѣе обладаютъ учебныя заведенія военныя, воспитывающія хорошо въ санитарномъ и дисциплинарномъ отношеніи, хотя и уступающія заведеніямъ гражданскимъ по количеству, а отчасти и по качеству учебнаго матеріала. Хороши въ санитарномъ отношеніи учебно-воспитательныя заведенія привилегированныя, хотя изнѣживающія, избаловывающія режимъ этихъ заведеній надолго, если не навсегда оставляютъ слѣдъ на питомцахъ, отзываясь вредно какъ на характерѣ ихъ, такъ и на дѣятельности личной и общественной.

Вообще, чтобы поставить воспитаніе молодого поколѣнія на рациональный путь и сохранить его здоровье, необходимо, на ряду съ властью педагогическою, признать и допустить къ участию въ управленіи и власть санитарную. Гигіеническую необходимо сдѣлать отвѣтственными за здоровье и тѣлесное развитіе учащихся равнымъ образомъ и педагоговъ, и врачей, отнюдь не возлагая всю отвѣтственность на педагоговъ, не знакомыхъ съ гигиеной, съ медициной и, главное, съ наукой тѣлеснаго воспитанія. Словомъ, какъ въ цѣляхъ тѣлеснаго воспитанія вообще, такъ и въ цѣляхъ культи-

*) Подъ классической системой мы разумѣемъ не учебно-воспитательную систему классической древности, отличающуюся проведеніемъ въ жизнь строгой гармоніи развитія, а нынѣ дѣйствующую, начиная съ 60-хъ годовъ XIX-го столѣтія.

рования особенностей тѣлосложенія слѣдуетъ привлечь къ участию врачей-педагоговъ и при ихъ помощи установить всѣ подробности режима дѣтей не только тѣлеснаго, но и нравственнаго, и умственнаго.

На ряду съ воспитаніемъ умственнымъ должна быть приложена забота и къ тѣлесному воспитанію, главное же, къ воспитанію мышечной системы ребенка. Уходъ за мышцами въ школѣ ограничивается обыкновенно допущеніемъ подвижныхъ игръ на произволъ самихъ учащихся и обязательною гимнастикою въ нѣмецкомъ или милитарномъ вкусѣ. Въ цѣляхъ гігіеническихъ, т. е. въ заботѣ объ оздоровленіи тѣла или, въ частности, о развитіи сердца и легкихъ существенно необходимо упражненіе нижнихъ конечностей. Въ этомъ случаѣ первую роль играютъ такіа движенія, какъ ходьба, бѣгъ, прыганье, борьба, игра въ ножной мячъ, ѣзда на велосипедѣ, отчасти гребля, верховая ѣзда, лазанье по канату, ходьба по бревну. Усиленное дыханіе и кровообращеніе, вызываемыя такими упражненіями, притомъ на чистомъ воздухѣ, значительно повышаютъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, поднимаютъ жизненную энергію, т. е. производятъ то, что въ высшей степени важно для роста и развитія юнаго организма.

Натуры мышечныя и нервныя безусловно нуждаются въ описываемыхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ и легко переносятъ даже крайнія ихъ степени, натуры же эпителиальныя и клѣтчатковыя привыкаютъ къ нимъ постепенно. Но зато, втянувшись въ нихъ и постигнувъ ихъ прелесть, укрѣпляются благодаря имъ, развиваются болѣе гармонически и достигаютъ высокаго совершенства.

Въ тѣсной связи съ движеніемъ, съ работой мышечной и умственной находится отдыхъ. Чередование движенія и покоя, работы и отдыха, бодрствованія и сна составляетъ естественное условіе существованія, нарушеніе котораго никогда не обходится безъ вреда для здоровья, особенно въ юные годы жизни. Принимая во вниманіе возрастъ отроческій и юношескій и распредѣляя субъектовъ отъ 8 до 18 л. на четыре отдѣла (8—10 л., 11—13 л., 14—15 л. и 16—18 л.), можно допустить слѣдующее дѣленіе времени работы, отдыха, ѣды, сна и пр.

	Учебныя занятія.	Внѣклас- сныя заня- тія.	Чтеніе.	Ручной трудъ.	Ѣда.	Туалетъ.	Игры.	Рекреаціи.	Сонъ.
8—10 л.	3	1½	¾	1	1¼	1	2	3¼	10
11—13 л.	3½	1½	1	1	1¼	1	1	4¼	9½
14—15 л.	3¾	2¼	1	1	1¼	1	1	3¾	9
16—18 л.	3¾	2½	1½	1	1¼	1	1	3½	8½

Такимъ образомъ, на умственную работу приходится въ сутки отъ 5¼ до 7¾ часовъ, на ручной трудъ по 1 часу, на ѣду 1¼ ч., на туалетъ 1 ч., на рекреаціи и игры 5½ до 4½ ч. и на сонъ

10—8½ часовъ. Классные уроки продолжаются 1½ — ¾ ч., внеклассные от ½ до 1 ч., ѣда 4 раза въ день и туалетъ 3 раза.

Распределение это наиболѣе отвѣчаетъ силамъ и способностямъ учащихся, если допустить полное освобожденіе занятій въ воскресенье и освобожденіе отъ послѣобѣденныхъ занятій въ одинъ изъ дней недѣли, заполняя свободные часы прогулкой, играми, экскурсиями и т. п.

Экстраординарные занятія иностранными языками, Закономъ Божиимъ (подготовленіемъ къ конфирмаціи), музыкой, пѣніемъ и т. п. приходится отнести на часы рекреации или игръ, что, конечно, не можетъ быть признано желательнымъ. Тѣмъ болѣе, что субъектамъ нѣжнымъ, слабенькимъ, къ которымъ болѣею частью относятся клѣтчатковыя и эпителиальныя натуры, слѣдовало бы предоставлять поболѣе времени для отдыха (и даже для сна днемъ от ½ до 1 часа).

Что касается характера умственного и физическаго труда у субъектовъ различнаго тѣлосложенія, то надо принимать въ соображеніе, что мышечные и нервные субъекты могутъ вообще работать быстро и продолжительно, безъ явной усталости, между тѣмъ какъ эпителиальные и особенно клѣтчатковые субъекты работаютъ медленно и съ остановками, туго соображая и легко утомляясь. Результаты работы могутъ даже быть у всѣхъ нихъ одинаковаго достоинства, но не отличаться одинаковою скоростью рѣшенія. Въ мышечной работѣ, впрочемъ, должны, пожалуй, брать перевѣсъ субъекты клѣтчатковые и даже эпителиальные, такъ какъ свойственные ихъ натурѣ медлительность и спокойствіе часто болѣе гарантируютъ отчетливость и прочность работы, нежели поспѣшность и тревожность субъектовъ мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія. Гдѣ нужны постоянство и непрерывность машины, гдѣ требуется слѣпое и пассивное повиновеніе, тамъ клѣтчатковые, пожалуй, и эпителиальные, субъекты незамѣнимы; гдѣ же нужны скорость работы и быстрая сообразительность, гдѣ требуется самостоятельность и самодѣятельность, тамъ болѣе подходящими будутъ мышечные и нервные субъекты.

По отношенію къ тѣлосложенію особеннаго вниманія заслуживаетъ пора полового развитія. Усиленные ростъ и развитіе половыхъ органовъ въ этомъ періодѣ вліяютъ не совсѣмъ одинаково на молодыхъ людей. Субъекты мышечные и нервные переносятъ довольно легко и даже незамѣтно для другихъ и даже для себя мѣныя физиологическія и нравственные, свойственные началу полового развитія, субъекты же клѣтчатковые и эпителиальные подвергаются значительнымъ нарушеніямъ въ этомъ отношеніи. Чаше выражается это въ признакахъ чрезмѣрнаго возбужденія и затѣмъ угнетенія тѣлеснаго и духовнаго, менѣе же часто въ признакахъ исключительно угнетенія, т. е. вялости въ работѣ, нравственной подавленности, пониженіи сообразительности и т. д. Съ этимъ родителямъ и педагогамъ приходится мириться, и всячески облегчать трудъ, щадить душевное настроеніе, увеличивать число часовъ отдыха и сна молодыхъ людей: въ противномъ случаѣ угрожаетъ опасность надрыва ихъ силъ, неуспѣхности въ занятіяхъ, а то и заболѣванія различными, а въ томъ числѣ и заразными болѣзнями.

Все только-что сказанное имѣетъ особенное значеніе для двухъ, для которыхъ наступленіе полового періода рѣдко проходитъ безнаказанно и самый періодъ этотъ длится иногда довольно продолжительное время.

Въ школахъ обыкновенно не обращается никакого вниманія на учащихся во время полового развитія, а болѣзненные явленія, имъ вызываемыя, служатъ нерѣдко даже поводомъ къ насмѣшкамъ и глумленію со стороны младшихъ и старшихъ членовъ школьной семьи. Вслѣдствіе такого невѣжественнаго и несправедливаго

отношенія юноши страдают и тѣлесно, и нравственно, и, конечно, не выигрываютъ отъ этого и въ умственномъ ростѣ. Такіе педагогическіе порядки особенно тягостно отзываются на субъектахъ клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія, которые въ годы отрочества двигаются, и даже съ успѣхомъ, изъ класса въ классъ, но которые, вступивъ въ періодъ полового развитія, начинаютъ слабѣть, плошать и, не находя необходимой поддержки, покидаютъ ученіе и затѣмъ влечутъ кое-какъ свое существованіе на низшихъ мѣстахъ разныхъ учреждений, завидуя швейцарамъ и старшимъ дворникамъ хорошихъ домовъ.

Ко времени наступленія полового развитія (15—16 годамъ) нерѣдко подкрадывается—о чемъ мы уже говорили—не одинъ извращающій юную природу агентъ: въ это время особаго ослабленія и неуравновѣшенности нервной системы многіе агенты оказываются губительными, въ особенности: пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, куреніе табаку, онанизмъ, увлеченіе распутными женщинами, картежной игрой, спортомъ и т. д. Даже легкое нарушеніе физиологическихъ или гигиеническихъ условий не проходитъ большею частью безслѣдно для молодого человѣка: простуда, напимѣръ, значительное утомленіе физическое или умственное, гнетущая какая-либо эмоція, все можетъ повести къ болѣе или менѣе опасному заболѣванію и даже смертельному исходу. Голоданіе въ описываемомъ періодѣ, сверхсмѣтный подъемъ роста, паденіе вѣса тѣла, сильное кровотеченіе, словомъ, всякое ослабляющее вліяніе должно внушать въ окружающихъ страхъ и сомнѣніе, и налагаетъ на нихъ обязанность обращаться къ медицинской помощи.

Въ жалкой семейной обстановкѣ, въ плохихъ учебныхъ заведеніяхъ особенно приходится опасаться за отроковъ, вступающихъ въ половой періодъ. Мышечные и нервные субъекты при этихъ условіяхъ еще кое-какъ приспосабливаются и выходятъ изъ борьбы болѣе или менѣе цѣлыми и невредимыми. Эпителиальные же и клѣтчатковые терпятъ значительный ущербъ въ ростѣ и развитіи, а при присоединеніи какого-нибудь остраго заболѣванія, особенно же заразной болѣзни, надолго падаютъ въ силахъ, а то становятся и жертвами болѣзни и даже смерти. Любая болѣзнь въ описываемый періодъ протекаетъ болѣе или менѣе неблагоприятно, влечетъ за собою медленное выздоровленіе, а нерѣдко отзывается болѣе или менѣе тягостными послѣдствіями для здоровья и общаго благосостоянія. Сифилисъ, напимѣръ, цынга, чахотка, развивающіеся въ это время, отмѣчаются обыкновенно самымъ злостнымъ характеромъ; болѣзни эти, можно сказать, съ особеннымъ ожесточеніемъ стремятся поражать, разрушать клѣтчатковыхъ и эпителиальныхъ, губчатыхъ, пухлыхъ субъектовъ, щадя, наоборотъ, субъектовъ нервныхъ и мышечныхъ. Вообще, чѣмъ тѣлосложеніе менѣе жизненно, тѣмъ любая болѣзнь угрожаетъ болѣе длительнымъ теченіемъ и худшимъ исходомъ, и потому субъектовъ клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія необходимо, не въ примѣръ мышечнымъ и нервнымъ, подчинять укрѣпляющему режиму и закаливать сколько возможно.

Насколько клѣтчатковое и эпителиальное тѣлосложенія свойственны возрастамъ дѣтскому и отроческому, настолько же не подходятъ они къ юношескому и возмужалому возрастамъ. Тѣлосложенія, какъ мы говорили, переходятъ одно въ другое или смѣняются одно другимъ, хотя природа и воспитаніе содѣйствуютъ болѣе или менѣе гармоническому сочетанію тѣлосложеній или же установленію высшихъ ихъ типовъ: мышечнаго или нервнаго тѣлосложенія.

Все это указывается какъ наблюденіемъ падъ отдѣльными индивидуумами, такъ и историческимъ развитіемъ племенъ и народовъ. Тѣ именно народы развивались и преуспѣвали въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи, которымъ посчастливилось достигнуть наиболѣе удачнаго культивированія высшихъ типовъ тѣлосложенія въ своихъ представителяхъ, и, наоборотъ, тѣ народы падали и исчезали, у которыхъ эпителиальное и клѣтчатковое тѣлосложеніе составляли особенность большинства гражданъ. Во времена древнія, въ эпоху переселенія народовъ выживали и достигали высокой культуры предпочтительно расы нервно-мышечнаго типа. Изъ современныхъ европейскихъ народовъ первое мѣсто занимаютъ націи этого же типа. Великобританія жива и могуча, благодаря, главнымъ образомъ, чудной мышечной и нервной системѣ своихъ подданныхъ; Германія выситя и прогрессируетъ, благодаря той же причинѣ. Самыя мѣры англійскаго и германскаго обществъ и правительствъ направляются постоянно къ укрѣпленію и закаливанію тѣла гражданъ. Не Богъ-вѣсть какъ давно (въ концѣ 40-хъ годовъ), нашъ писатель Искандеръ (Герценъ), въ письмахъ своихъ изъ-за-границы, говорилъ, что для улучшенія Германіи необходимо измѣнить ея кухню. Страна эта, въ послѣднія десятилѣтія, не только отказалась отъ прежней кухни, но озаботилась и объ устроеніи игръ и тѣлесныхъ упражненій въ народѣ и въ школахъ, т. е. озаботилась объ улучшеніи не только питанія, но и мышечной системы своихъ сыновъ. И вотъ мы видимъ, что клѣтчатковая и эпителиальная ткани уже не занимаютъ прежняго виднаго мѣста въ тѣлѣ германцевъ, мышцы же ихъ и нервы поражаютъ своимъ ростомъ и развитіемъ. Этимъ же анатомо-физиологическимъ прогрессомъ, по нашему мнѣнію, объясняется и подъемъ нравственнаго могущества и мірового политическаго значенія Германіи за послѣдніе годы... Не путемъ уничтоженія или устраненія тѣхъ или другихъ излишнихъ органовъ или частей тѣла, какъ желаетъ того проф. Мечниковъ, нужно домогаться совершенствованія человѣческаго тѣла, но помощью культивированія извѣстныхъ наличныхъ тканей его или органовъ, однихъ на счетъ другихъ; не путемъ обезцѣниванія данной человѣку природой организаціи или передѣлыванія ея на свой ладъ можно рассчитывать на улучшеніе тѣла, но посредствомъ улучшенія, усовершенствованія тѣхъ или другихъ его элементовъ. Благодаря такимъ приемамъ ухода и воспитанія, благодаря поощренію наилучшихъ, наисущественныхъ элементовъ тѣла, худшіе, малоцѣнные излишніе элементы стущаются само-собою, оскудѣютъ и исчезнутъ, „какъ воскъ отъ лица огня“. Въ цѣляхъ подъема жизненности тѣла необходимо содѣйствовать всѣми средствами формированію и функционированію лучшихъ тканей, тканей наиболѣе жизненныхъ,

т. е. способныхъ къ наиболѣе надежному приспособленію къ внѣшнимъ условіямъ и къ наиболѣе вѣрному реагированію на всѣ вредныя, опасныя вліянія. Слѣдовательно, воспитаніе юнаго поколѣнія, очевидно, должно состоять въ культивированіи мышечной и нервной системы предпочтительно предъ клѣтчатковой и эпителиальной, если не въ ущербъ этимъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, во власти современныхъ врачей и педагоговъ имѣются, несомнѣнно, средства, къ воспитанію и совершенствованію не только учащихся отроковъ и юношей, но и рода человѣческаго вообще. Конечно, благодаря условіямъ климата, особенностей мѣстности, историческимъ судьбамъ, воспитаніе того или другого народа можетъ итти быстрѣе и успѣшнѣе, нежели у остальныхъ, однако, знаніе и умѣнье, а главное, энергія воспитателей могутъ взять перевѣсъ и привести къ не менѣе благоприятнымъ результатамъ. Къ сожалѣнію, при обычномъ пренебреженіи къ антропологическимъ знаніямъ европейское общество, вѣроятно, не скоро еще дойдетъ до пониманія всей важности тѣлесной гігіены и тѣлеснаго воспитанія юнаго поколѣнія, тѣмъ не менѣе представителямъ современной науки, особенно же врачамъ и педагогамъ давно было бы пора начать походъ въ пользу рациональнаго тѣлеснаго ухода и воспитанія, въ пользу спасенія отъ грозящаго вырожденія. На нашихъ глазахъ народы клѣтчатковаго и эпителиальнаго тѣлосложенія едва елачатъ свое существованіе, народы же мышечнаго и нервнаго тѣлосложенія явно двигаются впередъ, распространяются по всѣмъ странамъ свѣта и прочно засѣдаютъ на завоеванныхъ мѣстахъ. По одному тѣлосложенію можно, пожалуй, безошибочно предсказать ходъ исторіи любого народа, будущность его побѣдъ или поражений на почвѣ цивилизаціи, или, точнѣе, на почвѣ тѣлеснаго здоровья и духовнаго благосостоянія его гражданъ.

Что касается *темперамента*, то мы наблюдаемъ во всѣхъ возрастахъ четыре его типа. Дѣленіе темпераментовъ по Гипократу сохраняется и до настоящаго времени, хотя генезисъ ихъ подвергался многократно критикѣ. Личныя наши наблюденія показываютъ, главнымъ образомъ, неточность въ толкованіи одного изъ гипократовскихъ темпераментовъ, а именно, темперамента флегматическаго. Какъ понимаемъ онъ былъ Гиппократомъ и какъ истолковывается новѣйшими авторами, онъ является прямо неестественнымъ, патологическимъ и не встрѣчается собственно въ живомъ здоровомъ существѣ. Въ флегматикѣ не признаютъ совсѣмъ энергіи; идеаломъ его считаютъ полное спокойствіе; у него

нѣтъ заботъ, нѣтъ и радостей; онъ холодный эгоистъ, завистливъ и недоброжелателенъ и т. д. Всѣ эти качества характеризуютъ прямо субъекта ненормальнаго, больного, ему нѣтъ мѣста среди нормальныхъ, здоровыхъ людей. Наблюдаемый нами на извѣстныхъ лицахъ темпераментъ, подходящій къ флегматическому, характеризуется отнюдь не патологическими, а жизненными, физиологическими чертами. Темпераменту этому свойственны незаконченность, неопредѣленность, нѣжность, слабость, т. е. тѣ качества, которыя характеризуютъ натуру дѣтскую, пору начального роста и развитія индивидуума, но отнюдь не натуру старческую, позднѣйшую пору жизни человѣка. Когда ни чувствительность, ни активность не оказываются въ ребенкѣ выраженными ясно и отчетливо, когда энергія нарастаетъ быстро, но слабо, и истрачивается такимъ же образомъ, тогда мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ темпераментомъ низшаго, примитивнаго, младенческаго типа. Такого рода темпераментъ не отвѣчаетъ обычному описанію флегматическаго темперамента, зато достовѣрность его подтверждается наблюденіями, въ особенности, надъ индивидуумами дѣтскаго возраста, т. е. въ первые, по преимуществу, годы жизни.

Субъектовъ такъ называемаго флегматическаго темперамента наблюдаемъ мы чаще всего среди дѣтей, рѣже отроковъ; субъекты эти обыкновенно встрѣчаются въ обществѣхъ первобытнаго характера, на низшихъ ступеняхъ культуры. Обычное описаніе флегматическаго темперамента въ общихъ чертахъ подходитъ къ дѣйствительности, но съ нѣкоторыми ограниченіями, а именно, подъ условіемъ выключенія изъ описанія чертъ, характеризующихъ крайнее отступленіе отъ нормы, болѣзненности организаціи. Словомъ, наблюдаемый обыкновенно, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, флегматическій темпераментъ представляетъ неопредѣленный, не вполне выраженный, зачаточный типъ темперамента.

Сколько намъ случалось видѣть дѣтей, причисляемыхъ воспитателями къ флегматическому темпераменту, это были субъекты клѣтчатковаго или клѣтчатково-эпителиальнаго тѣлосложенія, отличавшіеся большею частью обильнымъ отложеніемъ жира, субъекты спокойнаго, мягкаго характера и обыкновенно индифферентные, мало возмутимые въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Это были натуры, трудно опредѣленные, недоразвитыя, незаконченныя въ тѣлесномъ и умственномъ отношеніи, дѣтскаго типа, но это не были все-таки флегматики въ смыслѣ гипократовскомъ.

Описаніе темпераментовъ встрѣчаемъ мы у многихъ авторовъ, хотя должны замѣтить, что, по отношенію къ юнымъ возрастамъ, лучшее принадлежитъ, безспорно, г. Гельвигу, въ его сочиненіи „Die vier Temperamente bei Kindern. Paderborn. 1896.

По этому описанію темпераменты обрисовываются ниже-слѣдующимъ образомъ.

Сангвиническій ребенокъ. Это—легкокровный, воздушный, нервный ребенокъ—жизнерадостный. Онъ чрезвычайно возбудимъ. У него въ непрерывномъ движеніи и глаза, и ротъ, и руки, и ноги. Онъ не можетъ ни спокойно сидѣть, ни спокойно стоять. Полчаса промолчать для него рѣшительно немислимо. Онъ не можетъ идти, но непременно долженъ прыгать, и если другія дѣти бѣгутъ, онъ несется стремглавъ. Когда онъ смѣется, то весь всѣмъ существомъ: въ смѣхъ его участвуетъ все его тѣло, и руки, и ноги; когда же плачетъ—что тоже дѣлаетъ охотно—то съ крайнимъ усердіемъ. Онъ, впрочемъ, легко перестаетъ плакать, и если ему во время плача попадется на глаза предметъ, на мысль что либо смѣшное, онъ раздражается внезапно самымъ громкимъ смѣхомъ. По щекамъ текутъ слезы, а въ глазахъ и на устахъ полная радость. Мальчишка страшно ревѣлъ во время сѣченья и вдругъ расхохотался: оказалось, что у учителя выскочилъ изъ руки и рассыпался весь пукъ розогъ.

Дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ чрезвычайно жива у сангвиническаго ребенка, особенно у дѣвочки. Онъ суется съ носомъ повсюду; все видитъ и слышитъ. Завидитъ ли онъ гдѣ что-нибудь, слышитъ ли,—онъ тамъ первый. Даже во время ученья отъ него ничто не ускользаетъ: муха на стѣнѣ, и та его беспокоитъ и развлекаетъ. Онъ обыкновенно основательно усваиваетъ только комическую и смѣшную сторону предмета, равно воспоминаетъ и воспроизводитъ ее лучше всего.

Фантазія его жива и дѣятельна. Она носится повсюду. Онъ мечется отъ одного предмета къ другому, такъ что самому внимательному наблюдателю часто не удается открыть какую бы ни было связь въ его мышленіи. Если ужъ кто издѣвается надъ законами ассоціаціи идей, то, конечно, ребенокъ-сангвиникъ. Въ разговорѣ, во время урока онъ внезапно уносится Богъ-вѣсть въ какую область и въ какіе вопросы. Случается нерѣдко, что онъ хочетъ сказать нѣчто весьма интересное, но стоитъ только открыть ему ротъ, какъ онъ уже забылъ то, о чемъ думать.

Онъ необыкновенно любопытенъ, но неспособенъ къ спокойному обсуживанію; болѣе остроуменъ, нежели серьезенъ. Онъ хочетъ все знать, даже то, чего еще ему и не нужно; но, чему ему учиться надо, это ему не нравится, особенно если приходится заниматься предметомъ долго.

Сангвиникъ считалъ бы себя счастливейшимъ смертнымъ, если бы совсѣмъ не надо было учиться; но разъ безъ ученья не обойтись, то для него пріятнѣе всего было бы ограничиться баснями, сказками, т. е. предметами, которые имѣютъ

отношеніе болѣе къ фантазіи, нежели къ мышленію, и которые преподаются болѣе шутя, нежели серьезно.

Душа его легко воспріимчива ко всему истинному, благому и прекрасному, особенно къ чувственно-прекрасному, да и то воспріимчива поверхностно и не надолго. Онъ ищетъ и находитъ веселье всегда и повсюду. Онъ играетъ роль „шута“ въ школѣ; онъ развлекаетъ товарищей до прихода учителя въ классѣ разными шутками и словами, и очень счастливъ, когда удается ему разсмѣшить всѣхъ. Все, что видалъ онъ въ циркѣ, въ звѣринцѣ, у уличныхъ фигляровъ, онъ отлично передаетъ на другой день словами и жестами въ классѣ. Его талантъ къ подражанію помогаетъ ему тутъ отлично.

Онъ радуется, когда всѣ окружающіе довольны; далекій отъ всякаго эгоизма, онъ дѣлится съ товарищами всѣмъ, что у него есть, и безъ чего онъ можетъ обойтись. Онъ сочувствуетъ бѣдному и несчастному, и радъ сразу отдать все, что у него есть, однако, не упустивъ и тутъ случая найти въ бѣднякѣ, въ его походкѣ или манерахъ что-либо смѣшное и комичное ради собственного удовольствія. Онъ можетъ восторгаться красивой картиной; можетъ найти мѣстность великолѣпной и художественной; можетъ состоять въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми домашними животными, но все это временно, не прочно. Чѣмъ онъ сегодня восторгается, то завтра топчетъ ногами, и передъ чѣмъ послѣ завтра благоговѣть снова. Онъ не знаетъ мѣры ни похвалѣ, ни порицанію. Если что, по его мнѣнію, хорошо, то значить неподобно, если же плохо, то ниже всякой критики.

Всѣ его стремленія направлены на чувственные удовольствія. Онъ долженъ быть въ постоянномъ упоеніи. Ему необходимо вѣчно радоваться, и чѣмъ шумнѣе, тѣмъ лучше. Онъ необычайно изобрѣтателенъ, знай только придумываетъ новыя средства и пути къ новымъ удовольствіямъ и ради этого забываетъ все, и долгъ, и совѣсть.

О страстяхъ у дѣтей, тѣмъ болѣе у сангвиниковъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Чтобы какая-либо склонность прочно овладѣла имъ и покорила всѣ его душевныя способности, на это просто не хватитъ у него времени: онъ слишкомъ вѣтренъ.

Словомъ, сангвиника-ребенка характеризуютъ: легкомысленность, суетливость, вѣтренность, страсть къ развлеченіямъ и удовольствіямъ, шаловливость и плутоватость, съ одной стороны, и добродушіе, общительность, участливость и веселость—съ другой.

Въ тѣлесномъ отношеніи—добавимъ—сангвиникъ отличается обыкновенно нѣжнымъ и тонкимъ сложеніемъ, легкой и гибкой походкой, цвѣтущимъ румянцемъ лица, свѣжимъ живымъ взглядомъ и въ особенности легко возбудимой нервной системой.

Холерическій ребенокъ, это—теплокровный, огненный, важный, избалованный, чувственный типъ. Юный холерикъ хочетъ всегда итти выше и выше; холерикъ-мальчикъ желаетъ быть бариномъ, холерикъ-дѣвочка-барыней. Они страшно обижены, когда ихъ считаютъ дѣтьми и обращаются съ ними по-дѣтски. Моментъ, когда скажутъ имъ „вы“, для нихъ событіе; съ чувствомъ гордости относятся они къ этому знаку уваженія; имъ кажется, что они стали цѣлой головой выше и на десять лѣтъ старше и, разумѣется, на столько же лѣтъ умнѣе. Холерикъ-мальчикъ счастливъ, когда можетъ говорить сильнымъ мужскимъ голосомъ и всячески старается басить. Холерикъ-дѣвочка, достигнувъ 11—12 л., уже брезгаетъ куклами: куклы ей не нужны, онѣ—для маленькихъ...

Особенно хорошо наблюдать ребенка-холерика во время игры. Играетъ онъ чрезвычайно охотно, но любить въ маленькомъ кругу играть первую роль: онъ предлагаетъ игру, устанавливаетъ ея правила, рѣшаетъ спорные случаи. Если ему это не удастся, онъ лучше откажется отъ игры и постарается злостными замѣчаніями и гордымъ пренебреженіемъ испортить игру и остальнымъ товарищамъ.

Онъ смѣлъ до самозабвенія; его не страшитъ никакое препятствіе: никакое дерево для него не высоко, никакой ровъ не широкъ. Холерическая дѣвушка хочетъ учиться ѣздить верхомъ и упражняться въ гимнастикѣ; ей вообще болѣе нравятся игры, которыя подходятъ ко вкусу мальчика. Холерическій мальчикъ находитъ удовольствіе во всемъ томъ, что требуетъ смѣлости, рѣшимости, быстроты и энергіи; его привлекаютъ лошади и блестящіе доспѣхи болѣе всего другого, онъ охотнѣе всего сталъ бы солдатомъ или охотникомъ. Онъ часто грубъ съ другими дѣтьми, въ особенности же съ животными, чѣмъ и отличается въ ущербъ себѣ отъ сангвиника. У холерика всегда въ рукѣ камень; онъ не пропуститъ ни птички, ни собачонки, ни кошки, чтобъ не швырнуть въ нихъ.

Гордый своей силой и ловкостью, онъ старается дать это почувствовать товарищамъ. Онъ внушаетъ имъ страхъ и уваженіе, а въ кругу маленькихъ грубымъ обращеніемъ ищетъ себѣ подчиненія, поклоненія. Кто хочетъ быть въ школѣ покойнымъ, тотъ долженъ отъ него держаться подалѣе. Онъ гордится равнымъ образомъ тѣмъ, что можетъ безъ слезъ выдержать наибольшее число ударовъ. Онъ же норовитъ подстрекать дѣтей къ упрямству и вооруженію противъ учителя, къ заговору противъ него. Онъ въ состояніи даже отравить учителю жизнь. Онъ не проронитъ слезы при наказаніи, слезы онъ считаетъ признакомъ слабости; онъ слишкомъ гордъ, чтобы до нихъ унизиться. Если онъ заплачетъ, то скорѣе, пожалуй, отъ злости, чѣмъ отъ боли. Наклонность къ гнѣву у него чрезвычайно сильна; свое-

правность его и упрямство невыносимы. Онъ сознается, не стѣсняясь, въ своихъ поступкахъ, даже въ дурныхъ, но никогда не согласится, что они дурны, и готовъ, пожалуй, считать ихъ за добродѣтель. Прощенія просить онъ не желаетъ никогда, а если и не можетъ избѣжать этого, то спокойно, самоувѣренно подходитъ къ учителю и, сознаваясь въ своей винѣ, дѣлаетъ тѣмъ самымъ какъ бы одолженіе ему. Онъ всегда хочетъ быть самостоятельнымъ, не терпитъ около себя и надъ собою никого, и только и думаетъ, какъ бы чѣмъ-нибудь отличиться. Темпераментъ холерическій производитъ великихъ мужей и женщинъ, оказывающихъ глубокое вліяніе на судьбы государства и семьи. Если же пойдетъ онъ по ложной дорогѣ, то доставляетъ обществу дикихъ революціонеровъ и смѣлыхъ преступниковъ, а въ лицѣ женщинъ — тиранокъ и фурій безъ стыда и совѣсти.

Дѣятельность чувствъ холерическаго ребенка далеко не столь широка, какъ у сангвиника. Холерикъ не видитъ и не слышитъ настолько какъ сангвиникъ, но за то, что холерикъ теряетъ въ широтѣ, въ экстензивности, то выигрываетъ въ интензивности. Все видѣнное имъ и слышанное оставляетъ въ немъ болѣе глубокое впечатлѣніе, нежели въ сангвиникѣ, вотъ почему и учитель находитъ въ первомъ всегда болѣе внимательнаго ученика, нежели въ послѣднемъ.

Фантазія холерика менѣе сумасбродна, чувства его менѣе богаты, стремленія ограниченнѣе, но всѣ они возникаютъ быстрѣе, всѣ сильнѣе и продолжительнѣе, нежели у сангвиника.

Мышленіе его рано уже отличается глубиною и остроуміемъ. Онъ учится ради образованія и не довольствуется поверхностнымъ знаніемъ. Часто онъ не удовлетворяется толкованіемъ учителя, сомнѣвается въ его справедливости, дѣлаетъ возраженія и торжествуетъ, когда ему удастся уловить ошибку или привести учителя своимъ возраженіемъ въ смущеніе. Страсти его, особенно же гордость и честолюбіе, весьма сильны, аффекты же, въ особенности гнѣвъ и мстительность, порывисты. Сила воли чрезвычайно велика; разъ онъ нападаетъ, то просто, какъ говорится, рветъ и мечетъ.

Вообще, свѣтлыя и темныя стороны холерика таковы: своенравіе, гордость, надменность, неуступчивость, склонность къ порицанію, мстительность, жестокость, смѣлость, съ другой же стороны, открытость, великодушіе, щедрость, остроуміе, сила воли.

Въ физическомъ отношеніи холерикъ отличается обыкновенно мышечнымъ тѣлосложеніемъ, рѣзкими выразительными чертами лица, огненнымъ взглядомъ, увѣренной походкой, твердой осанкой.

Меланхолическій ребенокъ. Это субъектъ тяжелокровный,

„черножелчный“, серьезный, венозный, сумрачный. Жизнь его не сладка. У него мало радости, но больше горя. Ребенкомъ онъ собственно не бываетъ. Онъ покачиваетъ сомнительно головой и пожимаетъ плечами на все, что видить и слышитъ. Онъ диаметрально противоположенъ сангвинику. Сангвиникъ жизнерадостенъ, меланхоликъ мраченъ. На взглядъ перваго все на свѣтъ шутка, а на взглядъ послѣдняго все серьезно, страшно серьезно; для перваго все представляется въ розовомъ свѣтѣ, для послѣдняго—въ глубокомъ и тягостномъ мракѣ. Во всемъ окружающемъ меланхоликъ видить посягательство на свою безопасность, честь, благосостояніе, на всю свою личность; онъ въ вѣчномъ страхѣ. Онъ не допускаетъ почти возможности, чтобы кто-нибудь могъ искренне его любить; онъ отторженъ отъ всѣхъ, никому не довѣряетъ, всѣхъ порицаетъ и бранитъ. Между товарищами и сверстниками друзей у него мало, но зато много насмѣшниковъ. Въ играхъ ихъ онъ участія не принимаетъ, общества ихъ не ищетъ. Онъ холодный эгоистъ; онъ завистливъ и недоброжелателенъ даже къ роднымъ своимъ сестрамъ и братьямъ. Подарить что-либо другому, доставить радость—для него это прямо немыслимо. Кто-нибудь возьметъ его вещь, просто, чтобы посмотреть, онъ ужъ на-сторожѣ: воображаетъ, что ее отнять. Ключъ отъ вещей у него всегда при себѣ и, чтобы хранить имущество, у него вѣчно не хватаетъ ни замковъ, ни ящиковъ.

Подозрительность и недовѣрчивость не даютъ ему никогда покоя. Если смѣются,—онъ думаетъ, надъ нимъ; хвалятъ его,—онъ думаетъ, что издѣваются; хотятъ пошутить, ему кажется, мучать его; словомъ, всякое дружеское отношеніе представляется для него ироніей. Когда онъ самъ надъ кѣмъ-нибудь смѣется, то непременно, какъ говорится, зубоскалитъ. Будучи наказываемъ, онъ большею частью остается съ виду спокойнымъ, какъ бы ни кипятился внутри. Гнѣву настоящему онъ обыкновенно не отдается, но, разъ это случится, гнѣвъ его страшенъ; онъ ругаетъ родителей и учителей или бросается, скрежеща зубами, вонъ изъ дому, куда попало, иногда намѣреваясь не вернуться никогда обратно или рассчитывая не явиться, по крайней мѣрѣ, до поздняго вечера, чтобы опечаленные его отецъ и мать искали его и мучались.

Ребенокъ меланхоликъ можетъ, ради каприза, отъ злости или неурядности, цѣлыми днями молчать, даже не ѣсть. Онъ ждетъ, чтобы съ нимъ заговорили, и радъ, когда родители или воспитатели по слабости обращаются къ нему сами.

Дѣятельность внѣшнихъ чувствъ меланхолика вяла, медленна, тѣмъ не менѣе корректна, основательна. Глазъ его видитъ немного, но то немногое, что онъ видитъ, усваивается прочно; ухо тоже слышитъ мало, но то, что слышитъ, нахо-

доть должную оцѣнку. Относительно всего имъ перципируемаго онъ, главное, интересуется тѣмъ, насколько это касается его лично, пріятно ли ему или непріятно, полезно или вредно, дружественно или враждебно.

Ощущенія его, представленія, чувства и желанія вызываются медленно, но, стоитъ имъ разъ зародиться, они остаются глубокой, прочной слѣдъ. Если что-либо его досаждаеть, то досаждаеть годами.

Мышленіе его глубоко и спокойно; онъ можетъ цѣлые дни изъ-за того или другого вопроса раздумывать и ломать себѣ голову. Занимають его болѣе предметы, требующіе серьезнаго отношенія и обдумыванія, но менѣе тѣ, которые вызываютъ легкую игру фантазіи. Обыкновенно онъ скорѣе увлечется ариѳметикой, нежели музыкой или пѣніемъ, въ годы же возмужалости-скорѣе философией или математикой, нежели поэзіей. Какъ меланхолическій темпераментъ можетъ нарушать нормальное душевное настроеніе, гораздо менѣе замѣтно на взрослыхъ, нежели на дѣтяхъ. Взрослые легко впадаютъ въ ипохондрію, безумствуютъ, задумываются, сумасбродствуютъ; охотно удаляются отъ общества, ищутъ уединенія, словомъ, походятъ на тяжелыхъ, сосредоточенныхъ въ себѣ англичанъ и всѣ почти, болѣе или менѣе, страдаютъ сплиномъ.

Вообще ребенку-меланхолику свойственны слѣдующія особенности: подозрительность, недоброжелательность, завистливость, страсть къ порицанію, нерѣшительность; далѣе, съ одной стороны, наклонность къ уединенію и подавленность, а съ другой, спокойное мышленіе, серьезность, выносливость и безропотная покорность.

Физически, ребенокъ-меланхоликъ большею частью отличается худощавымъ, слабымъ тѣлосложеніемъ, опущенной головой, блѣдностью лица, мутнымъ взглядомъ, медленной, но твердой походкой, чувствительными нервами и преобладаніемъ венозной крови.

Ребенокъ-флегматикъ. Это хладнокровный, лимфатическій субъектъ. Вывести его изъ терпѣнія—дѣло не легкое. Онъ представляется діаметрально-противоположнымъ холерику. Энергіи въ немъ нѣтъ совсѣмъ. Идеаль его—спокойствіе: болѣе ему ничего не надо. Заботъ какихъ-либо онъ не знаетъ, не требуетъ и особенныхъ радостей. Стоитъ себѣ или переваливается съ ноги на ногу, держа руки за спиной; поминутно останавливается и безмятежно смотритъ то вправо, то влѣво, внизъ или вверхъ, ничего особеннаго не замѣчая, ничему не удивляясь. Онъ никогда и никуда не торопится, доволенъ всѣмъ; хорошо ли, дурно ли платье, цѣло ли или разорвано, ему все равно: о туалетѣ онъ не заботится. Книги его разбросаны по всей комнатѣ; безъ чернильныхъ пятенъ не обходится ни единая тетрадь. А если ему намекнуть на

это, онъ улыбнется и проворчитъ: экая бѣда! Отъ самого рѣзкаго упрека или сильнаго выговора онъ не смущается и не пытается оправдываться или защищаться. Большею частью спокойствіемъ своимъ или добродушной улыбкой старается онъ парализовать недовольство старшихъ и спастись отъ расплаты. Этимъ и объясняется, почему родители и учителя крайне рѣдко раздражаются гнѣвомъ и необдуманной строгостью надъ дѣтьми-флегматиками; когда воспитатель не встрѣчаетъ упорнаго противодѣйствія, у него исчезаетъ и поводъ самому упорствовать.—Къ сотоварищамъ маленькій флегматикъ дружественъ и терпѣливъ; онъ не предъявляетъ къ нимъ никакихъ особенныхъ притязаній и требованій, не тяготитъ ихъ и рѣдко даетъ имъ поводъ на него жаловаться. Онъ уступаетъ имъ спокойно первое мѣсто въ школѣ и находитъ совершенно въ порядкѣ, что всѣ садятся ему на шею. Честолюбія у него нѣтъ и тѣни. Онъ не заискиваетъ у товарищей, но и не чуждается ихъ; наоборотъ, и товарищи не особенно къ нему теплы, хотя и не чуждаются его. Отъ всего грубаго, рѣзкаго онъ обыкновенно сторонится. Отъ коллегіальныхъ бесѣдъ и игръ онъ не бѣжитъ, хотя, съ другой стороны, и не противъ того, чтобы удалиться въ тѣннстое мѣстечко и оставаться спокойнымъ наблюдателемъ. Особенно не любитъ онъ игръ и упражненій, требующихъ значительнаго напряженія. Его требованія скромны. Тепленькая печь, хорошая ѣда, долгій сонъ, полегче работа,—вотъ то, что ему любо, къ чему его влечетъ.

Дѣятельность его чувствъ весьма ограничена. Онъ смотритъ обоими глазами и ничего не видитъ; онъ слушаетъ, но ничего не слышитъ. Ничего его не интересуетъ, ему все безразлично. Чувства его слабо возбуждены и къ радостному, и грустному настроенію. Когда другія дѣти веселятся, флегматикъ много-много что посмѣивается; когда другія тронуты состраданіемъ и печалью, флегматикъ можетъ не мѣнять ни положенія, ни фізіономіи. Вотъ почему сужденія его, если не сопровождаются сумасбродными чувствами, холодны и трезвы. Это спасаетъ его отъ крайностей, зато, съ другой стороны, онъ не способенъ бываетъ придать своей силѣ воли необходимый подъемъ и энергію. Ребенокъ, который не въ состояніи ничѣмъ заинтересоваться, не сможетъ, конечно, и взяться за какое-либо дѣло съ жаромъ и увлеченіемъ. Влѣдствіе недостатка теплоты и любви ко всему, внѣ и внутри его происходящему, неизбѣжно является извѣстная лѣнь, боящаяся и тѣл. сна, и умственной дѣятельности; у флегматика отсутствуютъ идеалы, какимъ онъ долженъ бы былъ служить. Этимъ же объясняется и недостатокъ въ немъ симпатическихъ чувствъ: онъ не выказываетъ ни къ кому благорасположенія, не ищетъ ни съ кѣмъ дружбы,

даже съ человѣкомъ, который оказывался бы даже ея достойнымъ.

Итакъ, флегматика характеризуютъ: влеченіе къ удобству, извѣстная тѣлесная и умственная неповоротливость и лѣнь, недостатокъ симпатіи и дружбы, и склонность къ благодушествованію, съ одной стороны, съ другой же, спокойствіе, терпѣливость, миролюбивое отношеніе къ окружающимъ и хладнокровіе въ поступкахъ.

Физически, флегматикъ отличается пухлымъ, малосильнымъ, склоннымъ къ ожирѣнію тѣломъ, обиліемъ слизи и лимфы, ничего не выражающимъ взглядомъ и лѣнливой, небрежной походкой.

Если сопоставить субъектовъ четырехъ только-что описанныхъ темпераментовъ, то особенности ихъ выразятся еще рѣзче, чѣмъ при наблюденіи надъ любымъ изъ нихъ спеціально.

Холерикъ бросается, сжимаетъ грозно кулаки и жаждетъ отомстить; сангвиникъ бросается тоже, онъ тоже въ первую минуту сжимаетъ кулаки и здорово ругается, но гнѣвъ его скоро проходитъ: удралъ и душевно радъ, что хорошо обошлось. Меланхоликъ выжидаетъ и подползаетъ изъ-за угла; озирается осторожно, хотя бы нечего было и бояться, и подкрадывается спокойно и осмотрительно. Наконецъ, флегматикъ тоже подымается съ мѣста, хотя и довольно неохотно; онъ при случаѣ готовъ принять участіе въ мести, ругнуть какъ слѣдуетъ, однако, мало-по-малу успокаивается и отступаетъ на попятный дворъ.

Каковы отношенія означенныхъ темпераментовъ къ дѣйствительности?

Ребенокъ-сангвиникъ влагаетъ въ дѣйствительность болѣе того, что въ ней есть, флегматикъ же, наоборотъ, менѣе. Холерикъ схватываетъ ее, но норовитъ вложить въ нее то, чего въ ней нѣтъ. Меланхоликъ не можетъ ни уловить болѣе или менѣе надежно дѣйствительность, ни съ увѣренностью вложить въ нее то, чего въ ней нѣтъ. Короче сказать: сангвиникъ слишкомъ идеаленъ, флегматикъ слишкомъ реаленъ; холерикъ реаленъ и идеаленъ, и, наконецъ, меланхоликъ ни реаленъ, ни идеаленъ.

Каково отношеніе темпераментовъ къ условіямъ времени? Старые люди живутъ въ прошедшемъ, юные въ будущемъ, дѣти же только въ настоящемъ. Конечно, все это, разумѣется, въ условіяхъ относительности. Такъ, хотя каждый ребенокъ живетъ большею частью въ настоящемъ, тѣмъ не менѣе сангвиникъ, напримѣръ, смотритъ охотно и въ будущее, и подозреваетъ за таинственной его завѣсой счастливую жизнь.

холерикъ держится болѣе почвы дѣйствительности, однако, идетъ съ радостной надеждой и навстрѣчу будущему. Флегматикъ думаетъ только о данной минутѣ, а о будущемъ и знать не знаетъ. Наконецъ, меланхоликъ, хотя и думаетъ о будущемъ, но не знаетъ, что оно ему готовить—радость или горе, а потому и не заботится о немъ, ни страшится, ни жаждетъ его.

О прошедшемъ обыкновенно всѣ дѣти не особенно заботятся, къ какому бы темпераменту они ни относились.

Отношеніе дѣтей къ радости таково:

Сангвиникъ ищетъ радостей, холерикъ желаетъ ихъ, но не удовлетворяется ими; меланхоликъ ихъ не признаетъ, а флегматикъ въ нихъ не нуждается, такъ какъ счастливъ тѣмъ, что не страдаетъ.

Гораздо рѣже выражается отношеніе дѣтей къ боли, или, точнѣе, къ воспоминанію о всемъ болевомъ. Вообще надо сказать, что все болевое—разъ оно прошло—человѣкъ вспоминаетъ рѣже, нежели что-либо радостное. Это вѣрно относительно всѣхъ, особенно же относительно сангвиниковъ и флегматиковъ. Нѣчто иное представляетъ меланхоликъ. Всѣ перенесенныя имъ невзгоды лежатъ на немъ вѣчнымъ гнетомъ, и если даже не оставляютъ послѣдствій, то во всякомъ случаѣ надолго остаются для него пугаломъ. Если учитель его обидитъ, то пройдетъ не мало времени, пока заслужитъ снова любовь его и довѣріе. Холерикъ тоже не забываетъ все болевое, но считаетъ себя счастливымъ, что перенесъ его мужественно. Въ случаяхъ наказаній со стороны учителя, сангвиникъ обыкновенно плачетъ страшнѣйшимъ образомъ, зато первый изъ всѣхъ снова смѣется, и первый все забываетъ. Флегматикъ не выказываетъ особенной чувствительности къ наказанію, а потому не въ состояніи долго его и помнить. Меланхолика оно заставляетъ задуматься и страшитъ его. Учитель только съ трудомъ и отчасти можетъ вернуть любовь его къ себѣ и довѣріе. Холерикъ тоже не забываетъ наказанія, но онъ гордится тѣмъ, что перенесъ его съ вызывающей и презрительной миной, и что оно не оказываетъ на него вліянія.

Посмотримъ на отношеніе четырехъ темпераментовъ къ музыкѣ и пѣнію. Сангвиникъ любитъ пѣніе съ самаго рожденія. Работая, онъ всегда поетъ или, по крайней мѣрѣ, свиститъ. Холерикъ поетъ и свиститъ тоже охотно, но не въ такой мѣрѣ, какъ сангвиникъ. Меланхоликъ страшится своего голоса, опасаясь быть осмѣяннымъ и потому рѣшаетъ лучше совсѣмъ не пѣть. Флегматикъ подпѣваетъ, когда нужно.

Что относится къ пѣнію, то можно сказать и объ аккомпаниментѣ пѣнія—о музыкѣ. Меланхоликъ и флегматикъ доходятъ въ ней, по большей мѣрѣ, до посредственности; холерикъ оказывается въ этомъ направленіи болѣе одареннымъ,

хотя любовью, расположеніемъ и дарованіемъ къ музыкѣ уступаетъ сангвинику.

Кстати. Сангвиники почти всѣ обладаютъ мелодичнымъ, мягкимъ голосомъ. Теноры обыкновенно набираются изъ сангвиниковъ, тогда какъ басы и баритоны находятъ своихъ представителей въ холерикахъ. Флегматикъ, хотя бы и способенъ былъ къ пѣнію, не дастъ себѣ труда имъ заниматься. У настоящаго меланхолика слуха нѣтъ; онъ поетъ фальшиво.

Чрезвычайно неодинаково дѣти различныхъ темпераментовъ относятся къ учителямъ, духовнымъ отцамъ и т. д., особенно когда рѣдко съ ними встрѣчаются и видятъ въ нихъ начальство. Мы разумѣемъ тутъ встрѣчи, какъ говорится, *tête à tête*. Это вообще смущаетъ ребенка, хотя бояться ему и нечего. Каждый ребенокъ въ такомъ случаѣ неловокъ и растерянъ. Сангвиникъ сначала краснѣетъ, какъ ракъ. Онъ хватается себя за рукавъ или треплетъ то въ той то въ другой рукѣ шапку, думая, какъ бы облегчить свое смущеніе. Впрочемъ, все это продолжается недолго: понемногу онъ становится довѣрчивѣе, а часто даже и смѣлѣе. Холерикъ поступаетъ съ большею самоувѣренностью; онъ, по крайней мѣрѣ, желаетъ побѣдить смущеніе и досадуетъ, если ему это не удастся. Меланхоликъ всегда сдержанъ, молчаливъ, застѣнчивъ. Флегматикъ изъ всѣхъ теряется наименѣе, часто оказывается просто сорви-голова и скорѣе бываетъ потѣшнымъ, нежели порочнымъ.

Что касается игръ, то сангвиникъ принимаетъ въ нихъ всегда роль веселаго шута, холерикъ командуетъ и устанавливаетъ правила игры, меланхоликъ скучаетъ и сердится большею частью за пренебреженіе къ нему товарищей; флегматикъ же то принимаетъ, то не принимаетъ, по желанію другихъ, участіе въ игрѣ; можетъ, правда, ее игнорировать, но по временамъ относиться дружелюбно и даже долго ее выдерживать.

Сангвиникъ ищетъ общества ради развлечения и бесѣды. Никакая шутка для него не достаточно шуточна, никакое веселье не достаточно увлекательно. Холерикъ самъ по себѣ менѣе чувствуетъ потребности въ обществѣ, такъ какъ онъ болѣе самостоятеленъ, но онъ, впрочемъ, отнюдь не отказывается отъ него, потому что пользуется имъ какъ средствомъ выказать свои дѣйствительныя или мнимыя преимущества. Флегматикъ тянется охотно за другими и при случаѣ можетъ даже нравиться, не теряя душевнаго своего спокойствія. Меланхоликъ чувствуетъ необходимость примыкать къ другимъ, хотя и опасается, не повредить бы тѣмъ себѣ. Разъ онъ безъ общества, онъ его ищетъ; если же находится въ обществѣ, то гнушается имъ.

Сопоставляя всѣ темпераменты по сравнительному ихъ

значенію, слѣдуетъ сказать, что всѣ они, отдѣльно взятые, одинаково и хороши, и дурны. Хороши они, когда изъ нихъ сумѣютъ сдѣлать нѣчто хорошее; дурны, когда дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто дурное.

При описаніи темпераментовъ обыкновенно имѣютъ въ виду чистые, безпримѣсные темпераменты. Но такихъ большею частью не встрѣчается у дѣтей, а тѣмъ болѣе у людей взрослыхъ. По утверженію г. Гельвига, въ Германіи на 100 дѣтей можно считать до 20 чистыхъ сангвиниковъ, 10 холериковъ, 5 меланхоликовъ и до 5 флегматиковъ. Изъ остальныхъ 60 человѣкъ иные имѣютъ черты двухъ, иные трехъ, а иные, пожалуй, всѣхъ четырехъ темпераментовъ, сохраняя, впрочемъ, всегда преобладаніе особенностей одного какого-либо темперамента. Если имѣть въ виду только мальчиковъ, то, по Гельвигу, вѣрнѣе было бы принять, что въ числѣ ихъ около 12 % относятся къ холерическому, а 18 % къ сангвиническому темпераменту. У дѣвочекъ оказывается иное отношеніе: изъ нихъ до 28% можно считать сангвиническаго темперамента, до 7 % меланхолическаго, до 3 % холерическаго и 2 % флегматическаго, причемъ никогда не слѣдуетъ забывать, что каждый темпераментъ у дѣвочки въ силу ея природы тотчасъ получаетъ иную окраску, иной колоритъ. Холерическая дѣвочка, напримѣръ, по характеру своему ближе стоитъ къ мальчику-сангвинику, нежели къ холерику.

Въ первые годы (до 4—6 л.) разница въ душевномъ складѣ мальчиковъ и дѣвочекъ едва замѣтна; она обнаруживается только въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія. Съ 6 лѣтъ мальчикъ держится уже иного направленія, чѣмъ дѣвочка. Идеалы ихъ мѣняются: мальчикъ подражаетъ отцу, дѣвочка матери. Мальчикъ жаждетъ свободы, движенія; для него никакая игра не имѣетъ интереса, если въ ней нѣтъ шума и гама. Дѣвочка—дѣло иное. Правда, и она охотно прыгаетъ и бѣгаетъ, но рѣже и умѣреннѣе; послѣ 5-минутнаго движенія ей уже нуженъ отдыхъ. Ея игры болѣе спокойнаго характера. Она одѣваетъ куклу, представляетъ хозяйку дома, играетъ съ своими подружками „въ гости“, копируя взрослыхъ женщинъ.

Кромѣ пола, на темпераментъ оказываютъ вліяніе раса, мѣсторожденіе, климатъ, образъ жизни и т. д. Кого, напримѣръ, на Рейнѣ считают меланхоликомъ, въ Голландіи приняли бы, пожалуй, за сангвиника.

Сверхъ того, темпераменты мѣняются съ возрастомъ, съ условіями воспитанія, окружающаго общества. Сѣверянинъ счастливъ, если только не страдаетъ; разъ существенныя потребности его жизни выполнены, онъ спокоенъ и доволенъ. На югѣ, наоборотъ, одно только отсутствіе невзгодъ не удо-

влетворяетъ: южанину необходимо положительное удовольствіе. Ослѣпленный благами жизни, онъ не знаетъ идеаловъ будущаго. Онъ—сангвиникъ безъ сильной воли и безъ особенной энергіи. Онъ—частливъ вліяніями окружающей среды. Сѣверянинъ далеко не столь экспансивенъ, онъ ищетъ счастье ближе, онъ находитъ его въ себѣ. Онъ—флегматикъ въ отношеніи къ чувственнымъ благамъ,—холерикъ въ отношеніи къ энергіи и самопожертвованію.

Цѣлесообразное смѣшеніе темпераментовъ для жизни необходимо. Чистый сангвиникъ, чистый холерикъ невыносимы и точно такъ-же не годны для жизни, какъ и чистый меланхоликъ или флегматикъ. Чтобы на все смотрѣть въ розовомъ свѣтѣ, какъ дѣлаетъ сангвиникъ, для этого міръ не достаточно радостенъ, зато и, съ другой стороны, относиться ко всему серьезно, какъ наблюдаемъ мы у меланхолика, для этого міръ не достаточно печаленъ.

Все перевернуть силою, чего бы желалъ холерикъ, на свѣтѣ недопустимо, равнымъ образомъ всего достигнуть, ничего не дѣлая, чего хочетъ флегматикъ, на это жизнь слишкомъ тяжела и неповоротлива. Человѣкъ хорошъ, когда онъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ одушевиться, какъ сангвиникъ,—можетъ добиваться своихъ цѣлей, какъ холерикъ,—въ состояніи судить обо всемъ съ полной серьезностью меланхолика и когда способенъ идти навстрѣчу всякимъ случайностямъ съ хладнокровіемъ и спокойствіемъ флегматика. Чѣмъ болѣе совмѣщены въ одномъ и томъ же человѣкѣ всѣ четыре темперамента, тѣмъ пригоднѣе онъ для жизни; односторонность темперамента всегда опасна для добродѣтели.

Юность есть именно тотъ возрастъ, когда оказывается возможнымъ смѣшеніе темпераментовъ. Родители, учителя и воспитатели должны считать одною изъ важнѣйшихъ задачъ правильное смѣшеніе темпераментовъ у своихъ питомцевъ. Каждый темпераментъ имѣетъ свои свѣтлыя и темныя стороны. Темныя должны быть устраняемы, свѣтлыя же умѣряемы, дополняемы и улучшаемы лучшими чертами другихъ темпераментовъ. Самыя яркія краски не всегда самыя пріятныя. Человѣкъ веселый намъ пріятенъ, однако, если онъ всегда и повсюду является съ остротами и шутками, онъ становится противнымъ. Серьезный человѣкъ для насъ явленіе отрадное, однако, если онъ всегда сухъ, натянутъ и не понимаетъ шутокъ, онъ становится тяжелымъ. Вотъ почему, когда дѣло идетъ о воспитаніи темперамента, всегда нужно дѣйствовать на природу ребенка—отрезвляющимъ образомъ на сангвиника, охлаждающимъ на холерика, согрѣвающимъ на меланхолика и одушевляющимъ на флегматика. Часто темпераментъ формулируется и мѣняется подъ вліяніемъ наслѣдственности, извѣстныхъ болѣзней, небла-

гопріятныхъ тѣлесныхъ и нравственныхъ условій среды. Въ такихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ мѣрамъ медицинскимъ, педагогическимъ, къ мѣрѣ тѣлесной и нравственной обстановки ребенка.

Главное средство къ удачному сочетанію темпераментовъ въ одномъ субъектѣ представляетъ знакомство съ другими дѣтьми, совмѣстная жизнь дѣтей. Къ сожалѣнію, многія дѣти средняго и высшаго класса, получающія домашнее воспитаніе, лишены этого блага, тѣмъ болѣе, что эти именно дѣти, по условіямъ своего положенія, призваны занимать въ предстоящей имъ общественной жизни высшія мѣста и руководить большими или меньшими группами людского общества. Если такія дѣти и сходятся, то рѣдко, и обыкновенно подъ надзоромъ гувернеровъ или гувернантокъ, которые ихъ связываютъ, а если и даютъ имъ свободу, то съ цѣлью блеснуть ихъ умомъ и талантами передъ сотоварищами. Ребенокъ крестьянскій или простого бюргера въ этомъ случаѣ, конечно, въ выигрышѣ. Онъ весело рѣзвится въ кругу сверстниковъ. Онъ чувствуетъ себя не связаннымъ и не поднадзорнымъ на глазахъ воспитателя, и не думаетъ сдерживать порывы своего темперамента; онъ остается такимъ, каковъ есть. Онъ самъ собою скоро почувствуетъ, что не можетъ дозволить всего того, чего бы захотѣлъ. Онъ видитъ, что у него есть особенности, которыя не нравятся, а то и просто смѣшны его товарищамъ. Онъ старается все болѣе и болѣе приноровиться къ общему настроенію, болѣе и болѣе отрѣшиться отъ чертъ собственнаго темперамента и заимствовать чужія. Въ этомъ-то и состоитъ смѣшеніе темпераментовъ. Наблюденія даже показываютъ, что учащіеся иной крупной школы инстинктивно стремятся, при выборѣ товарищей, сходиться съ такими темпераментами, которые ихъ собственному оказываются діаметрально-противоположными. Выигрываютъ, выравниваются тутъ всѣ. Созидается своего рода школа безъ учителя, но школа, результаты которой для жизни прямо неоцѣненны.

Учитель всегда, впрочемъ, находитъ возможность принять участіе въ этомъ процессѣ смѣшенія. Каждый знаетъ по собственному опыту, какое живое бываетъ общеніе между двумя учениками, которые сидятъ въ классѣ рядомъ, общеніе, подчасъ весьма тягостное для учителя и нежелательное для ученія. Оно не остается безъ вліянія на взаимодѣйствіе темпераментовъ обоихъ учениковъ, тѣмъ болѣе благотворное, чѣмъ болѣе противоположны темпераменты. Два сангвиника вмѣстѣ портятся и развращаются, два холерика никогда не находятъ мира и покоя. Не нанося дѣтямъ вреда, учитель всегда сумѣетъ повести дѣло такъ, что распределить учениковъ не только по познаніямъ, но и принимая въ соображеніе и только что намѣченные взгляды. Если

плоды и не обнаружатся скоро, то во всякомъ случаѣ не пропадутъ.

Съ этой точки зрѣнія можно скорѣе всего ознакомиться и съ значеніемъ тѣхъ воспитательныхъ заведеній, въ которыхъ живутъ и обучаются сообща многочисленные воспитанники. Что касается научной цѣны интернатовъ, то въ этомъ отношеніи родительскій домъ, если не опасается денежныхъ тратъ, можетъ, пожалуй, превзойти ихъ. Если подыскать хорошихъ учителей, то ребенокъ въ родительскомъ домѣ можетъ въ полгода пройти то, что въ интернатѣ пройдетъ въ годъ. Только съ однимъ онъ не ознакомится въ семьѣ, это—искусству обращаться съ людьми. Въ обществѣ сглаживаются шероховатости и уродливости индивидуальных темпераментовъ, въ обществѣ организуется смѣшанный темпераментъ. Ребенокъ въ интернатѣ приспособляется ко всѣмъ порядкамъ, ко всѣмъ нравамъ и обычаямъ заведенія. Каждый долженъ умѣть вести себя съ другими, каждый долженъ умѣть поступаться своими капризами и особенностями своего темперамента.

Что сказано было относительно интернатовъ, то же можно, пожалуй, отнести и къ семьѣ со многими дѣтьми. Правда, въ одной и той же семьѣ дѣти часто бываютъ одинаковаго темперамента, зато, съ другой стороны, они различаются по полу и по лѣтамъ, а это, въ свою очередь, оказывается полезнымъ по отношенію къ развитію темпераментовъ и ихъ смѣшенію.

Дальнѣйшимъ средствомъ къ сочетанію темпераментовъ долженъ быть признанъ родъ игръ дѣтей, въ особенности же подборъ и примѣненіе извѣстныхъ, отдѣльнымъ темпераментамъ неподходящихъ, предметовъ обученія. Одному ребенку нравятся предпочтительно серьезныя, другому болѣе веселыя игры. Вообще, выборъ игръ и игрушекъ существенно, если не исключительно опредѣляется темпераментомъ ребенка. Игры умственные, подходятъ къ сангвинику и холерику, тѣлесныя къ меланхолику и флегматику; болѣе серьезныя—для первыхъ, менѣе серьезныя—для послѣднихъ.

Что касается отношенія темпераментовъ къ тѣмъ или другимъ предметамъ, то его легче осуществить и провести въ жизнь въ самой семьѣ, нежели въ школѣ. Всякая книга, въ сущности, представляетъ не что иное, какъ духовную бесѣду съ авторомъ, съ добрымъ другомъ, котораго ищутъ и отъ котораго—сознательно ли или безсознательно—умственно обогащаются. Такимъ образомъ, книга оказываетъ на образованіе и смѣшеніе темпераментовъ почти такое же вліяніе, какъ личное сношеніе съ людьми. „Скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты таковъ“,—можно къ этому прибавить: „скажи, какія ты читаешь книги: я скажу, кто

ты таковъ“. Книга, какаѣ бы ни была, оставляетъ слѣдъ — безъ нашего сознанія, безъ нашего желанія. Если же книга вліяетъ на человѣка взрослого, то несравненно болѣе и сильнѣе вліяетъ она на ребенка. Ребенокъ моложе 8 лѣтъ даже не пытается, а моложе 9 лѣтъ не осмѣливается усомниться въ читаемомъ. Въ книгѣ ребенокъ находитъ свои идеалы, собственныя сужденія. Каждой книгѣ, каждому учебному предмету какъ бы свойственъ свой темпераментъ. Образное описаніе, живая поэзія, одушевляющая музыка напоминаютъ сангвиника; арифметика, грамматика, географія ближе къ меланхолику. Кто читаетъ романы, увлекается поэзіей, охотно предается музыкѣ, тотъ привыкаетъ къ легкому, поверхностному образу мышленія, какъ это свойственно сангвинику; кто же интересуется сухими числами, географическими названіями, черствыми грамматическими правилами, тотъ скоро привыкаетъ къ серьезности и строгому мышленію, какъ это обыкновенно наблюдается на меланхоликѣ.

Несмотря на только что изложенную, болѣе или менѣе общепринятую характеристику темпераментовъ, несмотря на ея наглядность и содержательность, встрѣчались и встрѣчаются, однако, до настоящаго времени попытки къ установленію болѣе строгой научной обоснованности темпераментовъ. Фулье ограничивается слѣдующимъ толкованіемъ ихъ сущности: сангвиническій темпераментъ, называемый имъ *sensitif vif et léger* (чувствительный живой и легкій), характеризуется преобладающей интеграціей вслѣдствіе избытка питанія и быстрой, но недостаточно интензивной и кратковременной реакціей. Меланхолическій (нервный) темпераментъ, называемый авторомъ *sensitif profond et passionné* (чувствительный глубокий и страстный), отличается преобладающей интеграціей вслѣдствіе потребности въ питаніи и болѣе медленной, но интензивной и длительной реакціей. Холерическій или желчный темпераментъ, называемый авторомъ *actif ardent* (дѣятельный пылкій), характеризуется быстрой и интензивной дезинтеграціей, и, наконецъ, флегматическій темпераментъ, называемый *actif froid* (дѣятельный холодный), отличается медленной и менѣе интензивной дезинтеграціей.

Патологическія эмоціональныя явленія видоизмѣняются по Фулье, сообразно темпераментамъ и отлично характеризуютъ ихъ основную черту. Сангвиникъ испытываетъ слишкомъ сильное волненіе; у него работаетъ мозгъ, равно какъ и органы кровообращенія и дыханія; у меланхолика преобладаетъ дѣятельность нервной системы и головного мозга, у холерика работа печени, а у флегматика обнаруживается рѣже ослабленіе (*désordre*) реакціи, но обыкновенно угнетеніе.

Оцѣнка темпераментовъ, встрѣчаемая нами въ сочиненіи

Викторова „Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Москва. 1887“, какъ бы дополняютъ и разъясняютъ толкованіе Фулье. Различіе темпераментовъ, по его словамъ, зиждется, вѣроятно, на индивидуальности мозгового кровообращенія. „Оно, видимо, даже зависитъ отъ продолжительности (ритма) и силы (напряженія) диспноэтической и апноэтической *) реакціи коры и подкоркового сосудодвигательнаго центра. Такъ, темпераментамъ меланхолическому и сангвиническому, изъ которыхъ первому свойственны медленныя и глубокия душевныя движенія, второму—быстрыя, но поверхностныя, должны соотвѣтствовать волны различной длины и напряженія: длинная и глубокая сосудистая волна соотвѣтствуетъ меланхолическому; короткая и поверхностная—сангвиническому. При этомъ меланхолическій темпераментъ отличается преобладаніемъ диспноэтического тона при всевозможныхъ реакціяхъ, хотя-бы и пріятныхъ; сангвиническій — преобладаніемъ апноэтического тона также при всевозможныхъ реакціяхъ, хотя-бы и печальныхъ, по своей субъективной окраскѣ. Два остальныхъ темперамента, холерическій и флегматическій, суть только модификаціи первыхъ двухъ: укороченіе волнъ меланхолическаго темперамента, при той же сравнительно глубинѣ, даетъ быструю смѣну глубокихъ душевныхъ движеній, что свойственно холерическому темпераменту; удлиненіе волнъ сангвиническаго темперамента, при той же ихъ поверхностности, даетъ медленное теченіе поверхностныхъ душевныхъ движеній, что свойственно темпераменту флегматическому. Наконецъ, остается еще та общая между двумя послѣдними темпераментами черта, что чувственный тонъ или чувственная цвѣтность ихъ реакціи гораздо блѣднѣе сравнительно съ двумя первыми. А такъ какъ всякое впечатлѣніе переходитъ или въ мысль, или въ движеніе, то при меланхолическомъ и сангвиническомъ темпераментѣ будетъ преобладать чувственная рефлексія или размышленіе надъ чувственными образами; при темпераментѣ же холерическомъ — двигательная рефлексія, размышленіе надъ двигательными образами“.

По Фулье, темпераментамъ флегматическому и холерическому свойственна дезинтеграція, сангвиническому же и меланхолическому—интеграція. Дезинтеграція, какъ извѣстно,

*) Диспноэтическое состояніе соотвѣтствуетъ малокровію мозговой коры, печальному настроенію, ощущенію замедленнаго хода ассоціацій, апноэтическое же полнокровію мозговой коры—веселому настроенію, ощущенію ускореннаго хода ассоціацій (Мейнертъ). Апноэтическое состояніе выражается пріятнымъ, диспноэтическое же непріятнымъ чувствомъ; апноэтическое ведетъ къ агрессивнымъ, диспноэтическое къ оборонительнымъ движеніямъ (Викторовъ).

соотвѣтствуетъ тратѣ, расходованію вещества или силы, интеграція же—накопленію ихъ, возстановленію.

Бѣнъ характеризуетъ, въ свою очередь, темпераменты, подобно Фулье, слѣдующими типичными признаками: сангвиническій темпераментъ отличается, по Бѣну, стремительностью, но скорымъ истощеніемъ энергіи, холерическій—легкой возбудимостью и непрерывностью энергіи, и меланхолическій—умѣренностью и непрерывностью энергіи. Флегматическій темпераментъ Бѣнъ не опредѣляетъ: темпераменту этому можно было бы, повидимому, приписать равномѣрность и скорую истощаемость.

Приведя мнѣнія Фулье, Викторова и Бѣна, мы считаемъ цѣлесообразнымъ ознакомить читателя со взглядомъ покойнаго профессора Н. Я. Грота на нѣкоторыя подробности условій образованія чувствованій, каковыя, если не прямо, то косвенно могутъ поспособствовать уясненію различныхъ типовъ темпераментовъ.

По Гроту, строящему свою теорію образованія чувствованій собственно на основаніи воззрѣній Вундта и Горвица на молекулярную работу тканей, оказывается, что чувствованіе положительнаго удовольствія сопровождается всякое соотвѣстствіе траты вещества (и энергіи) предшествующему его накопленію (такова — дезинтеграція), чувствованіе отрицательнаго удовольствія сопровождается всякое соотвѣстствіе накопленія вещества предшествующей его тратѣ (интеграція), чувствованіе положительнаго страданія сопровождается всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ (дезинтеграція) и чувствованіе отрицательнаго страданія сопровождается всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратой (интеграція). Сопоставляя означенныя четыре условія образованія чувствованій съ четырьмя темпераментами — флегматическимъ, сангвиническимъ, холерическимъ и меланхолическимъ, равно какъ и съ четырьмя тѣлосложеніями — клѣтчатковымъ, эпителиальнымъ, мышечнымъ и нервнымъ,—мы, если и не усматриваемъ полнаго соотвѣтствія между основными типами тѣлосложенія, темперамента и чувствованій, тѣмъ не менѣе находимъ довольно строгую градацію этихъ основныхъ типовъ и взаимное ихъ родство, подтверждаемыя наблюденіями надъ дѣтьми въ условіяхъ ихъ внѣшкольной и школьной жизни.

Какъ за состояніемъ накопленія вещества (и энергіи), возстановленія (отдыха), вызывающихъ отрицательное удовольствіе, слѣдуетъ избытокъ накопленія, потребности (лишенія), вызывающихъ отрицательное страданіе, затѣмъ трата, наслажденіе (работа), вызывающія положительное удовольствіе, и, наконецъ, избытокъ траты, усталости (истощенія), вызывающій положительное страданіе, такъ точно клѣтчат-

ковое тѣлосложеніе преобразовывается въ эпителиальное, эпителиальное—въ мышечное, и мышечное—въ нервное, а темпераментъ флегматическій переходитъ мало-по-малу въ сангвиническій, этотъ послѣдній—въ холерическій, и холерическій—въ меланхолическій. Всѣ эти переходы мы обыкновенно наблюдаемъ по возрастамъ: на ребенкѣ, на отрокѣ, на юношѣ и на взросломъ, особенно когда типы тѣлосложенія и темперамента бывають чисты, безпримѣсны, характерны.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что какъ интеграція чередуется съ дезинтеграціей, какъ онѣ смѣняють одна другую, такъ и тѣлосложенія и темпераменты замѣняются другъ другомъ, заставляють человѣка переживать, переиспытывать ихъ по очереди на самомъ себѣ. Правильная мѣна ихъ указываетъ на нормальную природу субъекта, неправильная мѣна или обнаруженіе несоотвѣтствующихъ возрасту тѣлосложенія и темперамента говоритъ за ненормальность его, патологичность. Улавливаніе на учащемся означенныхъ признаковъ служитъ драгоценнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ ознакомленія съ его индивидуальностью.

За темпераментомъ слѣдуетъ коснуться *характера*.

Ребенку, являющемуся на свѣтъ, не приписываютъ никакого характера, да онъ, дѣйствительно, и не имѣетъ характера. Въ каждомъ ребенкѣ имѣется особое тѣлесно-душевное предрасположеніе, каковое и обуславливаетъ развитіе его характера, оригинальность послѣдняго. Затѣмъ, на ребенка влияетъ и окружающая обстановка, влияют здоровье его и болѣзни, занятія и отдыхъ, лишенія и роскошь, воспитаніе и среда, примѣръ, уходъ и соблазны, всѣ соціальныя условія, въ которыхъ онъ вращается. Однако, какъ ни важны всѣ внѣшнія, полезныя и вредныя условія для развитія характера, важнѣе оказывается для человѣка то, что онъ производитъ и вырабатываетъ самъ на себѣ. Кромѣ того, случается, что характеръ измѣняется подъ вліяніемъ наследственной какой-либо болѣзни, дѣйствующей на нервную систему, или подъ вліяніемъ пріобрѣтенной, но неизлѣчимой болѣзни, которая можетъ вызывать и поддерживать мѣну въ характерѣ. Наконецъ, встрѣчаются и ненормальные характеры, но это уже характеры патологическіе, зависящіе отъ болѣзненныхъ измѣненій въ мозгѣ. Въ тѣсномъ смыслѣ, ненормальными характерами считаются тѣ, которые мы наблюдаемъ на субъектахъ психически-неуравновѣшенныхъ (*psychopathische Minderwerthigkeiten*). Это уже субъекты ненормальные отъ природы. Въ обществѣ, въ семьѣ ихъ называютъ особенными, странными, оригиналами и даже отмѣчаютъ особыми кличками или прозвищами, напримѣръ: загадочная, чудная личность, эксцентричная натура, фантастъ, „съ гвоздемъ въ головѣ“ и т. п.

Нѣкоторые (Рибо) считаютъ характеръ наследуемымъ отъ

отцовъ, дѣдовъ и пр. и постепенно развивающимся. Въ немъ признають основными два элемента: эмоціональный и активный, хотя и интеллектуальный играетъ отнюдь не малую роль. Правда, функціи чувствительности и движенія существенны въ характерѣ, но отвергать въ немъ значеніе функціи интеллектуальной, связующей человѣка съ міромъ внѣшнимъ и даже внутреннимъ, конечно, не имѣется основанія. Темпераментъ находится въ связи строеніемъ и съ общей дѣятельностью нервной системы, характеръ же, главнымъ образомъ, со строеніемъ и отправлениями мозга, органомъ мышленія (Фулье).

Наблюденія показываютъ, что значительное развитіе интеллекта можетъ быть сопровождаемо слабымъ развитіемъ чувствованій и воли, или наоборотъ. Бываетъ, однако, и такъ, что гармонически дѣйствуютъ всѣ эти три функціи, что образуется характеръ такъ называемый „уравновѣшенный“. Извѣстно, что такой уравновѣшенный, цѣльный характеръ встрѣчается крайне рѣдко, однако, точно такъ-же рѣдокъ чисто эмоціональный, чисто активный, чисто интеллектуальный характеръ.

Въ трактатѣ своемъ о характерѣ профессоръ Бэнъ описываетъ три такихъ же типа, обозначая ихъ, впрочемъ, терминомъ „темпераменты“.

Несмотря, однако, на допускаемое большинствомъ авторовъ тройственное дѣленіе характеровъ, необходимо признать еще четвертый типъ: типъ индифферентный, въ которомъ не обнаруживается опредѣленнаго преобладанія эмоціональности или активности, или интеллектуальности, но въ которомъ они проявляются въ слабой, зачаточной формѣ, свойственной начальной порѣ тѣлеснаго и душевнаго развитія индивидуума.

Рибо упоминаетъ о „характерѣ апатичномъ“, т. е. такомъ, въ которомъ чувствительность и дѣятельность находятся на уровнѣ ниже средняго, но это, однако, не тотъ „индифферентный“, недоразвитый, незаконченный характеръ, какой мы наблюдаемъ на дѣтяхъ или вообще на субъектахъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ формированія характера. Вообще, какъ по отношенію къ тѣлосложенію и темпераменту мы допускаемъ не тройственное, а четверное дѣленіе (не трихотомію, а тетрахотомію), такъ точно четверное дѣленіе подтверждается наблюденіями и по отношенію къ характеру. Опытъ показываетъ, что та же градація и та же послѣдовательность роста и развитія, какія замѣчаются на типахъ тѣлосложенія и темперамента, обнаруживаются и на типахъ характеровъ. Такимъ образомъ, въ параллель типамъ тѣлосложенія и темперамента мы должны поставить характеры: индифферентный, эмоціональный, активный и интеллектуальный.

Нельзя сказать, чтобы мало было попытокъ къ систематическому распредѣленію характеровъ.

О трактатахъ характеровъ Теофраста и Ла-Брюйера мы только упомянемъ, такъ какъ они представляютъ слишкомъ скудный подборъ характеровъ (числомъ тридцать), хотя и отличаются талантливостью и обстоятельностью ихъ описанія.

О взглядѣ на характеры Фурье Бэнъ выражается такъ: „Шарль Фурье, извѣстный социалистъ, построилъ свою социалистическую систему на анализѣ страстей и основанной на немъ классификаціи характеровъ. Но его методъ, вмѣсто глубокаго изслѣдованія основныхъ элементовъ человѣческой души, представляетъ собой не больше, какъ примѣненія причудливыхъ аналогій къ чувствамъ и тенденціямъ человѣческой натуры. Методъ изложенія у Фурье—обиліе аналогій и аналогическихъ фразъ, имъ самимъ выдуманныхъ, ничего не объясняющихъ и только поражающихъ причудливостью комбинацій. Особенность Фурье въ томъ, что онъ смѣло и оригинально относится къ той области знаній, гдѣ даже немногимъ удавалось выбиться изъ колеи общихъ мѣстъ, словомъ, къ такой области, какъ этика и социологія“.

Самуэль Бэли рacionales относится къ вопросу о характерахъ. Онъ обращаетъ вниманіе на физическія свойства организма, на энергію и слабость воли, на преобладаніе въ душѣ человѣка однихъ ощущеній надъ другими, и о способности предпочтительной къ тѣмъ или другимъ умственнымъ операціямъ. Схема Бэли хороша, но, къ сожалѣнію, недостаточно разработана и уступаетъ новѣйшимъ.

Азамъ, въ трактатѣ своемъ о характерѣ, дѣлитъ характеры на доброкачественные, дурнокачественные и на добро- и дурнокачественные смотря по обстоятельствамъ, дополняя свое разсужденіе описаніемъ вліяній, дѣйствующихъ на характеръ, каковы: темпераментъ, возрастъ, полъ, климатъ и т. д. Изложеніе Азама, однако, слишкомъ спутанное, безсистемное и даетъ очень мало для выясненія вопроса о характерахъ вообще.

Проф. А. Бэнъ составилъ лучшую монографію о характерѣ и болѣе другихъ содѣйствовалъ разработкѣ вопроса. Онъ дѣлитъ характеры на три группы: активныхъ, эмоціо-
нальныхъ и интеллектуальныхъ, и прекрасно описываетъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Новѣйшіе авторы—Рибо и Фулье—не приносятъ въ разработку вопроса ничего особенно новаго.

Такимъ образомъ, интересующемуся вопросомъ о характерѣ приходится наиболѣе пользоваться изслѣдованіями Бэна, и исходнымъ пунктомъ брать его же заключенія по этому вопросу.

Наблюденія показываютъ, однако, одинъ существенный

пробѣль въ классификаціи характеровъ Бэна, а именно: отсутствіе четвертаго, называемаго нами „индифферентнымъ“, характера.

Встрѣчается, какъ мы сказали, у дѣтей типъ характера, не подходящий къ категоріи ни эмоціональнаго, ни активнаго, ни интеллектуальнаго типа. Подобно тому, какъ въ тѣлосложеніи и темпераментѣ мы признали необходимымъ выдѣлить по одному индифферентному, незаконченному, недостаточно опредѣленному типу, такъ точно и среди характеровъ имѣется аналогичный же типъ, наблюдаемый въ юномъ, особенно дѣтскомъ возрастѣ. Этотъ типъ характера—типъ индифферентный—встрѣчается обыкновенно на одномъ и томъ же индивидуумѣ, параллельно индифферентнымъ же тѣлосложенію и темпераменту, словомъ, подобно этимъ послѣднимъ, имѣетъ, по отношенію къ дѣтскому возрасту, даже большее, чѣмъ они, право на существованіе.

Индифферентный характеръ тотъ, который не имѣетъ собственно ни активнаго, ни интеллектуальнаго отношенія къ окружающему, отъ котораго нѣтъ ни вреда, ни пользы,—„ни тепло, ни холодно“,—но который вызываетъ въ другихъ симпатію, чувство успокоенія. Онъ безмятеженъ, покоенъ, никого не трогаетъ и самъ желаетъ, чтобы его никто не трогалъ. Этотъ же характеръ отличается жизнерадостностью, добрымъ душевнымъ настроеніемъ. Индифферентный субъектъ доволенъ собою и другими: онъ оптимистъ. Ему хорошо съ другими, но хорошо и одному. Живетъ онъ какъ бы въ собственное удовольствіе. Сравнительно изъ всѣхъ людей онъ, повидимому, самый счастливый.

Субъектъ *эмоціональнаго характера* отличается значительно воспріимчивостью къ удовольствію и страданію (огорченіямъ). Въ минуты удовольствія обнаруживается повышение дѣятельности всего организма, при страданіи же ея пониженіе, поэтому-то въ первомъ случаѣ субъектъ эмоціональный живетъ какъ-бы усиленной жизнью, во второмъ же становится безучастнымъ ко всему, подавленнымъ и несчастнымъ. Дѣятельность—и разумная, и волевая—оттѣсняются у него болѣе или менѣе на второй планъ, на первый же планъ выступаютъ увлеченія литературой, изящными искусствами.

Эмоціональный характеръ, говоритъ Джемсъ, существенно, хотя и не безусловно, характеръ пассивный: ему нечего обращаться за удовольствіями къ атлетическимъ упражненіямъ, хотя онъ иной разъ и можетъ нуждаться въ нихъ ради здоровья или иныхъ причинъ. Субъектъ эмоціональнаго характера обыкновенно способенъ отзываться на признаки чужой радости и горя, потому что и самъ отъ природы склоненъ отдаваться такимъ состояніямъ. Послѣдствіями такого характера наблюдаются: благородство и нерасчетли-

вость стремлений, легкомысленный взглядъ на вещи, негодность къ механической сторонѣ дѣла, неумѣнье угадывать впередъ и, при всемъ томъ, необыкновенная популярность. Подобнымъ характеромъ, по мнѣнію Джемса, отличался извѣстный государственный дѣятель въ Англіи Чарльзъ Д. Фоксъ.

Человѣкъ эмоциональнаго характера не мыслимъ безъ другихъ, безъ среды. Какъ натура экспансивная, онъ относится къ людямъ съ чувствомъ любви и привязанности, съ постоянной готовностью поступиться своими выгодами, жертвовать трудомъ, временемъ и средствами; онъ дорожитъ честью своею и совѣстью, чувствительно отзывается на нѣжныя и эстетическія эмоціи. Ему хорошо и одному, но его, однако, постоянно влечетъ къ окружающимъ, чтобы дѣлить съ ними и радость, и горе.

Въ активномъ характерѣ проявляется энергія во всѣхъ ея видахъ. Такъ, обнаруживается она въ видѣ энергіи потенциальной: тогда ею можно пользоваться для самого себя или для другихъ, слабыхъ окружающихъ; то оказывается она въ формѣ энергіи актуальной, усиленной подвижности, повышенной жизнедѣятельности, то *sub forma* актуальной же энергіи, но направленной къ задерживанію рефлексовъ (импульсовъ),—и тогда человѣкъ отлично можетъ управлять собою и другими: онъ надеженъ въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ; на него можно полагаться какъ на „каменную стѣну“.

Человѣкъ *активнаго характера* отличается высокою мышечною и волевою энергіею, т. е. выносливостью, терпѣніемъ, смѣлостью и самоувѣренностью. Преобладаніе активнаго элемента вообще подавляетъ собою элементъ эмоциональный, да, пожалуй, и интеллектуальный. Активный характеръ побуждаетъ скорѣе на дѣятельность, чѣмъ на пассивное удовольствіе, равнымъ образомъ, субъектъ съ такимъ характеромъ скорѣе подчинится и эмоціямъ, вытекающимъ изъ энергіи. Эмоціи дѣятельности эмоциональная натура испытываетъ наравнѣ съ другими, но только въ идеальныхъ формахъ. Дѣятельный человѣкъ обнаруживаетъ силу, пассивный же можетъ наслаждаться однимъ идеальнымъ чувствомъ силы. Одинъ изъ существенныхъ признаковъ активнаго характера состоитъ въ томъ, что для него важна сама дѣятельность, а не мотивы къ ней. Его сила служить причиною эмоцій для другихъ, а не для него самого.

Активный характеръ лучше дѣлаетъ свое дѣло, потому что можетъ дѣлать и безъ особеннаго интереса, между тѣмъ какъ эмоциональный не возьмется ни за что, не имѣющее для него сильнаго интереса. Активный характеръ пускаетъ въ ходъ свою энергію, чтобы предупредить зло, которое для него было бы невыносимымъ. Темпераментъ эмоциональный

можетъ вынести много зла, прежде чѣмъ оно станетъ уже исполнѣ для него невыносимымъ. Активный темпераментъ весьма полезенъ въ обыденной практикѣ жизни, особенно же тамъ, гдѣ все сводится къ рутинѣ. Гдѣ нужны постоянство и непрерывность машины, тамъ можно рассчитывать на такихъ людей, потому что послѣ нѣкотораго навыка они скорѣе другихъ примиряются съ ролью простыхъ двигателей въ тѣсномъ кругѣ. Встрѣчается, правда, высшій родъ энергіи, составленной изъ умѣренного количества мимовольности, вызываемой эмоціями и управляемой интеллектомъ, однако, наблюдается такая комбинація не очень часто, да и не годится тамъ, гдѣ требуется слѣпое и пассивное повиновеніе (Бэнъ).

Человѣкъ *интеллектуальнаго характера* обладаетъ преимущественно способностью находить различія между предметами и явленіями, способностью ихъ запоминанія и способностью открывать сходства между ними. Интеллектуальная натура отличается ясностью мышленія и спокойствіемъ. Сферою дѣятельности ея служить, главнымъ образомъ, наука, отвлеченное, теоретическое знаніе, менѣе прикладныя отрасли знаній и, рѣже, изящныя искусства и ремесла.

Человѣкъ интеллектуальнаго характера относится ко всему сознательно, критически, скептически, логически. Вся жизнь его — непрестанная рефлексія, вѣчное совершенствованіе, нескончаемый умственный прогрессъ. Не то чтобъ каждый шагъ его былъ рассчитанъ, но только вѣрно, что онъ рѣдко дѣлаетъ что-либо безъ соображенія, не обдумавши, по инстинкту, помимо воли. Интеллектуальный субъектъ нерѣдко творить, создаетъ, созидаетъ; часто онъ отличается дарованіями, талантливостью. Бываетъ онъ и практикомъ, обладая умомъ практическаго склада; тогда онъ цѣнимъ въ обыденной, семейной, общественной жизни, въ прикладныхъ отрасляхъ, въ торговлѣ, промышленности. Рѣже сосредоточивается онъ, хотя съ успѣхомъ, на чисто-теоретическихъ вопросахъ, строго-научныхъ изысканіяхъ; въ исключительныхъ случаяхъ становится философомъ, метафизикомъ, трансценденталистомъ.

Распредѣленіе характеровъ по типамъ и ихъ разнообразностямъ, какъ и распредѣленіе эмоцій въ опредѣленной системѣ представляетъ не малыя трудности. Зависитъ это, главнымъ образомъ, отъ недостаточно точно установленнаго до сихъ поръ авторами взгляда на самыя эмоціи или чувства.

Посмотримъ, что говоритъ объ эмоціяхъ психологъ Джемсъ. Вотъ его слова: „Изучая отдѣлъ эмоцій, вы чувствуете, что подраздѣленія эмоцій, предлагаемыя психологами, въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются простыми фикціями или весьма несущественны, и что претензіи

ихъ на точность терминологіи совершенно неосновательны. Въ нихъ (въ классическихъ произведеніяхъ по вопросу о чувствованіяхъ) нѣтъ никакого плодотворнаго руководящаго начала, никакой основной точки зрѣнія. Эмоціи различаются и отдѣляются въ нихъ до безконечности, но вы не найдете въ нихъ никакихъ логическихъ обобщеній. Затрудненія, возникающія въ психологіи при анализѣ эмоцій, протекають, какъ кажется, оттого, что ихъ слишкомъ привыкли разматривать, какъ абсолютно обособленные другъ отъ друга явленія“.

Чувства или эмоціи, которыми живетъ человѣкъ, весьма многочисленны. Для насъ, само собою, важны въ особенности чувства добрыя, благожелательныя, которыя и надо культивировать, поощрять въ учащихся. По природѣ ребенокъ—грубый эгоистъ и почти не думаетъ объ интересахъ, лишеніяхъ и страданіяхъ ближнихъ; онъ, пожалуй, не ранѣе какъ къ 9—10 годамъ становится существомъ общественнымъ и начинаетъ входить въ жизнь другихъ, сочувственно относиться къ интересамъ ближняго. Но и въ это время требуется все-таки вниманіе къ его альтруистическому поведенію и руководство со стороны старшихъ въ его моральной жизни.

Говорятъ, ребенокъ хорошъ, когда онъ добръ, мягокъ, когда онъ нѣжнаго сердца. Хотя каждое качество это, какъ ни симпатично, ни похвально отдѣльно взятое, однако, полезно съ осторожностью относиться къ нему, когда оно вскрѣчается въ связи съ другими, подобными ему качествами. Въ большей или меньшей совокупности они грозятъ обращеніемъ нормальнаго, добропорядочнаго ребенка въ дрянное, тряпичное существо, которое быстро осѣдлываютъ болѣе смѣлые и нахальные сотоварищи и эксплуатируютъ каждый на свой ладъ. Во всемъ нужна мѣра; такъ и въ поведеніи, и въ характерѣ. Мягкій, добрый характеръ при достаточно сильной волѣ и сносномъ умѣ будетъ весьма подходящъ и даже заслуживать одобренія, но тотъ же характеръ при слабой волѣ и ограниченномъ умѣ можетъ оказаться негоднымъ и вреднымъ. Словомъ, качества добрыя, благожелательныя въ ребенкѣ будутъ хороши только въ комбинаціи со здравымъ умомъ и твердой волею, но отнюдь не должны быть оцѣниваемы и особенно дорожимы каждое порознь, независимо отъ всякаго комплекса чертъ духовной природы ребенка. Правда, правила этого должно было бы держаться по отношенію къ любому качеству психической стороны человѣка, тѣмъ не менѣе къ чувствамъ или эмоціямъ его слѣдуетъ примѣнять строже и чаще, нежели къ уму или волѣ.

Чувства и эмоціи существенную роль играютъ въ характерахъ эмоціональномъ и индифферентномъ, хотя не

остаются безъ участія и въ активномъ, и въ интеллектуальномъ характерахъ.

Въ нашей нижеслѣдующей таблицѣ характеровъ каждый изъ четырехъ характеровъ подраздѣляется на три группы, отличающіяся болѣе или менѣе чувствительными особенностями. Такъ, въ субъектахъ индифферентнаго характера одни (первая группа Аа) отличаются большею динамичностью, активностью, хотя динамичность эта выражается болѣе стремленіемъ къ дѣйствіямъ, нежели самимъ дѣйствіемъ. Въ нихъ преобладаютъ нѣжныя эмоціи. Субъекты второй группы (Ав) отличаются большею статичностью, пассивностью; они никого не трогаютъ, не беспокоятъ, они безразличны. Первая группа отличается вообще апноэтической реакціей, вторая же диспноэтической. Субъекты третьей группы (Ас) похожи на субъектовъ первой группы, но только болѣе вліяютъ на другихъ, на среду, хотя довольны и счастливы и сами по себѣ, внѣ вліянія окружающихъ. Группа эта касается собственно душевнаго настроенія учащихся.

Въ отдѣлѣ характера эмоціональнаго субъекты первой группы (Ва) отличаются непосредственнымъ отношеніемъ къ окружающимъ: въ нихъ болѣе жизни, болѣе готовности къ услугамъ, къ открытому жертвованію; въ субъектахъ же второй группы (Вв) замѣчается посредственное (косвенное) отношеніе къ окружающимъ; въ нихъ менѣе жизни, они служатъ другимъ, но скрытно. Гоголь мѣтко охарактеризовалъ субъектовъ этихъ двухъ группъ въ лицѣ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: одинъ субъектъ первой группы, предлагая понюхать табаку, говоритъ: „одолжайтесь“, второй же—„смѣю ли просить объ одолженіи“. Первая группа равнымъ образомъ отличается апноэтической реакціей, вторая—диспноэтической. Субъекты третьей группы (Вс) совмѣщаютъ достоинства обѣихъ упомянутыхъ группъ; они существуютъ собственно и для себя, и для другихъ; хотя и кажутся существами „не отъ міра сего“, живущими болѣе для духа, нежели для тѣла. Недаромъ ихъ считаютъ часто особенными, странными, ненормальными.

Субъекты активнаго характера первой и второй группы (Са и Св) оказываются таковыми, какими есть, отъ природы, наслѣдственно, со дня рожденія, тогда какъ субъекты третьей группы (Сс) обязаны предпочтительно мѣрамъ воспитанія, культивированія и только отчасти природѣ, наслѣдственности. Въ субъектахъ всѣхъ трехъ группъ выражается энергія, съ тою только разницею, что въ субъектахъ первой группы она скрытая, въ субъектахъ второй группы—наружная, живая, а въ субъектахъ третьей группы—задержанная (внутренне-дѣйствующая).

Наконецъ, у субъектовъ интеллектуальнаго характера

первой группы (Да) умственные силы находятся въ потенциальномъ состояніи (по Гроту, въ состояніи субъективной дѣятельности), у субъектовъ второй группы (Дв) въ актуальномъ состояніи (по Гроту, въ состояніи объективной дѣятельности) и у субъектовъ третьей группы (Дс) въ состояніи годномъ для жизненнаго обихода. У первыхъ изъ нихъ умъ оказывается годнымъ, главнымъ образомъ, для теоріи, у вторыхъ, для чего-то высшаго, extra posita, а у третьихъ для практики.

Имѣя въ виду принципы, служащіе основою опредѣленія характеровъ, конечно, не трудно пріискать и термины для обозначенія послѣднихъ и распределить ихъ по группамъ. Исключенію подлежатъ развѣ нѣкоторые термины, ставшіе, благодаря неправильному, неумѣлому употребленію двусмысленными, сомнительными и потому требующіе болѣе точнаго установленія ихъ значенія.

Самая богатая коллекція категорій характеровъ представлена въ сочиненіи „о характерѣ“ Азама, самая же малая— въ сочиненіяхъ Дарвина и Бэна; впрочемъ, во всякомъ случаѣ ихъ достаточно для того, чтобы можно было ими пользоваться на практикѣ при составленіи характеристикъ. Несравненно болѣе затруднительно подыскивать къ положительнымъ типамъ характеровъ типы отрицательные, конечно, если только не пользоваться для этого прибавленіемъ къ положительнымъ частицы „не“, хотя бы и въ рѣдкихъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, терминамъ „честный“ и „постоянный“, конечно, удобнѣе было бы противопоставить термины „нечестный“ и „непостоянный“, нежели „подлый“ и „флюгеръ“ или „хамелеонъ“ „виляевъ“ и т. д. Вообще, многимъ положительнымъ характерамъ приходится, ради большаго удобства, противопоставлять два, три названія отрицательныхъ, чтобы тѣмъ самымъ предоставить пользующемуся ими въ распоряженіе наиболѣе оттѣнковъ характеровъ, наиболѣе свободы при опредѣленіи личности учащагося. Кстати, составляющій характеристику можетъ безпрепятственно подыскивать или придумывать свои собственные термины, такъ какъ суть дѣла заключается, конечно, не въ терминѣ, а въ томъ понятіи, какое имѣютъ намѣреніе обозначить въ терминѣ. Въ особенности же на произволъ педагога слѣдуетъ предоставить употребленіе его терминовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчается въ учащемся какая либо особенная ненормальность: тѣлесное или духовное уродство, странности, причуды, ни съ чѣмъ несообразные поступки и дѣйствія Таковы, напримѣръ, термины: чудакъ, гримасникъ, кривляка, выскочка, придурковатый, тупица, недоросль, безобразникъ и тому подобныя безконечныя особенности, мѣтко характеризующія личность.

Остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе заслуживающихъ истолкованія, терминахъ:

Такъ, слово „*наивный*“ принимается обыкновенно въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ, между тѣмъ какъ, „наивный“ или изумляющійся (отличающійся частымъ обнаруженіемъ эмоціи изумленія) обнимаетъ цѣлую совокупность явленій, весьма характерныхъ въ поведеніи человѣка. По поводу изумленія Бэнъ говоритъ слѣдующее: „Страсть къ чудесному, доведенная до крайности, обнаруживается въ страсть слушать, видѣть и говорить то, что странно и необъяснимо; она обнаруживается въ тенденціи преувеличивать все и въ нерасположеніи ко всѣмъ попыткамъ объясненія и устраненія всѣхъ странныхъ обстоятельствъ факта. Понимая „наивнаго“, какъ обладающаго только-что описанными качествами, къ нему, конечно, нельзя будетъ относиться такъ, какъ относимся мы къ первому встрѣчному, быстро раскрывающему ротъ и глаза при всякой неожиданности, при всякомъ замѣчаніи и т. д.“ „Наивный“ въ смыслѣ Бэна заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что указываетъ на безусловную необходимость воспитанія его въ спокойномъ, трезвомъ, серьезномъ отношеніи къ окружающему и въ освобожденіи его отъ ига суевѣрій и предразсудковъ, свойственныхъ юнымъ, дикимъ, невѣжественнымъ субъектамъ.

Далѣе. Должно строго различать термины „*симпатичный*“ и „*симпатизирующій*“. „Симпатиченъ“ тотъ, кто вызываетъ къ себѣ со стороны окружающихъ благорасположеніе, привязанность, любовь; „симпатизирующій“ же можетъ и не быть „симпатичнымъ“, но относится обыкновенно съ симпатіей къ ближнимъ, охотно раздѣляетъ ихъ горе, радость, готовъ прийти къ нимъ на помощь и т. д.

Характеръ *импульсивный* будетъ тогда, когда сила эмоцій въ индивидуумѣ зависитъ не столько отъ силы общаго эмоціональнаго аппарата, сколько отъ силы специальной чувствительности (Бэнъ), т. е. когда одна изъ эмоцій беретъ рѣзкій перевѣсъ надъ всѣми остальными эмоціями. Одинъ подъ вліяніемъ гнѣва, другой подъ вліяніемъ жалости, третій подъ вліяніемъ совѣсти и т. п. способенъ увлечься, приняться за работу, броситься въ „огонь и воду“, между тѣмъ какъ внѣ вліянія означенныхъ эмоцій люди эти остаются спокойными и безучастными къ явленіямъ окружающаго. Импульсивные субъекты встрѣчаются обыкновенно, какъ исключенія, но несомнѣнны случаи, что въ извѣстной націи, въ извѣстной группѣ людей они попадаютъ на каждомъ шагѣ и не обращаютъ на себя особаго вниманія. Какъ примѣръ, можно взять случаи импульсивности, встрѣчаемые въ Италіи, Испаніи, въ южныхъ вообще странахъ, въ горныхъ мѣстностяхъ и т. д.

Терминъ „смѣлый“ примѣняется къ характеру въ тройкомъ смыслѣ.

Активная (животная) *смѣлость* наступательнаго свойства, готова итти навстрѣчу опасности, хотя и не обнаруживается зря, безъ достаточнаго повода, поэтому отличается скорѣе потенціальной, нежели актуальной энергіей. *Смѣлость эмоціо-нальная* довѣрчива и мало способна замѣчать опасность; она скорѣе можетъ быть опредѣлена, какъ игривость, беззаботность, какъ сангвиническое настроеніе (Бэнъ). Все это и побуждаетъ насъ отнести субъекта смѣлаго эмоціо-нально къ типамъ характера индифферентнаго, а не эмоціо-нальнаго или активнаго. Наконецъ, третій видъ смѣлости—*смѣлость интеллектуальная* есть высшаго рода. Она представляетъ уже твердое самообладаніе, результатъ умѣнья, въ виду угрожающей опасности, сохранять въ умѣ весь запасъ нажитой опытности, требуемой въ данномъ случаѣ. Этотъ характеръ (смѣлый интеллектуально) мы относимъ въ первую рубрику интеллектуальнаго характера—рубрику ума субъективной дѣятельности (Гротъ).

Разсудительнымъ называемъ мы такого человѣка, который, разъ твердо намѣтивъ себѣ достойныя цѣли въ жизни, не предпринимаетъ ни одного дѣйствія безъ того, чтобы предварительно не опредѣлить, благопріятствуетъ ли оно достиженію этихъ цѣлей или нѣтъ (Бэнъ).

Характеръ этотъ почти не наблюдается въ возрастѣ дѣтскомъ и даже отроческомъ, но начинается проявляться въ болѣе или менѣе зачаточномъ видѣ у юношей. Вообще, раннее обнаруженіе этого характера составляетъ не особенно желательное явленіе, такъ какъ указываетъ на преждевременное духовное развитіе молодого человѣка или на развитіе, вызванное искусственно, путемъ внѣшняго, посторонняго, неумѣлаго педагогическаго воздѣйствія. Словомъ, характеръ этотъ отмѣчается съ нѣкоторымъ опасеніемъ.

„Недостатокъ пониманія цѣлей, пониманія бѣдствій, которыхъ нужно избѣгать, и удовольствій, къ которымъ нужно стремиться, называется недостаткомъ *здраваго смысла*, что встрѣчается у людей самаго блистательнаго ума“ (Бэнъ). Подобный недостатокъ, справедливо вмѣняемый въ укоръ инымъ взрослымъ, едва-ли можетъ относиться къ юнымъ учащимся, недоросшимъ до надлежащаго пониманія серьезныхъ жизненныхъ задачъ, тѣмъ не менѣе примѣровъ проявленія вполне трезваго разумаго взгляда на вещи и житейскія отношенія у отроковъ и юношей не занимать-стать. Вотъ почему и терминъ „*здоровомыслящій*“ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, удержатъ въ списокѣ характеровъ учащихся.

Слѣдуютъ характеры *любопытный* и *любознательный*.

Любопытный хочетъ все знать, хотя иной разъ и безъ всякой надобности; любознательный тоже домогается все

знать, но съ опредѣленной, большею частью съ напередъ намѣченной цѣлью, съ цѣлью обогатиться знаніемъ. Чуть что зашевелилось, скрипнуло, стукнуло, вскрикнуло,—любопытный тутъ какъ тутъ, первый; любознательный же сначала вникнетъ, сообразитъ, а потомъ двинется съ мѣста. Любопытный всегда болѣе или менѣе поверхностенъ и удовлетворяется кое-какимъ, даже пустымъ отвѣтомъ, любознательный же болѣе или менѣе глубокъ, серьезенъ и настаиваетъ на подходящемъ, толковомъ отвѣтѣ. Любопытный узналъ, въ чемъ дѣло, повернулся и исчезъ; любознательный присмотрится, прислушается, разспроситъ, разузнаетъ и спокойно удалится удовлетворенный. Любопытнаго надо сдерживать, не допускать, отталкивать, любознательнаго привлекать, поощрять, одобрять, удовлетворять. Очевидно, надо строго различать субъектовъ любопытнаго и любознательнаго.

Введенные нами въ таблицу термины „самоувѣренный“ и „самонадѣянный“ представляютъ, повидимому, не положительные, а отрицательныя достоинства. Отнюдь нѣтъ. Увѣренный въ себѣ и полагающій на себя одного надежду суть прямо достойны одобренія; въ публикѣ же, въ жизненномъ обиходѣ слова „самоувѣренный“ и „самонадѣянный“ приняли превратный смыслъ, подобно тому, какъ слово „баринъ“ вмѣсто „болярина“, „болярина“ стало обозначать нѣчто въ родѣ „вороны въ павлиньихъ перьяхъ“. Оставляя за означенными словами подлинное ихъ значеніе, мы, конечно, имѣемъ право удержать ихъ на намѣченномъ нами мѣстѣ въ таблицѣ.

Какое право на помѣщеніе въ послѣдней, да еще на ряду съ такими терминами какъ „сдержанный“, „положительный“ и под.,—могутъ спросить насъ—обрѣлъ терминъ „экономный“?

Если подъ „экономнымъ“ понимать скупца, скрягу, „Плюшкина“, то онъ, само-собою, не подходитъ въ рубрику активнаго характера; понимая же подъ нимъ человѣка, способнаго, при ограниченныхъ средствахъ, держаться на ряду съ болѣе достаточными лицами его слоя общества, благодаря умѣнью умѣрять свои требованія,—такой типъ экономнаго человѣка, отличающагося обильнымъ запасомъ активной энергіи, справедливо слѣдуетъ отнести въ намѣченную рубрику. Что, однако, сказать относительно „экономнаго“ отрока или юноши? Печать, столь скупая на толковую критику и столь щедрая на бранную, въ послѣднее время жестоко отдѣлывала школьныя сберегательныя кассы, развязно доказывая, что дѣтямъ копить не изъ чего, что сберегаемые гроши лучше тратить на ѣду, нежели копить на черный день и т. д. Въ Германіи не удовлетворились подобными доводами, и дѣтскія кассы въ большинствѣ школъ благополучно процвѣтаютъ. Тамъ рассчитываютъ, что цѣлесообразнѣе вос-

питывать дѣтей въ принципахъ бережливости и умѣнья сдерживать себя во всѣхъ отношеніяхъ, нежели выращивать мотовъ и саврасовъ, для которыхъ разбрасываніе зря денегъ составляетъ идеаль порядочнаго человѣка, „барина“, и служить самымъ приличнымъ способомъ проживанія отцовскаго наслѣдства. Въ Россіи, напримѣръ, воспитаніе не только „экономныхъ“, но прямо скупыхъ, жадныхъ до сбереженія дѣтей слѣдовало бы поставить правиломъ и специально обучать ихъ сдерживанію не только по отношенію къ личной собственности, но и по отношенію къ собственности другихъ, къ собственности общества и государства... Такимъ образомъ, терминъ „экономный“ является у насъ почетнымъ, цѣннымъ, заслуживающимъ полнаго одобренія и для взрослыхъ, и для дѣтей.

Термины „музыкантъ“, „поэтъ“ и т. п. поставлены нами, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобъ не забыть отмѣтить наклонность того или другого учащагося къ извѣстнымъ эстетическимъ эмоціямъ, а во-вторыхъ, и съ тѣмъ, чтобъ указать необходимость обозначенія способностей, дарованій учащихся къ любому искусству, ремеслу, любой теоретической или практической дѣятельности, каковыя перечислять въ таблицѣ болѣе детально не представляется и возможности.

„Мечтательные“ наблюдаются рѣдко въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастахъ, а если и наблюдаются, то большею частью какъ субъекты, предрасположенные къ нервнымъ или психическимъ заболѣваніямъ; *идеалистами* же бываютъ и субъекты нормальные, напримѣръ, въ пору полового развитія, удерживающіеся таковыми до конца курса, но затѣмъ большею частью теряющіе свой идеализмъ, если не превращающіеся въ поклонниковъ другихъ, менѣе невинныхъ измовъ.

Наконецъ, мы обозначили характеры *индуктивный, дедуктивный, конкретный и абстрактный*. Таковыя дѣйствительно встрѣчаются, особенно индуктивный и конкретный, во всѣхъ возрасты, преимущественно же въ возрастѣ юномъ. Иной, какъ ни старается сократить свой рассказъ, подводить къ обобщеніямъ, все сворачиваетъ къ частностямъ, къ примѣрамъ, къ мелочамъ; другой, наоборотъ, точно не понимаетъ ничего конкретнаго, индуктивнаго, но уснащаетъ рѣчь абстрактностями, дедукціями, такъ что, слушая его, думаешь, какъ будто бы онъ говорить не отъ себя, а читаетъ все по книжкѣ. Юные субъекты относятся къ первой категоріи, взрослые—нерѣдко ко второй съ большими или меньшими ограниченіями. Важно обращать вниманіе на эти подробности потому, что умъ абстрактный и дедуктивный въ юности указываетъ большею частью на тенденцію къ математическимъ, философскимъ знаніямъ, конкретный же и индуктивный къ антропобіологическимъ и прикладнымъ зна-

Таблица первая.

Положительныя ка

А. Индифферентный

В. Эмоціональный.

а. Апноэтиче- ской ре- акции.	б. Диспноэти- ческой ре- акции.	с. Настроение.	а. Апноэтиче- ской ре- акции.	б. Диспноэти- ческой ре- акции.	с. Страсти, эстет. эмо- ции.
1. Мягкій. Мягкосер- ддый. 2. Добрый.	1. Простой. 2. Кроткій.	1. Жизненный. Жизне- радостный. Полный жизни. 2. Ясный.	1. Экспан- сивный.	1. Покор- ный.	1. Увлекаю- щийся. Эк- зальтиро- ванный.
3. Нѣжный.	3. Тихій.	3. Веселый.	2. Аль- труистъ.	2. Уступчи- вый.	2. Пылкій.
4. Теплый.	4. Смирный.	4. Радост- ный.	3. Откры- тый.	3. Соглас- ный. Мир- ный.	3. Страст- ный.
5. Сердеч- ный.	5. Спокой- ный.	5. Доволь- ный.	4. Откро- венный.	4. Застѣн- чивый. Роб- кій.	4. Импуль- сивный.
6. Задушев- ный.	6. Скром- ный.	6. Счастли- вый.	5. Прямой.	5. Стыдли- вый.	5. Худож- никъ.
7. Прямо- душный.	7. Смирен- ный.	7. Смѣлый эмоціо- нально.	6. Общи- тельный.	6. Совѣтли- вый.	6. Музы- кантъ.
8. Чисто- сердечный.	8. Довѣрчи- вый.	8. Оптим- истъ.	7. Друже- любный.	7. Добросо- вѣстный.	7. Поэтъ.
9. Симпа- тичный.	9. Наивный.		8. Добро- желатель- ный.	8. Вѣрный.	8. Актеръ.
	10. Изум- ляющій.		9. Симпати- зирующій.	9. Честный.	9. Ораторъ.
			10. Привѣт- ливый.	10. Правди- вый.	10. Лекторъ.
			11. Привяз- чивый.	11. Почти- тельный.	11. Мечта- тельный.
			12. Предан- ный.	12. Благо- честивый.	12. Идеа- листъ.
			13. Любя- щій.	13. Бого- боязненный.	
			14. Состра- дательный.		
			15. Щед- рый.		
			16. Велико- душный.		
			17. Широ- кая натура.		

чества характера.

С. Активный.

Д. Интеллектуальный.

а. Потенциальная энергия.	б. Актуальная энергия.	с. Энергия съ задержаніемъ рефлексовъ.	а. субъективной дѣятельности.	б. И н т е л л е к т ъ объективной дѣятельности.	с. практическаго склада
1. Мужественный.	1. Подвижный.	1. Уравновѣшенный.	1. Умный.	1. Творческий.	1. Благоразумный.
2. Твердый.	2. Живой.	2. Сдержанный.	2. Разумный.	2. Изобретательный.	2. Здравомыслящій.
3. Самостоятельный.	3. Бойкій.	3. Воздержный.	3. Разсудительный.	3. Предпримчивый.	3. Толковый.
4. Оригинальный.	4. Стремительный.	4. Умѣренный.	4. Сообразительный.	4. Талантливый.	4. Смѣтливый.
5. Независимый.	5. Прилежный.	5. Осторожный.	5. Смѣлый интеллектуально.		5. Догадливый.
6. Невозмутимый.	6. Усердный.	6. Серьезный.	6. Любопытный.		6. Любопытный.
7. Стойкій.	7. Ревностный.	7. Внимательный.	7. Развитый.		7. Остроумный.
8. Постоянный.	8. Отважный.	8. Точный.	8. Индуктивный.		8. Юмористъ (обладающій юморомъ.)
9. Самоувѣренный.	9. Храбрый.	9. Надежный.	9. Дедуктивный.		
10. Самонадеянный.	10. Безстрашный.	10. Отчетливый.	10. Конкретный.		
11. Сознующій собств. достоинство.	11. Смѣлый активно.	11. Аккуратный.	11. Абстрактный.		
12. Настойчивый.	12. Рѣшительный.	12. Корректный.	12. Синтетическій.		
13. Положительный.	13. Дѣятельный.	13. Съ тактомъ.	13. Аналитическій.		
14. Сосредоточенный.	14. Самодѣятельный.	14. Съ характеромъ.	14. Способный.		
15. Терпѣливый.	15. Работающій.	15. Приличный.			
16. Заботливый.	16. Трудолюбивый.	16. Вѣжливый.			
17. Успѣвающаящій.		17. Экономный.			

Таблица вторая.

Отрицательная ка

А. Индифферентный.

В. Эмоциональный.

а. апноэтиче- ской ре- акции.	б. Диспноэти- ческой ре- акции.	с. Настроение.	а. Апноэтической реакции.	б. Диспноэти- ческой ре- акции.	г. Страсти. Эстет. эмо- ции.
1. Жесткий. Сухой. Же- стокосер- дый.	1. Фатъ. Себѣ на умѣ. Тщеславный Заискиваю- щий.	1. Безжиз- ненный. По- давленный. Угнетенный	1. Замкнутый.	1. Непокор- ный. Вла- стительный. Властолю- бивый.	1. Неувле- кающийся.
2. Злой. Зло- памятный. Сердитый. Гнѣвный.	2. Задира. Занятый собою.	2. Пасмур- ный. Угрю- мый.	2. Эгоистъ. Самолюбивый.	2. Неуступчи- вый. Упрямый. Несговорчивый. Спорщикъ.	2. Хладно- кровный.
3. Суровый, Грубый.	3. Бурный.	3. Скучный. Задумчи- вый.	3. Скрытый.	3. Несоглас- ный. Проти- ворѣчащий.	3. Безстра- стный. Апа- тичный.
4. Холод- ный.	4. Буйный.	4. Печаль- ный.	4. Затаенный.	4. Беззасти- чивый. Нахаль- ный.	4. Индо- лентный.
5. Без- сердечный. Жестокій.	5. Безпокой- ный. Тревож- ный. Вспыль- чивый.	5. Недоволь- ный.	5. Уклончи- вый. Лѣсти- вый.	5. Безстыд- ный. Кокет- ливый.	5. художе- ственного чувств.
6. Черствый. Бездушный.	6. Нескром- ный. Выс- кочка. Афи- пирующий	6. Несча- стный.	6. Чуждающей- ся. Неуживчи- вый. Бука.	6. Безсовест- ный. Безцере- монный.	6. музыкаль- наго вку- са.
7. Скрыт- ный.	7. Съ душ- комъ. Дерз- кій.	7. Воязливый.	7. Недружелюб- ный. Враждеб- ный. Мститель- ный.	7. Недобро- совестный.	7. поэтиче- скаго вку- са.
8. Секрет- ничающий. Злоумыш- ленный.	8. Недовѣр- чивый. По- дозрѣваю- щий. Скеп- тикъ.	8. Песси- мистъ.	8. Недоброже- лательный. За- вистливый. Злобный. Зло- стный.	8. Невѣр- ный. Обман- чивый.	8. сцениче- скаго дра- матиче- скаго та- ланта.
9. Антипа- тичный. Не- располагаю- щий. Оттал- кивающий.	9. Стрѣля- ный куликъ.		9. Антипати- зирующий.	9. Нечест- ный. Подло- ватый.	9. оратор- скаго та- ланта, кра- снорѣчя.
			10. Непривѣт- ливый.	10. Хитрый. Лживый.	10. лектор- скаго та- ланта.
			11. Равнодуш- ный.	11. Непоч- тительный.	11. Прозаи- ческий.
			12. Измѣнчи- вый.	12. Нечи- стивый.	12. Матеріа- листъ.
			13. Деревян- ный. Ненави- дящий.	13. Свобо- домысля- щий.	
			14. Безжало- стный. Безу- частный.		
			15. Скупой. Алчный.		
			16. Малодуш- ный.		
			17. Мелкая душа. Мелоч- ной.		

чества характера.

С. Активный.

Д. Интеллектуальный.

а.	б.	с.	И н т е л л е к т ь		
Потенциальная энергия.	Актуальная энергия.	Энергия съ задержаніемъ рефлексовъ.	субъективной дѣятельности.	объективной дѣятельности.	практическаго склада.
1. Женственный. Избалованный. Изнѣженный.	1. Неподвижный.	1. Неуравновѣшенный. Странный. Чудакъ. Оригиналъ.	1. Глупый. Тупой. Ограниченный.	1. Губящій. Разрушающій.	1. Неблагоразумный.
2. Слабый.	2. Неповоротливый. Медлительный.	2. Несдержанный. Распущенный.	2. Неразумный.	2. Неизобрѣтательный. Пороху не сочинить.	2. Нѣтъ царя въ голѣвѣ.
3. Несамостоятельный	3. Уваленъ.	3. Невоздержный.	3. Неразсудительный. Безразсудный.	3. Непредпримчивый.	3. Безтолковый.
4. Подражательный.	4. Недвижный.	4. Неумѣренный. Крайшій.	4. Несообразительный.	4. Безталанный. Бездарный.	4. Несмѣтливый.
5. Зависимый.	5. Лѣнивый.	5. Неосторожный.	5. Опасливый.		5. Недогадливый.
6. Обидчивый.	6. Вялый.	6. Пустой. Легкомысленный.	6. Нелюбопытный.		6. Не любопытный. Ни чѣмъ не интересующійся.
7. Шаткій.	7. Инерціонный.	7. Невнимательный. Разсѣянный.	7. Неразвитый.		7. Неостроумный.
8. Непостоянный.	8. Пугливый.	8. Неточный. Безпечный.			8. Наводящій скуку, тоску.
9. Неумѣренный въ себѣ.	9. Трусъ.	9. Не надежный.	8. индуктивнаго.		
10. Безпомощный.	10. Страшливый.	10. Небрежный.	9. дедуктивнаго.		
11. Не сознающій собственнаго достоинства. Припущенный. Низкоколенный.	11. Несмѣлый.	11. Неаккуратный.	10. конкретнаго.		
12. Податливый.			11. абстрактнаго.		
13. Отрицательный. Сомнительный.	12. Нерѣшительный. Тряпичный. Раздумывающій.	12. Беспорядочный. Недисциплинированный.	12. синтетическаго.		
14. Поверхностный.	13. Недѣятельный.	13. Безтактный.	13. аналитическаго.		
15. Нетерпѣливый. Капризный.	14. На помощахъ.	14. Безхарактерный.	14. Неспособный.		
16. Беззаботный.	15. Бьющій баклуши. Праздный.	15. Неприличный.			
17. Неуспѣвающая.	16. Празднолюбивый.	16. Неумѣжливый. Циничный.			
		17. Неэкономный. Мотъ. Расточительный.			

ніямъ, слѣдовательно, указываетъ воспитателямъ, въ какую сторону направлять умъ учащагося, какія его занятія поощрять, какими пренебрегать. Вообще, означенные термины мы считаемъ весьма существенными при составленіи характеристикъ учащихся въ средней и высшей школѣ.

Наконецъ, остановимся еще на обозначеніи понятія „жизненности“, имѣющей высокое значеніе при опредѣленіи фізіологической природы человѣка.

Жизненность, жизнеспособность характеризуется собственно наличностью двухъ способностей, а именно, способностями *аккомодационной* и *реакціонной*, т. е. способностью приспособляться къ обычнымъ, нормальнымъ условіямъ среды и способностью реагировать, противодействовать вреднымъ, опаснымъ ея вліяніямъ.

Необходимость заставляетъ каждого приспособляться къ той мѣстности, тому климату (resp. къ условіямъ температуры, влажности, вѣтровъ, барометрическаго давленія), тому пищевому и вещевому довольствію, какими ему приходится пользоваться по условіямъ его семейнаго и общественнаго положенія. Подобное приспособленіе совершается большинствомъ обыкновенно легко, непринужденно, какъ-бы само собою, труднѣе же дается оно лицамъ, мѣняющимъ привычныя издавна условія жизни, переселяющимся въ новую мѣстность, въ новый климатъ. Такія лица болѣе или менѣе чувствительно и долго страдаютъ отъ этого и тѣлесно, и нравственно въ своей работоспособности. Крѣпкій и здоровый субъектъ легче и лучше приспособляется ко всякой санитарной обстановкѣ и почти не терпитъ отъ нея особенныхъ лишеній, слабый же и болѣзненный страдаетъ болѣе или менѣе долгое время, а иногда оказывается и совершенно неспособнымъ къ ней приспособляться и даже болѣть отъ нея и погибаетъ. Педагоги должны быть снисходительны къ такимъ учащимся и, конечно, отмѣчать означенныя условія въ характеристикѣ.

Подъ аккомодационною мы собственно подразумѣваемъ способность тѣлесную, хотя она не менѣе можетъ относиться и къ нравственной, и къ интеллектуальной сторонамъ природы учащагося. Иной юный субъектъ никоимъ образомъ или съ особеннымъ трудомъ въ состояніи приспособляться къ окружающей обстановкѣ; онъ не переноситъ нравовъ и обычаевъ среды; не можетъ свыкнуться съ мало-мальски непріятными ему чертами въ поведеніи товарищей и воспитателей, и живетъ мученикомъ изъ-за невозможности ужиться съ окружающими. Конечно, съ такой несчастной аккомодационной способностью не только ученье, но и самая вообще жизнь становится невыносимой; если же такому субъекту и удастся примириться съ своей судьбой, то это требуетъ

весьма продолжительнаго срока, а пожалуй, и жертвъ здоровьемъ и счастьемъ.

Подмѣтитъ въ учащемся аккомодационную способность не особенно трудно: мы, по крайней мѣрѣ, весьма часто находимъ въ характеристикахъ такія выраженія, какъ „уживчивый“, „практичный“, „уступчивый“, „согласный“, „мирный“, „покладистый“, т. е. выраженія, прямо указывающія на аккомодационную способность, на умѣнье приспособляться.

Подъ реакціонною понимаютъ способность переносить безнаказанно вредныя, опасныя для здоровья и жизни вліянія. Сравнительно съ аккомодационною реакціонная способность наблюдается въ тѣлѣ весьма здоровомъ и крѣпкомъ, значительно закаленномъ. При такихъ качествахъ человекъ не только не боится обычныхъ, ежедневныхъ невзгодъ и лишений, но не опасается долгаго голоданія, пораненій, сильной простуды, даже ядовитыхъ веществъ, разныхъ заразь и т. п. Счастливы тотъ, кому удастся воспитать въ себѣ реакціонную способность, и, наоборотъ, достоинъ полнаго сожалѣнія субъектъ, который страдаетъ и побѣждается при первой антисанитарной погрѣшности. Молодые люди, обладающіе описываемой способностью, оказываются лучшими учащимися въ заведеніи: корректными, прилежными, довольными и счастливыми. Педагоги отмѣчаютъ такихъ субъектовъ словами „выносливый“, „молодецъ“, „неуязвимый“, „ничего не боится“, „закаленный“ и т. д.

Подъ словомъ „жизненный“ разумѣется обыкновенно субъектъ „полный жизни“ и „жизнерадостный“. Полный жизни тотъ, кто обладаетъ жизненностью не въ примѣръ другимъ, въ высокой степени; жизнерадостный же тотъ, кто веселъ, доволенъ, счастливъ своею жизненностью. Жизнерадостный характеризуется эмоціональнымъ оттѣнкомъ, жизненный—активнымъ, а полный жизни—полный сознаниемъ и чувствомъ жизни, оттѣнкомъ интеллектуальнымъ. Такъ какъ ни въ одномъ изъ нихъ не выражена ясно ни апноэтическая, ни диспноэтическая реакція, а видно лишь стремленіе въ сторону то болѣе интеллектуальности, то болѣе эмоціональности, то болѣе активности, то мы считаемъ цѣлесообразнымъ всѣхъ ихъ отнести къ категоріи характера индифферентнаго.

При описаніи тѣлосложенія, темперамента и характера мы не разъ упоминали о томъ, что типы ихъ тѣмъ выше, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе жизненны, т. е. чѣмъ болѣе отличаются аккомодационною и реакціонною способностями. Теперь прибавимъ только, что способности эти не только даются природою, но и пріобрѣтаются раціональнымъ санитарнымъ уходомъ и воспитаніемъ, поэтому наличность ихъ у учащихся должна заслуживать особеннаго вниманія и даже культивированія со стороны педагога.

Мы могли бы войти по поводу терминовъ въ дальнѣйшія подробности, однако, считаемъ справедливымъ ограничиться сказаннымъ, такъ какъ полагаемъ, что лица, интересующіяся дѣломъ составленія характеристикъ, могутъ съ своей стороны не только пополнить недостатки нашего списка, но и исправить его неточности, что для насъ было бы весьма желательно и полезно.

Распредѣливъ всѣ наичаще встрѣчаемыя особенности четырехъ основныхъ типовъ характеровъ по четыремъ отдѣламъ, каждый же отдѣлъ—по тремъ группамъ, мы получили двѣ таблицы, изъ коихъ одна намѣчаетъ особенности характеровъ положительнаго, другая же особенности отрицательнаго свойства *). Всѣхъ особенностей оказалось въ первой таблицѣ около ста пятидесяти, во второй около двухсотъ двадцати пяти, всего около трехсотъ семидесяти пяти. Такимъ образомъ, въ распоряженіи пользующагося таблицею имѣется достаточное количество терминовъ для характеристики личности любого учащагося, по крайней мѣрѣ, до послѣдующей, болѣе полной и совершенной разработки затронутого нами вопроса.

Какъ ни важно ознакомленіе съ особенностями характера наблюдаемаго субъекта, ознакомленіе это всегда будетъ одностороннее, недостаточно, слѣдовательно, несовершенно, если не идетъ объ руку съ одновременнымъ изученіемъ тѣлосложенія и темперамента. Правда, градація типовъ характера чаще соотвѣтствуетъ градаціи типовъ тѣлосложенія и темперамента, а именно, характеру индифферентному отвѣчаютъ тѣлосложеніе клѣтчатковое и темпераментъ флегматическій, характеру эмоціоальному отвѣчаютъ тѣлосложеніе эпителиальное и темпераментъ сангвиническій, и т. д.; однако, всегда оказываются возможными типы смѣшанные, подчасъ крайне затрудняющіе распознаваніе и требующіе болѣе или менѣе продолжительнаго наблюденія и изслѣдованія. Одно можно сказать, что характеры смѣшанные комбинируются чаще изъ типовъ смежныхъ и рѣже изъ типовъ несмежныхъ, тѣмъ не менѣе встрѣчаются, особенно въ интеллигентномъ обществѣ, самыя странныя, неожиданныя комбинаціи характера, неподдающіяся объясненію.

Тѣлосложеніе, темпераментъ и характеръ, указывающіе на анатомическую, фізіологическую и психологическую природу субъекта, представляютъ возможность приблизительно ориентироваться въ опредѣленіи его индивидуальности. Легче всего распознается тѣлосложеніе, труднѣе уже—темпераментъ, характеръ-же или психологическая природа учащагося требуетъ наибольшихъ знанія и опыта, а главное, терпѣнія и времени со стороны *изслѣдователя*.

*) См. таблицы и Алфавитный указатель качествъ характера.

Въ дополненіе ко всему тому, что было сказано о тѣлосложеніи, темпераментѣ и характерѣ учащагося, т. е. объ анатомическихъ, фізіологическихъ и психологическихъ признакахъ его организаціи, слѣдуетъ обратить вниманіе и на основныя умственныя способности ребенка, играющія роль въ дѣлѣ умственнаго воспитанія и обученія, т. е. существенныя въ отношеніи педагогическомъ. Этихъ способностей собственно четыре: способность запоминанія (*память*), способность интересоваться, увлекаться предметомъ занятій (*интересъ*), способность сосредоточиваться на немъ (*вниманіе*) и способность соображать, понимать, усваивать предметъ (*пониманіе*).

„Память можно разсматривать“, по мнѣнію Джемса, „съ точки зрѣнія ея потенціальности или актуальности. Въ первомъ случаѣ она уподобляется складочному мѣсту, во второмъ же мы имѣемъ дѣло съ особыми явленіями воспроизведенія (воспоминанія). Память содержитъ массу всевозможныхъ пережитыхъ фактовъ, которые не возвращаются, но которые могутъ быть воспроизведены, разъ только данъ толчокъ“.

Память есть свойство организованнаго вещества (Герингъ), которое можетъ быть совершенствуемо на основаніи извѣстныхъ условий, каковы: 1) сила раздраженія, 2) продолжительность или повтореніе его, 3) сосредоточеніе на немъ вниманія и 4) припоминаніе его по связи съ другими раздраженіями (Гротъ).

Все усовершенствованіе памяти заключается въ образованіи ряда ассоціацій съ тѣми многочисленными объектами мысли, которые нужно удержатъ въ головѣ. Никакое развитіе не можетъ, повидимому, усовершенствовать общую воспріимчивость человѣка. Она представляетъ собою фізіологическое свойство, данное человѣку разъ навсегда вмѣстѣ съ его организаціей. Свойство это измѣняется въ зависимости отъ состоянія здоровья; оно лучше, когда человѣкъ свѣжъ и бодръ, и хуже, когда онъ утомленъ или боленъ.

Прирожденная воспріимчивость колеблется въ зависимости отъ общаго состоянія здоровья человѣка: что хорошо для здоровья, то хорошо и для памяти... Можно даже сказать, что любое интеллектуальное упражненіе, усиливающее питаніе мозга и повышающее общій тонъ его дѣятельности, окажется полезнымъ и для общей его воспріимчивости (Джемсъ).

Такимъ образомъ, оказывается, что способность памяти дана со дня рожденія, но что, по мѣрѣ улучшенія способностей вниманія и соображенія, она въ состояніи болѣе и болѣе совершенствоваться и достигать въ пору отрочества, юношества и возмужалости наибольшей силы и полноты. Все это указываетъ, значить, на то, что памятью отнюдь не

слѣдуетъ злоупотреблять въ дѣтствѣ (что дѣлають родители и педагоги), но что еѹ надо пользоваться, какъ имѣющеюся только наготовѣ, въ распоряженіи ребенка. Зачатки интереса, вниманія и пониманія, правда, тоже имѣются у ребенка, но только память составляетъ у него способность основную, предпочтительную предъ остальными способностями его духовной природы.

Смотря по особенностямъ организаціи центральной нервной системы память оказывается наиболѣе годною для воспріятія или зрительныхъ, или слуховыхъ, или двигательныхъ впечатлѣній. Школа не должна собственно противо-дѣйствовать образованію у ребенка того или другого типа памяти, хотя надо замѣтить, что наиболѣе выгоднымъ изъ всѣхъ односторонне-развитыхъ типовъ слѣдуетъ признать, повидимому, типъ зрительный. Нѣкоторыми (Шрадеръ и др.) допускается, что изученіе словесныхъ, классическихъ наукъ болѣе подходитъ къ субъектамъ, обладающимъ памятью слуховой, а изученіе наукъ естественныхъ, реальныхъ къ субъектамъ, сильнымъ зрительной памятью *), однако, наблюденія показываютъ, что идеаломъ воспитанія памяти должно признать болѣе или менѣе гармоническое упражненіе и развитіе всѣхъ трехъ типовъ памяти въ каждомъ учащемся.

Сродна памяти и замѣтна съ раннихъ лѣтъ въ ребенкѣ способность подражанія.

Обладающій хорошою памятью легко воспринимаетъ и усваиваетъ движенія и дѣйствія окружающихъ. Восприниманіе происходитъ произвольно, безъ принужденія, и воспринимаящій или подражающій безъ труда и напряженія обогащается обильнымъ запасомъ готовыхъ представленій и понятій, готовыхъ мимическихъ и фیزیомимическихъ движеній, содѣйствующихъ его воспитанію и образованію.

Далѣе. Такъ какъ восприниманіе, запоминаніе совершается при посредствѣ чувствительныхъ нервовъ и органовъ внѣшнихъ чувствъ, то этимъ анатомическимъ агентамъ дается возможность болѣе или менѣе успѣшно упражняться и развиваться на пользу тѣлеснаго и духовнаго совершенствованія. Такимъ образомъ, для субъекта, обладающаго хорошою памятью, является возможность выказать свою индивидуальную специфическую энергію, свои особенности. Мы уже сказали, что обыкновенно встрѣчаются три

*) Подтвержденіемъ этому служить и положеніе, высказанное нашимъ педагогомъ-психологомъ А. П. Нечаевымъ въ его сочиненіи „Ueber Memorieren“ (Samml. v. Abhandl. aus d. Geb. d. pädag. Psych. u. Physiol. V. Bd 5 Heft. 1902 S. 17). Авторъ говоритъ: „Мои изслѣдованія показали, что ученики, относившіеся по памяти къ зрительно-моторному типу, считали для себя словесные предметы трудными, а естественно-научные легкими. И, наоборотъ, для учениковъ, относившихся къ моторно-слуховому типу, словесные предметы оказывались легкими, естественно-историческіе же—трудными“.

разновидности памяти (зрительная, слуховая, моторная): добавимъ, что, хотя рѣже, наблюдаемы бываютъ и память осязательная, и вкусовая, и обонятельная, пожалуй, и температурная. Эти виды памяти вліяютъ на человѣка не только въ тѣлесномъ, но и въ нравственномъ, и въ умственномъ отношеніи, и потому не могутъ, наравнѣ съ памятью зрительной и слуховой, не обращать вниманія педагога и врача, какъ это, однако, часто встрѣчаемъ мы относительно дѣтей въ школьной жизни, да, пожалуй, и въ родительскомъ домѣ.

Способности памяти и подражанія составляютъ свойства тѣлесной организаціи, съ тою развѣ разницею, что память какъ будто бы болѣе отличается характеромъ произвольности, инстинктивности, нежели подражаніе. Обѣ способности являются въ полной силѣ въ пору дѣтства, хотя не перестаютъ обнаруживаться замѣтно и въ отрочествѣ.

Джемсъ говоритъ: „подражаніе свойственно ребенку *par excellence*. Каждый изъ насъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть, почти исключительно обязанъ инстинкту подражанія. Каждое поколѣніе просто-на-просто подражаетъ предшествовавшему. Изобрѣтеніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, и подражаніе это, можно сказать, двѣ ноги, на коихъ человѣческая раса прогрессировала въ исторіи. Подражаніе незамѣтно переходитъ въ соревнованіе. Послѣднее служитъ пружиной, побуждающей къ подраженію тому, что дѣлаютъ другіе, чтобы не стать ниже ихъ. Какъ подражаніе переходитъ въ соревнованіе, такъ точно соревнованіе постепенно превращается въ честолюбіе, тѣсно связанное, въ свою очередь, со страстью къ борьбѣ и гордостью. Эти пять инстинктивныхъ наклонностей образуютъ тѣсно связанную группу факторовъ, которые часто съ трудомъ могутъ быть разграничиваемы при опредѣленіи многихъ нашихъ дѣйствій“.

Упоминая о тѣсно связанныхъ между собою означенныхъ пяти факторахъ, мы должны присовокупить, что, хотя они и могутъ переходить другъ въ друга, однако, переходъ этотъ замѣчается отнюдь не часто въ возрастѣ дѣтскомъ, даже отроческомъ, чаще же въ возрастѣ юношескомъ и возмужаломъ. Имѣть, впрочемъ, переходъ этотъ въ виду слѣдуетъ потому, чтобы быть на-сторожѣ отъ ранняго обнаруженія его въ отроческомъ, въ особенности же въ дѣтскомъ возрастѣ, и нужно бороться противъ него всѣми возможными средствами.

Съ тѣлеснымъ возрастаніемъ и развитіемъ ребенка обнаруживается способность интересоваться предметами и явленіями окружающаго. Способность эта точно такъ же характеристична для отрока, какъ способность запоминанія характеристична для ребенка.

Гербартъ опредѣлялъ интересъ, какъ самодѣятельность; онъ считалъ его душевнымъ состояніемъ, наиболѣе благо-

пріятнымъ для дѣятельнаго отношенія къ явленіямъ. Интересъ ребенка выражается въ видѣ или любопытства, которое проявляется или въ простѣйшей, чувственной формѣ, или же въ формѣ болѣе научной (любопытности). Чувственное любопытство вызывается преимущественно предметами конкретными, предметами движущимися, живыми существами, человѣческими дѣйствіями и рассказами, содержаніемъ коихъ служатъ эти послѣднія. Всѣмъ этимъ дѣтское вниманіе затрогивается болѣе, чѣмъ отвлеченностями. Тутъ видимъ мы, въ свою очередь, выгодныя стороны наглядныхъ методовъ обученія и обученія ручному труду. Теоретическое же научное любопытство, касающееся причинныхъ отношеній между отдѣльными предметами, едва-ли встрѣчается ранѣе юношескаго возраста.

Способностью интереса къ предмету, какъ особенно свойственной отрокамъ, слѣдуетъ пользоваться при сообщеніи знаній въ этомъ возрастѣ, но отнюдь не насиловать ихъ вниманія и пониманія. Правда, вопросъ объ интересѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о вниманіи; правда, интереснымъ предметомъ считается тотъ, который вызываетъ большее вниманіе, однако, вѣрно и то, что работа въ классѣ идетъ обыкновенно тѣмъ легче и пріятнѣе, когда учитель болѣе рассчитываетъ на вызовъ со стороны учениковъ интереса, нежели на напряженное вниманіе. Трудно, конечно, требовать, чтобы каждый шагъ при обученіи былъ интереснымъ: надо понемногу приучать учащагося къ напряженію, къ болѣе или менѣе сосредоточенному вниманію, тѣмъ не менѣе при занятіяхъ съ отроками, главнымъ образомъ, приходится все-таки рассчитывать не столько на вниманіе, сколько на интересъ, на увлекательность предмета.

Третьею основною психическою способностью оказывается способность вниманія.

Вниманіе есть состояніе, сопровождающее проясненіе психическаго содержанія и характеризующееся своеобразнымъ чувствомъ напряженности. При вниманіи повышается нервно-мышечный тонусъ, принимаетъ участіе мышечная система. Этимъ, конечно, и объясняется, что оно наиболѣе бываетъ выраженнымъ у субъектовъ мышечнаго тѣлосложенія и активнаго характера.

Относительно типа вниманія наблюдаются значительныя природенныя различія. Одни ученики по природѣ разсѣянны, другіе же—наоборотъ—способны легко слѣдить за самымъ сложнымъ теченіемъ мысли, не испытывая наклонности отвлекаться посторонними предметами.

Способность къ устойчивому вниманію представляетъ, безъ сомнѣнія, великое благо. Обладающій имъ работаетъ скорѣе и съ меньшею тратой нервной энергіи, тѣмъ тотъ, кто лишенъ его. Джемсъ, однако, полагаетъ, что не обла-

дающій эту способность отъ природы едва ли въ состояніи будетъ пріобрѣсти ее въ достаточной степени при посредствѣ упражненія или дисциплины.

Джемсъ обстоятельно знакомитъ педагога съ положеніемъ вопроса о вниманіи.

Такъ, онъ доказываетъ, что вниманіе относится а) или къ воспріятіямъ (вниманіе *чувственное*), б) или къ воспроизведеннымъ представленіямъ (вниманіе *интеллектуальное*).

Это послѣднее можетъ быть: с) *непосредственнымъ* или д) *опосредствованнымъ* (*апперцептивнымъ*).

При непосредственномъ вниманіи предметъ интересенъ самъ по себѣ, при опосредствованномъ же предметъ связанъ съ непосредственно интересующимъ насъ предметомъ.

Наконецъ, вниманіе можетъ быть или е) *пассивнымъ*, *рефлекторнымъ*, *непроизвольнымъ*, не сопряженнымъ ни съ какимъ усиленіемъ, или ф) *активнымъ*, *произвольнымъ*.

Непроизвольное вниманіе, направленное на воспроизведенныя представленія, непосредственно, если мы слѣдимъ мыслью за рядомъ образовъ, которые сами по себѣ привлекательны и интересны; оно же опосредствованное (*апперцептивное*), когда объекты интересуютъ насъ, какъ средства для осуществленія болѣе отдаленной цѣли, или просто въ силу ассоціацированія ихъ съ какимъ-либо предметомъ, который придаетъ имъ цѣнность.

Произвольное вниманіе продолжается не долѣе нѣсколькихъ секундъ подъ-рядъ. То, что называется „поддержкой“ произвольнаго вниманія, въ сущности, есть повтореніе послѣдовательныхъ усилій сосредоточить вниманіе на извѣстномъ предметѣ. Никто не можетъ непрерывно сосредоточивать вниманіе на неизмѣняющемся объектѣ мысли.

Если мы хотимъ сосредоточить вниманіе на опредѣленномъ объектѣ, то намъ необходимо постоянно открывать въ немъ все новыя и новыя стороны, въ особенности, когда отвлекаетъ насъ отъ него какой-либо посторонній импульсъ.

„Поддерживаемое“ вниманіе развивается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ богаче оно матеріалами, чѣмъ болѣе отличается свѣжестью и оригинальностью воспринимающей умъ... Такой умъ дѣлаетъ все новыя и новыя выводы, постоянно укрѣпляя вниманіе. Интеллектъ же, бѣдный знаніями, неподвижный, неоригинальный, едва ли будетъ въ состояніи долго сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ. Интересъ къ данному предмету у такого лица ослабѣваетъ чрезвычайно быстро.

Если ученикъ интересуется предметомъ, то, несмотря на препятствія занятіямъ, несмотря на отвлекающія вліянія, онъ будетъ все-таки возвращаться къ предмету и сравнительно извлечетъ изъ него болѣе и достигнетъ большихъ результатовъ, нежели ученикъ, вниманіе котораго будетъ удерживаться непрерывно-напряженнымъ, но интересъ ко-

того къ предмету будетъ менѣ интензивенъ и менѣ продолжителенъ. Люди, отличающіеся значительною работоспособностью, бываютъ рѣдко крайне разбѣяны.

Вниманіе поддерживается, въ свою очередь, благодаря и пониманію. Чѣмъ легче усваивается предметъ, чѣмъ болѣе матеріала представляетъ онъ для ума и соображенія, тѣмъ болѣе вызываетъ онъ и вниманія. И, наоборотъ, предметъ, мало доступный пониманію или дающій мало работы для мышленія, требуетъ обыкновенно болѣе или менѣ напряженнаго вниманія или совсѣмъ его не затрагиваетъ. Можно, конечно, заставить учащагося быть внимательнымъ, но мѣра эта едва ли заслуживаетъ одобренія, такъ какъ крайне усиливаетъ нервную систему и не общаетъ желаемаго дѣйствія. Да и вообще къ мѣрѣ этой обращаются рѣдко и развѣ только въ крайнихъ случаяхъ.

Вниманіе цѣнно тогда, когда оно дается легко, безъ принужденія, когда оно дѣйствуетъ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, словомъ, когда оно само, помимо воли, является къ услугамъ и поддерживается безъ затрудненія весьма продолжительные сроки. Такого рода вниманіе мы дѣйствительно и встрѣчаемъ у лицъ мышечнаго, мышечно-нервнаго и нервнаго тѣлосложенія, у субъектовъ холерическаго или меланхолическаго темперамента и у людей активнаго или интеллектуальнаго характера. Такія лица отличаются не только способностью вниманія, но легкой и продолжительной сосредоточиваемостью на любомъ предметѣ занятій, сдерживаемостью въ поступкахъ своихъ и дѣйствіяхъ (способностью успѣшно задерживать рефлексы и способностью къ кропотливымъ, терпѣливымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ). Наконецъ, эти же лица болѣе легко и свободно подчиняются всякимъ дисциплинарнымъ правиламъ и оказываются какъ въ школѣ, такъ и въ практической жизни образцами благовоспитанности и законности.

Старательность (усердіе) въ занятіяхъ и корректность въ поведеніи—свойства, особенно присущія субъектамъ, отличающимся способностью вниманія, болѣе часто оцѣниваются и отличаются преподавателями и классными наставниками въ характеристикахъ и имѣются въ виду начальствомъ заведенія. И, дѣйствительно, качества эти весьма характеристичны, когда идетъ рѣчь о способности учащагося сосредоточиваться на работѣ, объ его работоспособности.

Завершеніемъ группы основныхъ способностей ума служитъ *пониманіе*—способность усвоенія представлений и понятій, превращенія ихъ, такъ сказать, въ собственную плоть и кровь. Какъ интересъ можно было бы уподобить позыву, аппетиту на умственную пищу, память—пріему ея, вниманіе—перевариванію, такъ пониманіе слѣдовало бы на-

звать ассимилированіемъ пищи, химическимъ ея превращеніемъ.

Въ первыя 7—8 лѣтъ жизни человѣкъ болѣе всего интересуется чувственными признаками вещественныхъ предметовъ, обогащается конкретными представленіями и понятіями; воспринимать же въ болѣе отвлеченной формѣ, открывать скрытыя сходства и различія вещей и разсматривать ихъ со стороны причинъ и дѣйствій—становится человѣческій умъ способнымъ только по достиженіи юношескаго возраста, послѣ поры полового развитія. Въ возрастѣ возмужаломъ устанавливается интересъ уже къ систематическимъ абстрактнымъ отношеніямъ, пріобрѣтаются соціологическія представленія и метафизическія отвлеченности. Зачатки чисто умственного любопытства и пониманіе отвлеченныхъ выраженій наблюдаются у ребенка довольно рано, наглядно же ведутъ преподаваніе потому, чтобъ облегчить его помощью конкретныхъ представленій. Дѣти могутъ тоже интересоваться отвлеченнымъ, если только сдѣланъ подходящий его выборъ: это много зависитъ отъ учителя.

Каждое вступающее въ сознаніе впечатлѣніе входитъ въ связь съ имѣющимися уже въ немъ представленіями: короче говоря, ашперценціонный процессъ является результатомъ ассоціаціи представленій. При накопленіи новыхъ опытныхъ данныхъ мы инстинктивно стараемся какъ можно менѣе дѣлать измѣненій въ имѣющемся уже у насъ запасѣ представленій. Мы приискиваемъ только новому данному особое названіе, чтобы ассимилировать его съ имѣющимися уже данными. И обогащеніе знаніями продолжается обыкновенно до извѣстнаго времени (до полнаго возмужанія), за предѣлами коего наступаетъ прямо затишье.

У нормальнаго человѣка при здоровомъ мозгѣ процессъ мышленія совершается вполне правильно, ложные же выводы, заблужденія зависятъ отъ невѣрныхъ посылокъ, следовательно, для правильнаго мышленія, для правильнаго умственного развитія задачею воспитателя будетъ сообщеніе подходящаго учебнаго матеріала. Вотъ почему Бервальдъ (въ сочиненіи своемъ *Ueber die Begabung*) совершенно справедливо говоритъ, что для успѣшнаго умственного развитія могутъ служить собственно три средства: чтеніе, составленіе сочиненій и философская пропедевтика, все же остальное, а именно тѣ или другіе учебные предметы даютъ только матеріалъ, который можно всякому пріобрѣсти и внѣ школы, и безъ помощи учителей.

Пониманію каждаго отнюдь не доступны одинаково всѣ отрасли знаній. Доступными оказываются такъ-называемые общеобразовательные предметы, да и то въ большей или меньшей степени, спеціальные же предметы имѣютъ своихъ

избранниковъ. Нѣкоторые держатся того мнѣнія, что упражнять и развивать умъ можно на любомъ предметѣ, поэтому слѣдовало бы допустить, что человѣкъ, специализировавшійся на извѣстномъ, излюбленномъ предметѣ, не имѣлъ бы нужды въ общеобразовательныхъ предметахъ. На это отвѣчать, однако, не легко.

Распредѣливъ школьныя знанія на двѣ категоріи (какъ принималъ покойный профессоръ въ Лозанѣ Левенталь), на учебныя орудія (грамота, письмо, счисленіе, мораль) и учебныя предметы (курсовые), считая первыя безусловно необходимыми для каждаго, можно было бы изъ двухъ серій учебныхъ предметовъ, т. е. историко-филологическихъ и физико-математическихъ дозволить молодымъ людямъ специализироваться или на тѣхъ или на другихъ, еслибы для всѣхъ нихъ были обязательны естественно-историческія или біологическія (resp. антропобіологическія) знанія. Но до такого учебнаго плана едвали дойдутъ скоро, и потому придется, вѣроятно, десятки еще лѣтъ сидѣть на излюбленныхъ классической и реальной системахъ или, точнѣе, на нынѣ благополучно дѣйствующей учебной системѣ на псевдо-классической или реальной подкладкѣ. При такомъ положеніи дѣла вся надежда относительно умственнаго развитія учащихся можетъ быть возложена на слѣдованіе только-что упомянутому совѣту учащимся г. Бервальда: наивозможно болѣе читать, писать сочиненія и практиковаться въ логикѣ. Во всякомъ же случаѣ, для совершенствованія способности пониманія нужно признать обязательнымъ разумный выборъ учебнаго матеріала, годнаго служить цѣлямъ раціональнаго воспитанія и образованія юнаго поколѣнія. Держась же того воззрѣнія, что воспитать человѣка значитъ сдѣлать его причастнымъ всѣмъ благамъ современной культуры (Левенталь), и зная, что культура эта давно уже выдвинула на первый планъ или, по крайней мѣрѣ, поставила на одинаковыхъ правахъ съ дѣйствовавшими абстрактными и дедуктивными знаніями и знанія конкретныя и индуктивныя, надо ввести въ жизнь школы такой планъ, по которому естественно-историческія науки стали бы основой образованія, на ряду съ знаніями филологическими и математическими. Этимъ путемъ доставленъ будетъ учащимся умственный матеріалъ, годный имъ по возрастнымъ ихъ силамъ и способностямъ, т. е. доступный вполне ихъ пониманію.

Способность пониманія свойственна предпочтительно возрасту возмужалому. Проявляется она во всей силѣ, главнымъ образомъ, у лицъ нервнаго тѣлосложенія, меланхолическаго темперамента, интеллектуальнаго характера, слѣдовательно, на высшихъ ступеняхъ психофизиологической организаціи. Въ педагогической практикѣ, при опредѣленіи способности пониманія, послѣдняя принимается въ соображеніе

Большую частью не во всей ее полнотѣ и цѣлостности, но отмѣчается та или другая ее частность, черта, отмѣнокъ. Такъ, упоминается просто о сознательности учащагося (относится ли онъ къ дѣлу сознательно или машинально), или ученикъ характеризуется словами „умный“, „разумный“, „разсудительный“, „сообразительный“, „толковый“, „способный“, „талантливый“ (словами положительнаго достоинства) или же словами противоположнаго значенія (отрицательнаго достоинства), какъ-то: „глупый“, „несообразительный“, „безтолковый“, „тупой“ и т. д. Отмѣчаютъ, что ученикъ „хорошо усваиваетъ преподаваемое“, „прекрасно передаетъ преподаваемое словами“, „понятно излагаетъ свою мысль“, а въ отношеніи къ искусствамъ или ремесламъ: „хорошо владѣть техникой“, „ловокъ“, „изобрѣтателенъ“ и т. п. Опредѣляютъ ученика и въ болѣе общихъ выраженіяхъ: „ученикъ развитый“, „самостоятельный“, „самодѣятельный“, „хорошо успѣваетъ въ занятіяхъ“, „очень обогащается знаніями“, „сильно подвинулся впередъ“ и т. д.

Пониманіе служить центромъ тяжести вниманія педагоговъ къ учащимся, и потому не удивительно, что въ характеристикахъ преобладающее число замѣтокъ падаетъ на особенности этой именно способности. Правда, съ замѣтками о пониманіи значительно конкурируютъ замѣтки и о вниманіи, однако, детальность и обстоятельность описанія педагогами способности пониманія обыкновенно сильно берутъ перевѣсъ надъ таковыми же по способности вниманія. Что же касается сравненія описанія пониманія съ описаніемъ памяти и интереса учащихся, то о немъ не стоитъ и говорить: о памяти и интересѣ встрѣчаются прямо случайныя, сомнительныя, ничтожныя замѣчанія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ опытѣ изслѣдованія умственныхъ способностей 0,25% замѣтокъ падало на память, 9,23% на интересъ, 28,47% на вниманіе и 35,04% на пониманіе учащихся. Всѣхъ замѣтокъ сдѣлано было такимъ образомъ относительно 73% учащихся. Надо, впрочемъ, сказать, что въ означенномъ опытѣ отмѣчены были и отрицательныя стороны умственныхъ способностей, которыя выразились въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи: 18% замѣтокъ падало на память, 11,41% на интересъ, 20,22% на вниманіе и 21,62% на пониманіе. Всего 44,95%. Конечно, цифры эти представляютъ не что иное, какъ рядъ голыхъ фактовъ, дающихъ приблизительное понятіе о состояніи умственныхъ способностей извѣстной группы учащихся, но отнюдь не выясняющихъ настоящаго положенія дѣла. Чтобы судить объ умственныхъ способностяхъ какой бы ни было группы дѣтей, необходимо отмѣчать по отношенію къ каждому ученику подробности касательно памяти, интереса, вниманія и пониманія—будетъ ли то въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ,—но никакъ не довольствоваться

ся кое-какими отрывочными замѣчаніями относительно той или другой способности. Обычное составленіе характеристикъ страдаетъ именно отрывочностью и потому не даетъ возможности получить болѣе или менѣе правильное понятіе о полной картинѣ умственного содержанія учащагося.

Для полной характеристики учащагося, кромѣ описанныхъ явленій физиологической и психологической его жизни, желательнo было бы имѣть свѣдѣнія о его біографіи, т. е. свѣдѣнія о его воспитаніи и гигиеническомъ режимѣ въ пору до-школьную и школьную (въ бытность въ училищѣ), для каковой цѣли можно было бы воспользоваться листкомъ опросныхъ пунктовъ, дѣйствующимъ въ Петербургскомъ Тенишевскомъ Училищѣ уже въ теченіе шести лѣтъ и оказывающимся весьма полезнымъ и практичнымъ для медико-педагогическаго и гигиеническаго изслѣдованія учащихся. Кромѣ того, для опредѣленія тѣлосложенія и вообще анатомическихъ подробностей организма, находящихся въ тѣсной связи съ психологическими особенностями индивидуума, необходимо собирать свѣдѣнія о наслѣдственности и о состояніи всѣхъ органовъ его тѣла. Такъ какъ свѣдѣнія эти чисто медицинскаго свойства и подлежатъ компетенціи врача, то касаться описанія ихъ мы не будемъ, но укажемъ только для специалиста по школьной гигиенѣ или медико-педагога тѣ данныя, на которыя долженъ онъ обращать вниманіе, когда предстоитъ ему сообщать съ педагогами-психологами изучать и изслѣдовать темпераментъ и характеръ учащихся или, точнѣе, составлять ихъ характеристику въ цѣляхъ установленія рациональнаго воспитанія.

Касательно наслѣдственности замѣтимъ, что часто она играетъ первостепенную, рѣшающую роль въ дѣлѣ тѣлеснаго и душевнаго развитія индивидуума, и что борьба съ нею и побѣда надъ нею требуютъ большаго знанія и опытности со стороны врачей и педагоговъ.

Извѣстный венгерскій демографъ Кореши, на основаніи 24 тысячъ случаевъ, пришелъ къ заключенію, что дѣти, рождающіяся отъ мужчинъ 25—40 лѣтняго возраста, обладаютъ обыкновенно наибольшою выносливостью; дѣти же отцовъ, имѣющихъ менѣе 25 и болѣе 40 л. умираютъ рано. Относительно матерей надо сказать, что рождаемые отъ нихъ дѣти, въ возрастѣ ихъ отъ 20 до 35 л., имѣютъ всего болѣе шансовъ на долголѣтіе; долголѣтность же дѣтей, которыхъ онѣ рожаютъ между 35 и 40 годами—на 8%, а между 40 и 45 годами—на 10%, ниже долголѣтности дѣтей предыдущей категоріи.

Проф. Туринскаго университета Ант. Марро представилъ еще болѣе любопытныя и обстоятельныя данныя по разсматриваемому вопросу.

Возрасть родителей, оказывающий влияние на характеръ и поведеніе юнаго поколѣнія, проф. Марро дѣлитъ на три періода: развитія незаконченнаго, законченнаго и упадка. Первымъ періодомъ считается тотъ, который допускаетъ вступленіе въ бракъ, второй отвѣчаетъ порѣ отъ 26 до 40 лѣтъ и третій—начиная съ 41 г., т. е. съ того времени, когда въ области зрѣнія обнаруживается дальнзоркость и когда является наклонность къ ожирѣнію, этому первому признаку замедленія жизненныхъ процессовъ.

Любопытны результаты, полученные проф. Марро при изслѣдованіи поведенія учениковъ въ школъ по отношенію къ возрасту ихъ отца:

П О В Е Д Е Н І Я:

Возрасть отца.	Хорошаго.	Посредств.	Дурного.
25 л. и менѣе . .	42—44%	30—31%	22—23%
Отъ 26 до 40 л. .	304—47%	216—34%	113—17%
„ 41 г. и болѣе	97—51%	60—31%	32—16%

Изъ учениковъ, отцамъ которыхъ было менѣе 26 лѣтъ, оказывается наибольшее число субъектовъ дурнаго поведенія и наименьшее хорошаго.

По отношенію къ темпераменту на 364-хъ ученикахъ получились слѣдующія цифры:

	Отъ юнаго отца.	Отъ взросл. отца.	Отъ стараго отца.
сангвиниковъ . . .	83%	68%	66%
меланхоликовъ . .	16%	31%	33%

Умственные способности учениковъ (числомъ 917) по отношенію къ возрасту отца оказались:

Лѣта отца.	Хорошія способности. выш.	среднія способности.	Плохія способности. низш.
до 25 л.	44 (5)—48%	22—23%	28 (4)—29%
отъ 26 до 40 л. .	247 (46)—38%	206—32%	181 (35)—28%
„ 41 г. и болѣе.	71 (13)—37%	60—31%	58 (14)—30%

Въ ряду біологическихъ признаковъ заслуживаетъ вниманія долголѣтіе. Изслѣдуя стариковъ въ Туринской богадѣльнѣ, Марро нашелъ, что изъ нихъ произошло отъ

	Отцовъ слишкомъ молодыхъ.	Отцовъ отъ 26 до 40 лѣтъ.	Отцовъ въ возрастѣ 41 г. и позже
Восьмидесятилѣтніе имѣли .	4—10%	23—62%	10—27%
Семидесятилѣтніе имѣли . .	21—13%	78—51%	53—34%

Кромѣ того, любопытно, что отцы этихъ стариковъ въ большинствѣ достигали сами преклонныхъ лѣтъ, что служить доказательствомъ унаслѣдованія дѣтьми отцовъ способности противодѣйствованія жизненнымъ невздамъ. Далѣе. Равнымъ образомъ не лишено значенія отношеніе поведенія учениковъ къ возрасту матерей. Такъ, оказывается, что отъ матерей

П О В Е Д Е Н І Я:

	Хорошаго.	Посредств.	Дурного.
въ возрастѣ до 21 года дѣтей.	53,6%	28,3%	17,7%
" " " 22—36 л. " .	48,3%	33,2%	18,4%
" " " 37 и болѣе лѣтъ	41,3%	41,3%	17,2%

Вліяніе молодости отца на нравственный характеръ дѣтей отличается отъ такового же вліянія матери значительно большею цифрой случаевъ хорошаго поведенія дѣтей, между тѣмъ какъ прогрессированіе лѣтъ матери оказывается въ связи съ ухудшеніемъ поведенія дѣтей.

Отношеніе умственныхъ способностей учениковъ къ возрасту матери таково:

С П О С О Б Н О С Т И:

	Хорошія.	Посредств.	Плохія .
	выш.		ниж.
до 21 г.	43,4% (3,5%)	28,3%	28,3% (3,5%)
отъ 22 до 36 л. .	39,8% (7,8%)	31,5%	28,5% (6,1%)
отъ 37 л. и далѣе .	31,0% (4,6%)	34,4%	34,4% (5,7%)

Наконецъ, остается указать еще на отношеніе поведенія и умственныхъ способностей дѣтей къ юному, возмужалому и пожилому возрасту обоихъ родителей.

Въ числѣ умалишенныхъ въ значительномъ числѣ происходили отъ обоихъ родителей старыхъ субъекты нравственно-безумные, паралитики и ипохондрики; отъ юныхъ родителей число таковыхъ было не велико, отъ обоихъ же родителей среднихъ лѣтъ (26—40 л.) встрѣчалось болѣе всего маниаковъ и меланхоликовъ.

У нормальныхъ дѣтей обоихъ родителей разнаго возраста поведеніе оказывалось:

Родители.	Хорошее.	Посредств.	Дурное.
юные	15—39%	15—39%	8—21%
взрослые . .	268—49%	194—35%	84—15%
старые. . . .	26—41%	26—81%	10—16%

Умственные способности были:

Родители.	Хорошія.	Посредственныя.	Плохія.
	выш.		низш.
юные	18—47% (2%)	8—21%	12—31% (10%)
взрослые	215—39% (4%)	181—33%	150—27% (6%)
старые	22—36% (3%)	10—30%	21—33% (8%)

Сопоставляя субъектов преступных и нормальных, мы наталкиваемся на тотъ фактъ, что первыхъ встрѣчается гораздо менѣе отъ браковъ родителей одинаковаго возраста. По изслѣдованіямъ Марро, 70% родителей учениковъ были одинаковыхъ лѣтъ, а родители преступниковъ только 63%.

Еще болѣе велика разница отношенія браковъ въ трехъ возрастныхъ періодахъ родителей. Такъ,

	Учениковъ норм.	Дѣтей прест.
у обоихъ родит. юнаго возр. насчитывалось	5,8%	11,5%
" " " среднего " "	84,5%	67,4%
" " " пожилого " "	9,5%	21,0%

Только что описанныя данныя необходимо имѣть въ виду педагогамъ не съ одной точки зрѣнія научнаго, теоретическаго интереса, но, главное, съ точки зрѣнія практической, педагогической, такъ какъ сообразно разности возрастныхъ отношеній родителей должны видоизмѣняться средства и мѣры гигиеническаго режима дѣтей и умственнаго и нравственнаго ихъ воспитанія.

Такимъ образомъ, въ числѣ свѣдѣній объ учащемся необходимо должны стоять на видномъ мѣстѣ и свѣдѣнія о возрастѣ и здоровьѣ его родителей.

Листокъ опросныхъ пунктовъ, какимъ руководствуются въ Тенишевскомъ училищѣ, таковъ:

Родился _____ года
(имя и фамилія ребенка).
мѣсяца _____ числа въ _____ вѣроисповѣданія.

В о п р о с ы:

1. Гдѣ провелъ ребенокъ жизнь до школы и, если жилъ въ Петербургѣ, то гдѣ проводилъ лѣто?
2. Каково было здоровье ребенка въ различные періоды жизни отъ рожденія до поступленія въ школу?
3. Не было ли поврежденій головы или другихъ частей тѣла?

4. Не обнаруживает ли особенной склонности къ какому-либо заболѣваніямъ (насморкъ, кашель, заболѣваніе горла и т. п.)?

5. Не случается ли часто поносовъ или запоровъ? Не имѣется ли глистовъ и, если есть, то какіе?

6. Нѣтъ ли нервныхъ симптомовъ: головокруженій, мигрени или другихъ нервныхъ явленій?

7. Не болѣлъ ли: корью, краснухой, скарлатиной, натуральной оспой, вѣтреной оспой, тифомъ брюшнымъ, сыпнымъ, возвратнымъ, дифтеритомъ, воспаленіемъ легкихъ, коклюшемъ, свинкой и, если болѣлъ, то въ какомъ возрастѣ?

8. Какова квартира (сырая, сухая, холодная, чрезмѣрно теплая и т. п.)? Открываютъ ли форточки и какъ часто?

9. Какъ одѣвается ребенокъ лѣтомъ, осенью и зимой дома и выходя на улицу (носить ли фуфайку, кашнѣ, галоши и т. п.)?

10. Сколько разъ въ день ѣсть и что пить (молоко, въ какомъ видѣ, чай, кофе)?

11. Какой пищѣ отдаетъ предпочтеніе: мучной, жирной, сахаристой, мясной, твердой (не любитъ супъ)?

12. Часто ли ходитъ въ баню или беретъ ванну дома?

13. Купается ли лѣтомъ?

14. Обмывается ли водой, какой температуры и весь или только шею?

15. Катается ли на конькахъ, на лодкѣ, верхомъ, на велосипедѣ? Дѣлалъ ли дома какія-либо физическія упражненія (гимнастика, ручной трудъ) и продолжаетъ ли ихъ дома послѣ поступленія въ школу?

16. Когда ложится спать и когда встаетъ? Сколько часовъ спитъ?

17. Характеръ сна: позднее засыпаніе, рано прерывающійся сонъ, сопровождаемый страшными сновидѣніями, сопровождаемый явленіями лунатизма, безсонница?

18. Не посѣщалъ ли ребенокъ до поступленія въ училище дѣтскаго сада, приготовительной школы или другого учебнаго заведенія, и если посѣщалъ, то какое именно и какъ долго?

19. Рано ли стали его учить и чему учили до школы?

20. Учился ли музыкѣ и съ какого возраста?

21. Какими новыми языками занимался дома? Были ли иностранки бонны и гувернантки, съ какого возраста? Говорятъ ли въ семьѣ съ ребенкомъ на иностранномъ языкѣ и на какомъ?

22. Продолжаются ли дома послѣ поступленія въ школу занятія, по какимъ предметамъ и въ какіе часы?

23. Къ чему ребенокъ обнаруживаетъ больше склонности: къ подвижнымъ или сидячимъ играмъ, къ искусствамъ, къ

умственнымъ занятіямъ (чтеніе серьезное или беллетристическое, математика и т. п.)?

24. Особенности характера, замѣченныя родителями (разсѣянность, усидчивость, сосредоточенность, живость, веселость и т. п.).

Подпись родителей

Адресъ родителей

Дополнительныя замѣчанія родителей.

Желающимъ собирать біографическія свѣдѣнія объ ученикѣ, имѣющимъ интересъ для педагога-психолога, мы можемъ указать вполне подходящую, превосходную программу нашего опытнаго специалиста по психологіи П. Ф. Каптерева, составленную имъ въ 1892 г. по предложенію особой школьно-гигіенической Коммисіи при IV Секціи Общества Охраненія Народнаго здравія, выработавшей, подъ предсѣдательствомъ доктора Виреніуса общую подробную программу изслѣдованія санитарнаго состоянія учебныхъ заведеній, ученія и учащихся, и нашедшую уже примѣненіе во многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Программа г. Каптерева слѣдующая:

Біографическія свѣдѣнія объ ученикѣ.

1) Мѣстность и населеніе, среди которыхъ жилъ ученикъ въ періодъ до школы.

1) Мѣсторожденіе и мѣстожителство—городъ, село, деревня, фабрика. Разстояніе мѣстожителства отъ столичныхъ городовъ, губернскихъ и уѣздныхъ, желѣзныхъ дорогъ, большихъ фабрикъ.

2) Характеръ мѣстности—ровная или гористая, сухая или болотистая, лѣсная или степная, прирѣчная, при озерѣ, при морѣ и т. п.

3) Въ какомъ климатѣ лежитъ данная мѣстность—холодномъ, жаркомъ, сухомъ, влажномъ, и какая погода является преобладающею: ясная, свѣтлая, пасмурная, мрачная. Нѣтъ ли рѣзкихъ суточныхъ колебаній температуры?

4) Какъ продолжительны бываютъ въ данной мѣстности времена года (весна, лѣто, осень, зима) и въ какіе мѣсяцы начинается каждое изъ нихъ?

5) Какая господствующая почва и качество питьевой воды (жесткость, мягкость)?

6) Населеніе мѣстности—густое или рѣдкое, чистое (указаніе племени) или смѣшанное; въ послѣднемъ случаѣ изъ какихъ племенъ?

7) Господствующее вѣроисповѣданіе, главнѣйшіе религіозныя толки и секты.

8) Распространенность грамотности и образованія (какія существуютъ учебныя заведенія)?

9) Преобладающія занятія жителей—земледѣліе, скотоводство, ремесла, торговля, фабричный трудъ.

2) Семья, въ которой выросъ ученикъ.

11) Составъ семьи: родители, дѣдъ и бабушка, дяди, тетки и другіе родственники. Число дѣтей: мальчиковъ и дѣвочекъ. (Если кто изъ нихъ умеръ, то какихъ лѣтъ и отъ какой болѣзни)?

12) Общій складъ семьи: дружная семья, взаимныя отношенія ея членовъ хорошія, или бывали частые раздоры? Наиболѣе вліятельные члены семьи.

13) Національность и вѣроисповѣданіе каждаго изъ родителей; ихъ профессія и сословіе. Профессія ближайшихъ предковъ.

14) Матеріальныя средства родителей, достаточное или скудное существованіе. Помѣщеніе семьи—тѣсное, просторное, число комнатъ и обстановка.

15) Физическая организація родителей: крѣпкаго или слабаго здоровья, страдаютъ болѣзнями (какими?) или нѣтъ, ихъ образъ жизни.

16. Сколько было лѣтъ отцу и матери при рожденіи ребенка? Бракъ родителей—былъ первый, второй или третій? Не состоятъ ли родители въ кровномъ родствѣ?

17) Психическія свойства родителей: степень и родъ ихъ образованія, твердый и мягкій характеръ, ласковы или суровы, интересуются ли общественными вопросами, книгами; есть ли въ домѣ какая-либо бібліотека, выписываются ли газеты и журналы?

18) Родители принимали ли непосредственное и дѣятельное участіе въ воспитаніи дѣтей или передали ихъ на руки другимъ лицамъ—нянѣ, родственницѣ, гувернанткѣ? Въ послѣднемъ случаѣ какъ велико было значеніе этихъ лицъ?

19) Родители одинаково любили своихъ дѣтей или нѣтъ? Какой родитель былъ вообще болѣе близокъ къ дѣтямъ?

3) Ученикъ.

а) Физическая сторона.

20) Какимъ родился ребенокъ—крѣпкимъ, слабымъ, среднимъ? Вѣсъ и длина тѣла при рожденіи.

21) Ребенокъ былъ вскормленъ матерью, кормилицею или искусственно?

22) Прорѣзываніе зубовъ совершалось ли легко или трудно; не было ли при этомъ чего-либо особеннаго?

23) Когда ребенокъ началъ ходить?

24) Какія болѣе или менѣе тяжкія болѣзни перенесены имъ были въ періодъ до-школьнаго образованія?

25) Не было ли какихъ-либо остановокъ или замедленія въ ростъ и вообще физическомъ развитіи и, если были, каковы ихъ причины?

26) *Обстановка ребенка.* Имѣлъ ли отдѣльную комнату и, если имѣлъ, то какъ велика и какъ освѣщена она была? Качество питанія; количество сна. Пользовался ли ребенокъ ежедневно прогулкою на свѣжемъ воздухѣ и сколько приблизительно часовъ? Достаточно ли отдавалось времени играмъ и тѣлеснымъ упражненіямъ?

27) Не замѣчено ли какихъ-либо недостатковъ въ дѣятельности зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса и обонянія?

28) Каковъ былъ ребенокъ до школы вообще — рѣзвъ, крѣпокъ, любитель всякаго рода физическихъ упражненій, или вялъ, малоподвиженъ, слабъ?

б) Психическое развитіе.

29) Когда ребенокъ овладѣлъ членораздѣльною рѣчью? При усвоеніи языка не встрѣчалось ли какихъ-либо особенныхъ трудностей; не было ли замедленія въ усвоеніи рѣчи и т. п.?

30) Большую часть своего времени проводилъ ли онъ съ товарищами или со взрослыми? Кто были эти товарищи и взрослые?

31) Какъ ребенокъ относился къ братьямъ, сестрамъ, товарищамъ? Любилъ ли ихъ или нѣтъ? Въ общихъ играхъ показывалъ ли наклонность командовать или довольствовался вторыми ролями? Не любилъ ли щеголять нарядами?

32) Не было ли у него много игрушекъ, подаренныхъ взрослыми, или ему самому приходилось изыскивать орудія и средства развлеченія?

33) Рассказывали ли ребенку сказки и, въ частности, страшныя?

34) Когда начали учить его чтенію, письму, счету и другимъ предметамъ, и съ какимъ успѣхомъ шли эти занятія и подъ чьимъ руководствомъ?

35) Учился ли ребенокъ иностраннымъ языкамъ; какъ рано началъ учиться, съ какимъ успѣхомъ, по какому методу — живою рѣчью или по книгѣ?

36) Учился ли музыкѣ и пѣнію? Когда началъ учиться, подъ чьимъ руководствомъ, съ какимъ успѣхомъ?

37) Любилъ ли читать и какія книги читалъ всего охотнѣе?

38) Долго ли могъ заниматься подъ-рядъ безъ утомленія и потери вниманія, и сколько часовъ занятій, среднимъ числомъ, падало на день въ началѣ обученія и въ дальнѣйшіе годы?

39) Занимался ребенокъ разными учебными упражненіями по собственному желанію или былъ вынуждаемъ къ тому другими?

40) Не приходилось ли ему совершать путешествія по Россіи или за границей, посѣщать музеи, эрмитажи, театры и какое вліяніе оказывали на него эти путешествія и посѣщенія?

41) Не посѣщалъ ли до школы какого-либо дѣтскаго сада, пріюта и т. п. заведенія и что изъ него вынесъ?

42) Какія преобладающія умственныя склонности замѣчались у ребенка: къ книжнымъ ли занятіямъ или къ ручной работѣ, къ наблюденію надъ природой, къ ариметикѣ и т. п.

43) Не замѣчалось ли въ немъ особенной настойчивости и упрямства, или онъ былъ мягокъ и уступчивъ? Не отличался ли онъ хитростью, злобностью, мстительностью, болѣзненнымъ самолюбіемъ? Умѣлъ ли сдерживаться?

44) Былъ ли онъ нѣженъ, чувствителенъ, плаксивъ, обидчивъ, трусливъ, экзальтированъ или нѣтъ?

45) Отличался ли ребенокъ правдивостью или наклономъ ко лжи? Въ послѣднемъ случаѣ каковы были причины возникновенія и развитія лживости?

46) Разсѣянъ ли былъ ребенокъ или вдумчивъ и сосредоточенъ; любилъ ли общество товарищей или предпочиталъ оставаться въ уединеніи? Отличался ли предприимчивостью, энергіею или пассивностью; слѣдовалъ ли за другими, повиновался ихъ указаніямъ?

47) Требовалось ли отъ ребенка строгое соблюденіе домашняго порядка и семейной дисциплины, или онъ совсѣмъ не былъ стѣсняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ?

48) Какая система примѣняема была въ отношеніяхъ къ ребенку: оказываема ли была ему немедленная помощь по первому его заявленію, или же онъ болѣе предоставлялся собственнымъ силамъ и изобрѣтательности.

Въ заключеніе укажемъ серію данныхъ медицинскаго осмотра, на которыхъ слѣдовало бы обращать вниманіе въ цѣляхъ опредѣленія тѣлосложенія и общаго здоровья учащагося.

Медицинскій осмотръ.

а. Не раздѣвая ученика ¹⁾.

1) Ростъ (въ сантиметрахъ).

¹⁾ Примѣчаніе. Осмотръ раздѣтаго ученика представляетъ много неудобствъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, между тѣмъ какъ разпросы и

- 2) Железы подчелюстные (увеличены ли или малы? тверды ли или мягки? Болят ли? Припухают ли?)
- 3) Зубы. Число кариозных зубов: 1, 2, 3 или нѣсколько? Часто ли болят и когда?
- 4) Есть ли румянецъ или нѣтъ?
- 5) Рефракція глазъ.
- 6) Острота зрѣнія.
- 7) Болѣзни глаза и вѣкъ.
- 8) Слухъ. Качества.
- 9) Болѣзни уха.
- 10) Болѣзни носа (носовое кровотеченіе, хроническій насморкъ).
- 11) Зѣвъ. Миндалевидныя железы.
- 12) Пороки рѣчи. Заиканіе, косноязычіе и пр.

в. По раздѣваніи изслѣдуемаго.

- 1) Тѣлосложеніе (*крѣпкое, ср.-посредственное, слабое*).
- 2) Кожа (на груди). Ея качества—*тонка, толста, нѣжна, анемична, вяла, упруга?*
- 3) Оспопрививаніе. Число оспенныхъ знаковъ на лѣвомъ и на правомъ плечѣ. Напр., 2 п., 3 л. (2 знака на правомъ и 3 знака на лѣвомъ плечѣ).
- 4) Жиръ подкожный (*нѣтъ его, мало или много*).
- 5) Напряженіе мышцъ ²⁾. Мышцы сильно ли напрягаются или нѣтъ, т. е. *крѣпки* ли *слабы* ли или *среднія* (посредственныя)?
- 6) Сила рукъ и стана (динамометръ) въ граммахъ.
- 7) Емкость легкихъ (спирометръ) въ цифрѣ кубич. сантиметровъ.
8. Грудь *высокая, выпуклая, плоская, сжатая* (съ боковъ), *вдавленная* и пр. *Pectus carinatum* или *subcarinatum* (приближающаяся по нормѣ къ куриной груди).
9. Окружность груди при спокойномъ дыханіи, въ сантиметрахъ.
10. " " " наиглубокомъ вдыханіи.
11. " " " наисильномъ выдыханіи.
12. Разность между послѣдними двумя цифрами (10 и 11).

осмотръ изслѣдуемаго одѣтымъ даютъ возможность большею частью не стѣсняться ни мѣстомъ, ни временемъ и примѣнять ихъ даже мимоходомъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вотъ почему дѣленіе на двѣ группы должно найти полное оправданіе съ практической точки зрѣнія. Кстати замѣтимъ, что многіе отвѣты, добытые при удобномъ случаѣ, вскользь, большею частью оказываются болѣе надежными, нежели отвѣты, получаемые при болѣе или менѣе официальномъ изслѣдованіи, на глазахъ товарищей—свидѣтелей всего сообщаемого врачу.

¹⁾ Напряженіе мышцъ плеча и предплечья при сгибаніи при сжатой въ кулакъ рукъ.

13. Состояніе сердца (толчокъ сердца *слабъ, силенъ, умѣренъ*) и пульса (число ударовъ).

14. Спина. Уклоненія отъ нормальнаго положенія частей: *высокія плечи, сутуловатость*, подъемъ плеча (пр. пл. подъемъ праваго плеча, лѣв. пл.-лѣваго), лопатки торчащія (лоп. тор.), т. е. выдающіяся внутреннимъ своимъ краемъ.

15. Искривленія позвоночника (Kyphosis, Scoliosis, Lordosis).

16. Животъ. Величина: *большой, малый* (подтянутый), *средній*.

17. Нѣтъ ли грыжи и гдѣ? (*Паховая, мошоночная, пупочная, лѣвая, правая*).

18. Половые органы. Стенень развитія: *велики, развиты*, (сравнительно не по возрасту). Отвислая *мошонка*.

У дѣвушекъ справки насчетъ менструаціи (времени ея появленія и ея продолжительности).

19. Вѣсъ тѣла (въ граммахъ или фунтахъ).

Къ только что означенному листу не мѣшало бы, въ видѣ дополненія, присовокупить и слѣдующіе семь вопросовъ, имѣющихъ значеніе при составленіи характеристикъ учениковъ большинства небогатыхъ семей и скромныхъ учебныхъ заведеній.

1) Живетъ ли ученикъ у родителей или у постороннихъ лицъ?

2) Сколько комнатъ въ квартирѣ ученика? Свѣтла ли или темна комната, въ которой онъ занимается? Выходятъ ли ея окна на улицу? Попадаетъ ли въ нее солнце утреннее, полуденное или вечернее?

3) Какъ велика спальня ученика? Свѣтла ли или темна? Сколько спитъ съ нимъ въ спальнѣ лицъ? Спитъ ли онъ съ братьями или сестрами? Не спитъ ли онъ въ одной комнатѣ съ обоими родителями или съ однимъ изъ нихъ?

4) Занимается ли дома за первымъ встрѣчнымъ столомъ или пользуется столомъ, вполне отвѣчающимъ размѣрамъ частей его тѣла?

5) При занятіяхъ своихъ пользуется ли удовлетворительнымъ освѣщеніемъ (естественнымъ и искусственнымъ) или нѣтъ?

6) Какъ далеко ученикъ живетъ отъ учебнаго заведенія и, если далеко, то какъ много тратитъ времени на ходьбу (resp. вѣду)?

7) Носитъ ли онъ учебныя пособія въ рукѣ или на спинѣ?

Для лицъ, занимающихся составленіемъ характеристикъ учащихся, можно, въ заключеніе, напомнить, что далеко не лишне было бы интереса имѣть имъ въ распоряженіи фо-

тографическій портретъ изучаемаго ученика за одинъ годъ, а лучше по портрету за каждые два года его жизни и, кромѣ того, обращать вниманіе на почеркъ письма и на мѣны его въ продолженіе школьнаго курса, какъ совѣтовалъ это извѣстный психологъ, покойный профессоръ Прейеръ.

Основы личности.

Тѣлосложеніе.	Темпераментъ.	Характеръ.	Основные умственные способности.
Клѣтчатковое.	Флегматическ. или Индифферент.	Индифферент.	Память.
Эпителиальное.	Сангвиническ.	Эмоціональн.	Интересъ.
Мышечное.	Холерическій.	Активный.	Вниманіе.
Нервное.	Меланхолич.	Интеллектуал.	Пониманіе.

Алфавитный указатель качествъ характера.

Абстрактнаго ума качество лишенный	Da 11.	Благочестивый	Bb 12.
Абстрактный умъ	Da 11.	Буйный	Ab 4.
Актеръ	De 8.	Бука	Ba 6.
Аккуратный	De 11.	Бурный	Ab 3.
Алчный	Ba 15.	Бьющій баклуши	Cb 15.
Альтруистъ	Ba 2.	Великодушный	Ba 16.
Аналитическаго ума ка- чество лишенный	Da 13.	Веселый	Ac 3.
Аналитическій умъ	Da 13.	Властительный	Bb 1.
Антипатизирующий	Ba 9.	Властолюбивый	B'b 1.
Антипатичный	Aa 9.	Внимательный	Cc 7.
Апатичный	Bc 3.	Воздержный	Cc 3.
Афиширующійся	Ab 6.	Враждебный	Ba 7.
Бездарный	Db 4.	Вспыльчивый	Ab 5.
Бездушный	Aa 6.	Высочка	Ab 6.
Безжалостный	Ba 14.	Вѣрный	Bb 8.
Безжизненный	Ac 1.	Вѣжливый	Cc 16.
Беззаботный	Ca 16.	Вялый	Cb 6.
Беззастѣнчивый	Bb 4.	Глупый	Da 1.
Безпечный	Cc 8.	Глѣбный	Aa 2.
Безпокойный	Ab 5.	Грубый	Aa 3.
Безпомощный	Ca 10.	Губящій	Db 1.
Безпорядочный	Cc 12.	Дедуктивнаго ума качество лишенный	Da 9.
Безразсудный	Da 3.	Дедуктивный	Da 9.
Безсердечный	Aa 5.	Деревянный	Ba 13.
Безсофѣстный	Bb 6.	Дерзкій	Ab 7.
Безстрастный	Bc 3.	Дисциплинированный	Cc 5.
Безстрашный	Cb 10.	Добрый	Aa 2.
Безстыдный	Bb 5.	Доброжелательный	Ba 8.
Безтактный	Cc 13.	Добросовѣстный	Bb 7.
Безталанный	Db 4.	Довольный	Ac 5.
Безтолковый	Dc 3.	Довѣрчивый	Ab 8.
Безучастный	Ba 14.	Догадливый	Dc 5.
Безхарактерный	Cc 14.	Драматическаго таланта ли- шенный	Bc 8.
Безцеремонный	Bb 6.	Дружелюбный	Ba 7.
Благоразумный	Dc 1.	Дѣятельный	Cb 13.
Богобоязненный	Bb 13.	Женственный	Ca 1.
Бойкій	Cb 3.	Жесткій	Aa 1.
Боязливый	Ac 7.	Жестокій	Aa 5.

Жестокосердый	Aa	1.	Музыкального вкуса лишен-	B'c	6.
Живой	Cb	2.	ный	Bc	6.
Жизнерадостный	Ac	1.	Музыкантъ	Aa	1.
Жизненный	Ac	1.	Мягкий	Aa	1.
Заботливый	Ca	16.	Мягкосердечный	D'c	8.
Зависимый	Ca	5.	Наводящий скуку	Cc	9.
Завистливый	Ba	8.	Надежный	Ab	9.
Задира	Ab	2.	На поможкахъ	Ca	12.
Задумчивый	Ac	3.	Настойчивый	Bb	4.
Задумчивый	Ab	1.	Нахальный	Cc	11.
Замкнутой	Ba	1.	Неакуратный	Dc	1.
Занятый собою	Ab	2.	Неблагоразумный	Cc	10.
Застѣнчивый	Bb	4.	Небрежный	Cc	7.
Затаенный	Ba	4.	Невнимательный	Cc	4.
Здравомыслящий	Dc	2.	Невоздержный	Ca	6.
Злобный	Ba	8.	Невозмутимый	Cc	16.
Злой	Aa	2.	Невѣжливый	Bb	6.
Злопамятный	Aa	2.	Невѣрный	Cb	4.
Злостный	Ba	8.	Недвижный	Cc	12.
Злоумышленный	Aa	8.	Недисциплинированный	Ba	8.
1. Идеалистъ	Bc	12.	Недоброжелательный	Bb	7.
2. Избалованный	Da	8.	Недовольный	Ac	5.
3. Измѣнчивый	Da	8.	Недовѣрчивый	Dc	5.
4. Измѣненный	Bc	4.	Недогадливый	Ba	7.
5. Изобрѣтательный	Cb	1.	Недружелюбный	Cb	13.
6. Изумляющийся	Ca	1.	Недѣятельный	Ca	5.
7. Импульсивный	Ba	12.	Независимый	Db	2.
8. Индолентный	Ca	1.	Неизобрѣтательный	D'a	6.
9. Индуктивнаго ума ка- чествъ лишенный	Db	2.	Нелюбозаательный	D'c	6.
10. Индуктивный	Ab	10.	Нелюбопытный	B'a	13.
11. Инерционный	Bc	4.	Ненавидящий	C'c	9.
Капризный	Ca	15.	Ненадежный	Cc	9.
Кокетливый	Bb	5.	Неосторожный	Cb	2.
Конкретнаго ума качествъ лишенный	Da	10.	Неповоротливый	Cb	1.
Конкретный	Da	10.	Неподвижный	Bb	1.
Кроткий	Ab	2.	Непокорный	Ca	18.
Красорѣчія дара лишенный	Bc	9.	Непостоянный	Bb	1.
Легкомысленный	Cc	6.	Непочтительный	Db	13.
Лекторскаго таланта лишен- ный	Bc	10.	Непредпримчивый	Ba	10.
Лекторъ	Bc	10.	Непривѣтливый	Cc	5.
Лживый	Bb	10.	Неприличный	Da	7.
Лстивый	Ba	5.	Неразвитый	Da	3.
Лѣнивый	Cb	5.	Неразумный	Da	2.
Любознательный	Da	6.	Нерасполагающий	Aa	9.
Любопытный	Dc	6.	Нерѣшительный	Cb	12.
Любящий	Ba	13.	Неостроумный	Dc	7.
Малодушный	Ba	16.	Несамостоятельный	Bb	2.
Материалистъ	Bc	12.	Несговорчивый	Cc	2.
Медлительный	Cb	2.	Несдержанный	Ab	6.
Мелкая душа	Ba	17.	Несмѣлый	Cb	11.
Мелочной	Ba	17.	Несмѣтливый	Dc	4.
Мечтательный	Bc	11.	Неспособный	Da	14.
Мирный	Bb	3.	Несообразный	Ab	3.
Моть	Cc	17.	Не сознающий собственнаго достоинства	Ca	11.
Мстительный	Ba	7.	Несообразительный	Da	4.
ужественный	Ca	1.			

Несчастный	Ac	6.	Привѣтливый	Ba	10.
Нетерпѣливый	Ca	15.	Привязчивый	Ba	11.
Нетошный	Cc	2.	Прилежный	Cb	5.
Неувлекающийся	Cc	1.	Приличный	Cc	15.
Неувѣренный въ себя	Ca	9.	Приниженный	C'a	11.
Неуживчивый	Ba	6.	Прозанческій	B'e	11.
Неумѣренный	Cc	4.	Простой	Ab	11.
Неуравновѣшенный	Cc	1.	Противорѣчащій	Bb	3.
Неуспѣвающий	Ca	17.	Прямодушный	Aa	7.
Неуступчивый	Bb	2.	Прямой	Ba	5.
Нечестивый	Bb	12.	Пустой	Cc	6.
Нечестный	Bb	9.	Пугливый	Cb	3.
Неэкономный	Cc	17.	Пунктуальный	Cc	2.
Низкопоклонный	Ca	11.	Пылкій	Bc	2.
Ничѣмъ не интересующійся	Dc	6.	Работающій	Cb	15.
Нѣжный	Aa	3.	Равнодушный	Ba	11.
Нѣтъ царя въ головѣ	Dc	2.	Радостный	Ac	4.
Обидчивый	Ca	6.	Развитый	Da	7.
Обманчивый	Bb	8.	Раздумывающій	Cb	12.
Общительный	Ba	6.	Разочарованный	Ac	6.
Ограниченный	Da	1.	Разрушающій	Db	1.
Опасливый	Da	5.	Разсудительный	Da	3.
Оптимистъ	Ac	8.	Разсѣянный	Cc	7.
Ораторскаго таланта лишен- ный	Bc	9.	Разумный	Da	2.
Ораторъ	Bc	9.	Распущенный	Cc	2.
Оригиналъ	Cc	1.	Расточительный	Cc	17.
Оригинальный	Ca	4.	Ревностный	Cb	7.
Осторожный	Cc	5.	Робкій	Bb	4.
Остроумный	Dc	7.	Рѣшительный	Cb	12.
Отважный	Cb	8.	Самолюбивый	Ba	2.
Откровенный	Ba	4.	Самодѣятельный	Cb	4.
Открытый	Ba	3.	Симонадѣянный	Ca	10.
Отрицательный	Ca	13.	Самостоятельный	Ca	3.
Отталкивающій	Aa	9.	Самоувѣренный	Ca	9.
Отчетливый	Cc	10.	Свободолюбивый	Bb	13.
Пасмурный	Ac	2.	Сдержанный	Cc	2.
Пессимистъ	Ac	8.	Себѣ на умѣ	Ab	1.
Печальный	Ac	4.	Секретничающій	Aa	8.
Поверхностный	Ca	14.	Сердечный	Aa	5.
Подавленный	Ac	1.	Сердитый	A'a	2.
Податливый	Ca	12.	Съ душкомъ	A'b	7.
Подвижный	Cb	1.	Серьезный	Cc	6.
Подловатый	Bb	9.	Симпатизирующій	Ba	9.
Подозрѣвающий	Ab	8.	Симпатичный	Aa	9.
Подражательный	Ca	4.	Синтетическаго ума качествъ лишенный	Da	9.
Покорный	Bb	1.	Синтетическій умъ	Da	12.
Полный жизни	Ac	1.	Скептикъ	Ab	8.
Положительный	Ca	13.	Скромный	Ab	6.
Пороху не сочинить	Db	2.	Скрытый	Aa	7.
Постойный	Ca	7.	Скрытый	Ia	3.
Почтительный	Bb	11.	Скучный	Ac	3.
Поэтическаго таланта ли- шенный	Bc	7.	Скупой	Ba	15.
Поэтъ	Bc	7.	Слабый	Ca	2.
Правдивый	Bb	10.	Смиранный	Ab	7.
Празднолюбивый	Cb	16.	Смирный	Ab	4.
Праздный	Cb	15.	Смѣлый активно	Cb	11.
Преданный	Ba	12.	Смѣлый интеллектуально	Da	5.
Предпринимчивый	Db	3.	Смѣлый эмоционально	Ac	7.
			Смѣтливый	Dc	4.

Совѣстливый	Bc 6.	Тщеславный	Ab 1.
Согласный	Bb 3.	Увлекающийся	Bc 1.
Сознающій собственное до- стоинство	Ca 11.	Угнетенный	Ac 1.
Сомнительный	Ca 13.	Угрюмый	Ac 2.
Сообразительный	Ca 4.	Уклончивый	Ba 5.
Сосредоточенный	Da 14.	Умный	Da 1.
Сострадательный	Ba 14.	Умѣренный	Cc 4.
Спокойный	Ab 3.	Упрямый	Bb 2.
Спорщикъ	Bb 2.	Уравновѣшенный	Ca 1.
Способный	Da 14.	Усердный	Cb 6.
Съ тактомъ	Cc 13.	Успѣвающий	Ca 17.
Стойкій	Ca 7.	Уступчивый	Bb 2.
Станный	Cc 1.	Фать	Ab 1.
Страстный	Bc 3.	Хитрый	Bb 10.
Страшливый	Cb 10.	Хладнокровный	Bc 2.
Стремительный	Cb 4.	Храбрый	Cb 9.
Стрѣльный куликъ	Ab 9.	Холодный	Aa 4.
Стыдливый	Bb 5.	Художественнаго чутья ли- шенный	Bc 5.
Суровый	Aa 3.	Художникъ	Bc 5.
Сухой	Aa 1.	Циничный	Cc 16.
Счастливый	Ac 6.	Черствый	Aa 6.
Сценическаго таланта ли- шенный	Bc 8.	Честный	Bb 9.
Талантливый	Db 4.	Чистосердечный	Aa 8.
Твердый	Ca 2.	Чуждающійся	Cc 1.
Творческій	Db 1.	Шаткій	Ba 6.
Теплый	Aa 4.	Широкая натура	Ba 17.
Тихій	Ab 3.	Шумный	Ab 3.
Толковый	Dc 3.	Щедрый	Ba 15.
Точный	Cc 8.	Эгоистъ	Ba 2.
Тревожный	Ab 5.	Экзальтированный	Bc 1.
Трудолюбивый	Cb 16.	Экономный	Ca 17.
Трусъ	Cb 9.	Экспансивный	Ba 1.
Тряпичный	Cb 12.	Юмористъ	Dc 8.
Тупой	Da 1.	Ясный	Ac 2.

Оглавление.

	Стр.
Введение.	3
Тѣлосложение.	15
Соединительная (клетчатковая) ткань.	16
Клетчатковое тѣлосложение.	18
Эпителиальная ткань.	21
Эпителиальное тѣлосложение.	23
Мышечная ткань.	25
Мышечное тѣлосложение.	28
Нервная ткань.	30
Нервное тѣлосложение.	33
Сложные, смѣшанные типы тѣлосложения.	37
Идеальный типъ тѣлосложения.	38
Воспитаніе тѣлосложения.	—
Гигиеническій уходъ за тѣлосложениемъ.	41
Темпераментъ.	58
Темпераментъ сангвиническій.	60
„ холерическій.	62
„ меланхолическій.	63
„ флегматическій.	65
Взглядъ авторовъ на темпераменты.	74
Характеръ.	77

Взглядъ авторовъ на характеръ	78
Характеръ индиферентный	80
„ эмоціональный	—
„ активный	81
„ интеллектуальный	82
Эмоціи	83
Дѣленіе характеровъ на группы	84
Характеры по Азану, Дарвину, Бэну и др.	85
Положительные и отрицательные типы характеровъ.	90
Характеры смѣшанные	96
Умственные способности.	97
Память.	—
Подражаніе	99
Интересъ	—
Вниманіе	100
Пониманіе.	102
Свѣдѣнія объ ученикѣ біографическія	106
Наслѣдственность	—
Вліяніе возраста родителей.	—
Листокъ опросныхъ пунктовъ, дѣйствующій въ Тенишев- скомъ училищѣ	109
Программа біографическихъ свѣдѣній объ ученикѣ—П. Ф. Каптерева.	111
Медицинскій осмотръ учащагося	114
Заключеніе.	116
Таблица типовъ тѣлосложенія, темперамента, характера и умственныхъ способностей	—
Алфавитный указатель положительныхъ и отрицательныхъ типовъ характеровъ.	118

Опечатки.

Напечатано:

Читай:

Стр. 4 строка 24	тѣлодвиженіе	тѣлосложение
„ „ 4	сн. Schutz	Schütz
„ 50 „ 13	сн. питальнаго	питательнаго
„ 55 „ 4	занятій	отъ занятій
„ 72 „ 3	мѣрѣ	мѣрамъ
„ 78 „ 8	строеніемъ	со строеніемъ
„ 79 „ 6	талантливостью	талантливостью авторовъ

На стр. 92 и 93 при буквахъ А, В, С и Д долженъ быть поставленъ апострофъ (').

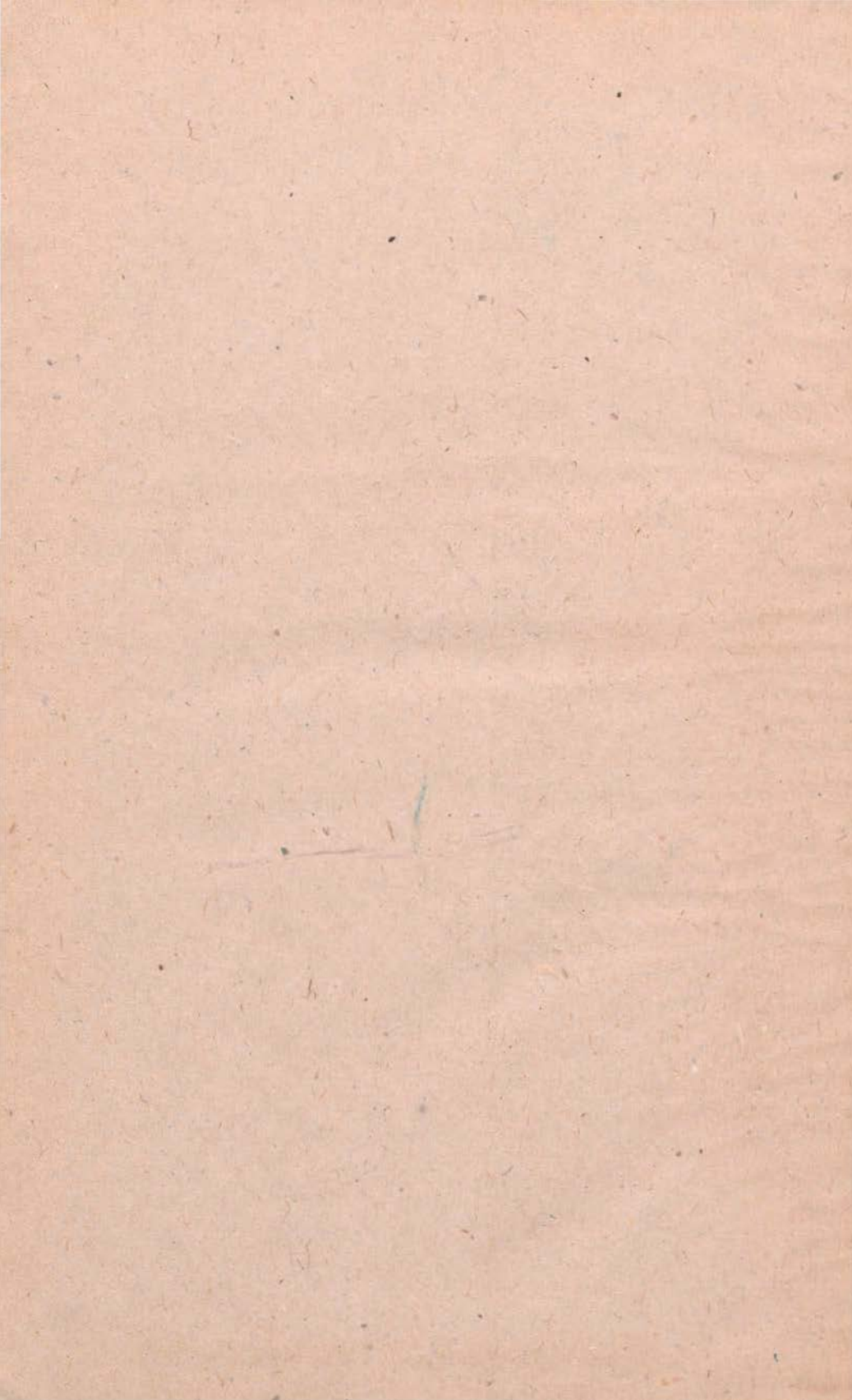
~~P~~

в. оди. нет *mn*

5

Цена 50 коп.

10

руг
р.ф

